Индекс 73325
2 руб.

РОДИНА

ISSN 0235—7089

БОРИС ЕЛЬЦИН — ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ

На Вас выбором народа возложен тяжкий крест. Ответственность же Вы несете не только перед народом, но и перед Богом.

Патриарх Московский и Всея Руси
АЛЕКСИЙ II

МОСКВА, КРЕМЛЬ
10 июля, 1991г.

РОССИЯ НЕСУЩАЯ

Фотоповесть
Евгения Каширина

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

5—1991

Выходит с января 1989 г.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

12

Петровские реформы по традиции связываются нами с прогрессом России. Церковный историк игумен Иоанн придерживается иной точки зрения на политику Петра I, считая ее главной причиной российского апокалипсиса.

27

В рубрике «Из истории российских партий» уже рассказывалось об эсерах, кадетах, меньшевиках... На этот раз речь пойдет о малоизвестных мусульманских партиях, действовавших в России.

83

«Присмотрщик» — в статье Семена Экштута рассказывается о графе А. Закревском, сумевшем еще в 1820 году почувствовать начало кризиса самодержавной власти и всю свою жизнь посвятившем восстановлению солдафонского принципа «единомыслия».

ВЕЧНОЕ

48

В статье «Пока вражда не разделила...» публицист из Мюнхена Михаил Назаров размышляет над проблемами дальнейшего сосуществования двух братских народов — украинского и русского. Единство культурных и религиозных традиций — вот тот общий неделимый фонд, приходит к выводу публицист, который не позволит зародиться вражде между великими славянскими народами.

77

Вы не были в бане вместе со Львом Николаевичем Толстым? Ясно, что нет. А вот русский музыкант и художник Владимир Поль удостоился... Об этом и о других мелочах из жизни великого человека — в его воспоминаниях «Встречи с Толстым».

НОВОЕ

7

Под традиционной рубрикой свою точку зрения на проблемы общественной и политической жизни высказывают наши авторы. Тема сегодняшнего разговора непроста: как быть с церковными ценностями, изъятыми ранее из храмов? См. также стр. 24, 52.

53

С третьего номера «Родина» стала знакомить читателей с наиболее значительными эмигрантскими изданиями. И если представленные в нашем журнале «Континент», «Новый журнал» не столь известны в России, то уж о «Посеве» наслышан всякий. А вот насколько скандальная реклама этого издания соответствует истине —, судите сами.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОБУЗДАТЬ ЧЕРНЬ...

ИГОРЬ РУСАКОМСКИЙ,
научный сотрудник ВНИИ искусствоведения

В современных спорах об экономике, в борьбе за власть между партийными, мафиозными, демократическими лидерами разыгрывается — как одна из карт — и наша духовность, наша культура. Многие понимают, что это выигрышная карта, но мало кто думает о сохранении самой культуры, и уж совсем единицы представляют, как ее возрождать. Однако те, кто еще вчера топтал отделенную от государства церковь, кто считал духовность атавизмом, принадлежностью канувшего в небытие прошлого, теперь в первых рядах ринулись защищать церковь и духовное наследие, которое сохранено не их кровью и не их пóтом. Поражает, с какой яростью эти мнимые защитники, озабоченные лишь приращением своего политического капитала, кричат ныне: «Надо вернуть им все, что у них отнято!» («им», «у них», «они» — здесь подразумеваются церковь и люди духовной культуры). Да, этим людям, сохранившим веру, понимание духовной культуры, традиции Отечества, им, отдавшим свою жизнь за храмы, за книги, за иконы, вынутые из дровяных складов, им, ютящимся в неотапливаемых библиотеках и архивах, в запасниках музеев и реставрационных мастерских, им, спасающим народный дух и народную душу, должно быть возвращено все. Но те, кто призывает сейчас выкинуть из бывших храмов музеи, выставки, картинные галереи, так же не правы, как те, кто в свое время грабили церкви.

Но культуру, выросшую из духовного осмысления мира, насильно отделили от духа. Воздвигнули стену между хранителями духа и хранителями того, что прославляло дух. Воспитали раба. Сейчас стена убрана, и узники, сохранившие сокровища своего народа, отпущены на свободу. Они должны бы восстановить разорванное единство, но, поскольку воспитаны при зверином, скотском режиме, продолжают вести себя как звери. Не братская любовь и единение, а озлобление и нежелание слушать друг друга — вот что свойственно этим бывшим узникам, бывшим рабам. И только чернь, возносящая и низвергающая, та чернь, которая вопила: «Распни его, распни», творит свое безумное дело

Мы знаем и помним П. Д. Барановского, известного реставратора, подвижника в области сохранения памятников архитектуры. Он не был верующим человеком, но всем известно его героическое сражение за храмы — памятники нашей культуры. Мы знаем и помним, как еще до революции истинные патриоты бились за создание закона, охраняющего церковные памятники от неумелого подновления и перестроек.

Так что же происходит сейчас? Сейчас ревет толпа, напуганная грядущим возмездием за свои прегрешения, за грехи отцов и дедов. И в страхе перед этой обезумевшей толпой имеющие власть — власть денег, власть вещей, власть зарубежных поездок — распахивают двери и указывают: вот ваше спасение — за разбитые прежде головы одних мы дадим вам головы других, за разграбленные в прошлом сокровища мы дадим вам сокровища вашей культуры, делайте с ней, что хотите. И вместо христианской любви — озлобление, вместо братской проповеди — непонимание, вместо сохранения — угроза дальнейшей гибели.

Вот, скажем, Донской монастырь. С одной стороны, это святая обитель, с другой — уникальный музей мирового значения, где сохранились чертежи, фотографии, рисунки тех храмов, дворцов, усадеб, которыми была так богата наша Родина. Многие из них безвозвратно утрачены, другие полуразрушены. Это неоценимое подспорье для истинного восстановления нашего наследия. Здесь работают подвижники, люди, преданные своему делу, российской культуре, люди, которые сохранили свои христианские души, не выставляя веру напоказ в угоду моде. Благодаря им, а не нынешним ревнителям справедливости сохранился огонек веры в монастырских стенах. Да, возможно, и сами стены.

Ко мне приезжали мои знакомые, молодые священники из провинциального городка в центре России. Они восстанавливают церковь. У них нет сомнения, как ее восстанавливать: купола сделают, как у соседей (хотя конструкция завершения совсем другая), осыпающуюся мозаику собьют и закажут новую роспись...

Мы проклинали разрушителей храмов и монастырей, но сейчас наряду с действительным восстановлением, с действительным возрождением этих храмов и монастырей идет профанация и восстановления и возрождения.

История с нашими памятниками культуры полна трагических событий — большинство их погибло и погибает не от врагов, а от нашей безграмотности, самомнения, от дробления единой народной культуры на бесконечные, якобы несовместимые части. Ее, как и всю нашу страну, раздирают ведомственные противоречия. Каждый доказывает, что только он единственный имеет право владеть — территорией, фабрикой, культурным наследием. При этом забывается, что все это — общее наше наследие и в конечном итоге мы все за него в ответе. Поэтому важна не конфронтация и разрушительная борьба за приоритет, а совместная работа со взаимным уважением к каждому из специалистов. Я разумею под специалистами тех людей, которые знают и умеют делать свое конкретное дело. Поэтому философ — специалист, священник — специалист, архитектор — специалист, иконописец — специалист,— каждый из них владеет особыми знаниями и навыками, данными ему от Бога и системы профессионального обучения. Поэтому для меня нет вопроса передачи тех или иных предметов нашей культуры (культуры, а не только культа!) из рук одних специалистов в руки других. Здесь каждый случай требует конкретного совместного решения специалистов.

В одной из поездок по Ивановской области, стоя у паперти заброшенного собора Воскресенско-Федоровского монастыря, я познакомился с местным жителем. Он тут же объяснил, что таких соборов в России много и что особую ценность они не представляют. А вот в соседнем селе мечеть, так это... На мое возражение, что мечетей тут отродясь не бывало, мне было заявлено, что здесь все знают, что это мечеть и что в ней раньше была школа. Что же оказалось? Шатровая колокольня при небольшой сельской церкви... Это традиционное русское сооружение, которое строили, может быть, предки этого человека, стало для него чужим. В другом селе — Васильевском — на кладбище односельчане поставили памятник своим родственникам, погибшим в Великую Отечественную войну. Форма этого памятника напоминает буддистскую ступу. Причем сверху поставлен серп. Вокруг сохранились старые надгробия, рядом церковь с замечательными портиками — и все это тоже дело рук жителей этого села. Но это — предки. А потомки закрыли глаза или ослепли.

Сейчас наступил самый ответственный период восстановления духовности в нашей культуре. Дело пастырей и специалистов культуры — помочь этому восстановлению и обуздать чернь, жаждущую новых разрушений.

АЛЕКСЕЙ ЕЛЫМАНОВ

УБИТЬ ДРАКОНА!

Не реставрация коммунистического режима и не военная диктатура угрожают демократии. Опасность подкрадывается с неожиданной стороны...

Одна из причин многих драматических поворотов отечественной истории — политическое мифотворчество, вошедшее в плоть и кровь российской политической культуры.

Первоначально для создания искусственного консенсуса между обществом и властью государство использовало церковь. После октябрьского переворота важнейшим идеологическим инструментом власти стала партократическая машина. Из мифа было изгнано религиозное «космическое начало», проблема индивидуального бессмертия. Миф стал «светским», ограничился выполнением чисто политических функций. Сформировать поколения, которые жили бы, «под собою не чуя страны», как сказал поэт,— эта цель достигалась с помощью метода «социалистического реализма». Его нельзя считать лишь методом художественного творчества. В действительности он служит общим приемом коммунистического мифотворчества.

Истолковывая общественную жизнь с помощью «абсолютных» принципов, идеологическая машина создавала миф о «реальном социализме», «первой фазе коммунизма». Высшей положительной ценностью наделялось все, что соответствовало интересам имперских структур и было необходимо для устойчивого существования чрезвычайного военного режима экономики: государственная собственность, плановые методы хозяйствования, поддержание стабильности цен и зарплаты под контролем государства, полная занятость и другие характерные черты милитаризованных экономик. Все это выделялось в особый разряд явлений — «ростков коммунизма». Расширение сферы действия этих начал и рассматривалось в качестве основного критерия «процесса строительства коммунизма». Высокий же уровень милитаризации всех сфер жизни обосновывался необходимостью защиты завоеваний социализма.

В результате возникла абсурдная ситуация: мы создаем военную экономику для защиты строя, который по самой своей природе и есть настоящая военно-экономическая формация.

Будучи нелепой с точки зрения разума, эта конструкция является вполне здравой с точки зрения логики мифотворчества: мифология реального социализма заставляет человека незаметно принимать даже явно сомнительный тезис как необсуждаемую аксиому.

Хотя миф о социализме и дал трещину, он все же остается на вооружении у сил, готовых взять социальный реванш. Все еще здравствует и та реальность, которая нуждается в мифах, чтобы под их прикрытием проникнуть в наше сознание и утвердить антигуманные ценности. Противники подлинной демократии сегодня стоят перед выбором: попытаться ли вновь навязать обществу старые, привычные образы — или же начать создание новых, менее приевшихся и более эффективных. К первому решению склоняется прежде всего консервативная верхушка КПСС, для которой отказ от старой идеологии равносилен самоликвидации.

Спору нет, «большевики» опасны. Однако еще опаснее имперские структуры самого государства. Мифы приходят и уходят, а структуры имперской власти остаются.

Сегодня они — армия, КГБ, союзный госаппарат — явно колеблются и не решаются безоговорочно поддерживать партийных консерваторов. С одной стороны, «имперцы», очевидно, не хотели бы потерять такой мощный политический интегратор, как КПСС, с другой же — цена, которую страна заплатит за попытку восстановить обветшалую идеологическую рухлядь, может оказаться чрезмерно высокой, а победа — эфемерной и ненадежной.

Консервативные силы, более серьезные и ответственные, чем обанкротившиеся деятели партаппарата, считают вопрос о цене и, главное, прочности возможных результатов подобного «умиротворения» очень важным и значимым. Эти силы не столь тесно, как партаппаратчики, связаны с коммунистической идеей. Полковник Алкснис твердой рукой провел черту: если коммунисты не способны сохранить империю — пусть уходят.

Что же может заступить на место коммунизма в качестве имперской идеологии? Очевидно, нельзя исключать того, что «имперцы» могут обратиться к какой-либо из ретроградных идей фашистского или полуфашистского толка. Думаю, однако, что ни коммунистическая реставрация, ни откровенный фашизм не являются вариантами, от которых может исходить главная опасность для демократии. Коммунизм исчерпал себя и вряд ли способен зажечь кого-либо потребным для империи энтузиазмом. Фашизм же, как известно, по самой своей природе является ничем не прикрытой диктатурой. Энтузиазм, который он может возбудить у консервативно мыслящей части общества, более чем летуч и ненадежен: современный мир слишком динамичен для устойчивого триумфа консерваторов. К тому же националистический вариант фашизма плохо подходит к многонациональной империи, а корпоративный фашизм итало-испанского образца не обладает большими идеологическими ресурсами и до сих пор не опробовался в полинациональных государствах.

На мой взгляд, главная опасность — там, где ее никто не ожидает. Она — в возможностях, которые открывают перед имперскими силами перетолкование и использование *самих демократических идей.* В истории России было немало прецедентов, когда новые идеи, особенно из разряда явно «экспериментальных», утопических, акклиматизировались на имперской почве. Например, та же коммунистическая идеология первоначально отнюдь не замышлялась в качестве инструмента имперской власти, но быстро приобрела эту функцию, когда перед большевиками встала задача удержания своего господства. Тогда-то, отказавшись от идеи единовременной мировой революции и заговорив всерьез и надолго о строительстве социализма в одной стране, большевистская партия превратилась в своеобразный политический рупор, через который на языке социальной демагогии с народом заговорили имперские структуры.

Опыт большевизма свидетельствует, что нет ничего опаснее, чем альянс новых идей с имперским драконом. Какие бы идеи и теории ни вступали с ним в связь, они сразу же теряли свою самобытность и начинали верно служить этому чудищу, становясь как бы новой чешуей, заменявшей износившуюся старую. Есть основания думать, что и сегодня в таком союзе, на сей раз с идеями демократическими, имперские силы могут увидеть шанс на выживание и конечно же будут стремиться во что бы то ни стало этот шанс использовать.

О тенденции к такому альянсу свидетельствует, например, уже сама горбачевская идея о необходимости *сильного союзного центра* для соблюдения на всей территории страны *прав человека* и для поддержания единого экономического пространства. Правда, Горбачев пока по рукам и ногам связан старой идеологией, и попытку соединить демократические идеи с сохранением империи следует рассматривать лишь как первоначальный эскиз главной тенденции.

Но можно ли рассматривать в качестве случайности тот факт, что лидеры демократов пришли к модели демократического движения, отталкивающейся от производственного принципа организации? Такое движение или партия, прикрытые демократической идеологией, вполне способны перенять эстафету тоталитаризма из одряхлевших рук КПСС.

Добавьте к этому склонность общества к политическим культам, политическую нетерпимость, нарастающую агрессивность толпы, провоцируемой неумной властью. Явно сгущается атмосфера, способствующая синтезу прогрессивного, демократического мировоззрения с имперской идеей. Если демократы в качестве своей основной задачи будут рассматривать борьбу с одной лишь коммунистической идеологией, но не станут бороться с имперской реальностью и имперским мышлением, то результаты будут, несомненно, удручающими. В отличие от стран Восточной Европы, где разрушение коммунистических режимов было не только первой по порядку, но и главной задачей демократической революции, ситуация в СССР принципиально иная. У нас решающим барьером на пути утверждения демократии являются не блекнущие идеологические тени большевизма, а куда более весомые вещи — бюрократические, военно-промышленные и другие структуры, материализующие имперский аппарат власти. Без их упразднения, без ликвидации имперских уз не создать ни демократии, ни рынка, ни действительно добрососедских мирных отношений. Но единое экономическое пространство производно от ощущения единого поля доверия. А доверие возникает только в единой национальной общности.

В этом процессе самоопределения, формирования и укрепления национальных общностей на необъятной территории бывшей империи — специфика демократической революции в нашей стране, отличающая ее от стран Восточной Европы. Там демократические преобразования носят реставрационный характер. Общество воспринимает их как переход от коммунистической легитимности (законности) к прежней, докоммунистической. Можем ли мы столь же решительно и полностью отказаться от наследия предшествующего периода и вернуться, скажем, к февралю 1917 года как к исходной точке отсчета нашей демократии?

Для нашей страны эти 70 с лишним лет не были абсолютно пустым временем. В рамках идеологически федеративного, а практически унитарного государства продолжалось развитие наций. За грубой скорлупой коммунистического господства, в подспудной борьбе с имперским началом зрели идеи национально-государственного суверенитета, возникали, если их прежде не было, объективные предпосылки самостоятельности: национальная интеллигенция, урбанизированная социально-экономическая среда, крупные индустриальные центры. А в результате всего этого росло национальное самосознание, складывались национальные системы власти, закреплялись границы ранее отсутствовавших территориально-административных образований — «суверенных республик». Процессы, развернувшиеся ныне, как бы манифестируют эти реальности и имеют ближайшей целью не непосредственно демократические, а национально-демократические преобразования.

В странах Восточной Европы и в Прибалтике созревание национальных государств произошло задолго до утверждения коммунистических режимов. У народов этих стран есть в прошлом исходный рубеж, к которому они могут «вернуться». Куда же возвращаться нам? В капитализм? В российскую демократию? Но «... в России и не было развитого капитализма. Строй был феодальный, господствующим классом было дворянство, абсолютная монархия только после революции 1905 года превратилась в полуконституционную. Так что «реставрировать» нечего» (М. Восленский).

Позади у нас нет сколько-нибудь здоровой демократической традиции. Большевики сознательно или бессознательно стали фактическими преемниками старого служилого класса империи — дворянства. Они ликвидировали итоги александровских и николаевских реформ, из-за которых в России ослабло значение «служилого» сословия — базы империи, готовой уже рухнуть. Большевики отбросили рыночные интеграторы, отказались от «услуг» соответствующего класса — «слабой буржуазии», сменили рынок железным каркасом военно-административной системы. С этой точки зрения они стали легитимными преемниками имперской российской государственности в значительно большей мере, чем пришедшее к власти в результате февральской революции шаткое Временное правительство, которое было нелегитимно по самой своей сущности, отраженной в названии. К тому же в отличие от Временного правительства и от Учредительного собрания, просуществовавшего один день и ликвидированного, точнее «укарауленного» горсткой хулиганов, большевики три четверти века едва ли не усерднее русских царей исполняли свою охранительную миссию в отношении территорий бывшей самодержавной России. Ведь одной лишь коммунистической идеи было бы недостаточно для оправдания их притязаний на власть, и только соединив коммунизм с имперским бытием, создав мощную, разветвленную систему социалистической мифологии, они оказались способными решить эту непростую задачу.

Сегодня и коммунизм, с его мифом «реального социализма», и демократия стоят у некоего исторического перевала, который может оказаться и роковой чертой. Коммунистическая идея выдохлась. Демократическая — еще не определила своего будущего.

Перед демократической идеей стоит великий вопрос: куда идти в поисках самоопределения? Идти вперед, отталкиваясь от сложившихся на сегодня реалий, или же искать некую идеальную точку отсчета в прошлом, перечеркивая целые страницы в книге исторического бытия?

Вперед — это значит: к достойному современной цивилизации сообществу независимых государств, основанному прежде всего на уважении взаимных интересов, на договорных — в соответствии с нормами международной правовой культуры — отношениях. Это путь в цивилизацию, выбор людей, прочно стоящих на земле, готовящих надежное и обеспеченное будущее для своих детей, внуков, правнуков.

Назад — к новой попытке реанимировать империю, на этот раз прикрытием формально провозглашенных демократических принципов.

Распадаясь, империя оставляет нам общую беду: рознь, недоверие, рабью политическую культуру и очень мало мудрости, решимости, мужества. Скудное наследие, что го-

ворить. И, выбирая путь вперед, мы должны сжиться с необходимостью еще очень долго, может быть, десятилетия разгребать авгиевы конюшни зла и бедности. Нельзя надеяться, что за один день, год или десятилетие удастся решить проблемы, которые встанут на этом пути. Необходимо понять, что, улаживая свои, внутренние дела, мы не можем не обращаться за советом и поддержкой к мировому сообществу, к его авторитету и миротворческому посредничеству. О нашей же готовности к этому можно судить по той истерии, которую вызвало у многих совместное обращение Председателей Верховных Советов России, Латвии, Литвы и Эстонии в ООН в дни январской трагедии в Прибалтике.

Второй путь, безусловно, проще. Он способен вновь на долгие десятилетия освободить нас от нравственных мук и ответственных решений. Как и прежде, мы будем все больше и больше погружаться в пучину, не замечая того. Маски-мифы будут сброшены только на кладбище.

Этот новый и, быть может, наиболее парадоксальный виток в истории страны может начаться, если по причине глухоты к голосу исторической памяти демократия не удержится от имперского искуса и обратит всю энергию критики и отрицания только на последние семь десятилетий.

Допустим, что мы пойдем по этому пути, всерьез поверим, что большевизм всего лишь досадный эпизод, не давший желаемых результатов, и что, следовательно, республики, так же как и сам Союз,— это своего рода оптический обман, от которого могли бы легко отказаться «здоровые демократические силы». Допустим далее, что нам удалось (какой ценой и каковы окажутся исторические последствия этого?) преодолеть мыслимое и немыслимое сопротивление «несуществующих» как бы еще республик и все успешно реализовать. Не станет ли страна в этом случае жертвой нового мифа — на этот раз мифа демократического? Если реалии империи сохранятся, хотя бы стыдливо прикрытые демократической легитимностью, то сами демократы из имперского центра недолго останутся верны демократическим идеалам.

Не так давно на страницах «Независимой газеты» Т. Корягина уже попыталась указывать республикам — кому и в каких дозах нужно отмерить себе еще демократии. Если эта высокомерно-имперская склонность не будет в дальнейшем самокритично преодолена демократами, тогда, простите, уж лучше пусть останется «социализмъ». Он глупее, мы знаем его лучше, и обойдется он (и то по крайности) лишь малой кровью. Зато кто знает точно, что натворят лихие садовники-демократы, выпалывая сорняки вокруг «ростков демократии»?

До сих пор можно было думать, что демократия внесет больше «рацио» в общественную жизнь. Но если уж она начнет вводиться сверху и по приказу, то тогда с этой надеждой придется распроститься. И тогда, осмысливая пропасть между демократическими идеалами и имперской реальностью, мы очень скоро примемся при поддержке всей идеологической машины империи за сооружение очередного мифа об обществе какой-нибудь «реальной демократии» и продолжим мостить начатую прежними сказочниками прямую дорогу в ад.

Сохранение империи, пусть «самой демократической», будет означать, что извечная проблема российской истории — неорганический характер развития (Н. Бердяев) — так и останется нерешенной. Движение по пути внешней подражательности и переноса созданных свободным человечеством институтов и технологий на чуждую им почву рабства («псевдоморфозис») останется константой нашего исторического пути. Кнут сохранит свою функцию главного отечественного стимула приобщения страны к плодам прогресса, который сведется к заимствованию техники производства оружия для самосохранения ВПК. А вырванные из контекста идеологические принципы «демократии» в сочетании с реалиями жизни станут материалом для нового этапа российского мифотворчества.

Невозможно? Немыслимо?

И мыслимо, и вполне возможно, если мы не поймем своим, как говорил тот же Бердяев, «вечно бабьим» умом, что мифотворчество — продукт не столько нашего мышления, сколько содержания нашей жизни, что идет не только борьба идеи демократии с идеей коммунизма, но и борьба между реальными историческими силами — между имперскими структурами и силами органического национального развития. Между драконом империи, родившимся из совокупления неметчины и татарщины на наших глухих евразийских топях, и людьми, желающими жить не славой этого огнедышащего левиафана, а *просто жить*.

Дракон привык сбрасывать кожу, менять имена, уничтожать свидетелей. Как никогда велика опасность, что он еще раз возродится в новом обличье и вновь соберет свою кровавую жатву.

Мы снова на историческом перевале. Не у края ли пропасти?

«УНИЧТОЖАЕТСЯ НА МЕСТЕ»

ПЕНЗЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

7 января 1991 года № 8

Заречный горком КПСС

При этом по поручению секретариата обкома КПСС направляется ориентировка о первом съезде Демократической партии России — для использования в практической работе.

Возврату в обком КПСС не подлежит. Уничтожается на месте по акту по истечении 3 месяцев.

Заведующий общим отделом обкома КПСС (А. Лапин)

О 1-м съезде Демократической партии России

1—2 декабря т. г. в Москве состоялся 1-й съезд Демократической партии России (ДПР). В работе съезда, по данным мандатной комиссии, приняли участие 711 делегатов, 145 из них с совещательным голосом. Делегаты представляли 12 автономных республик, 6 краев, 48 областей РСФСР.

Всего в ДПР зарегистрировано 499 городских и сельских районных организаций, выдано 25300 партийных билетов. Так или иначе участвующих в работе ДПР насчитывается около 80 тысяч.

По образцу ДПР созданы демократические партии Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Украины.

ДПР претендует на статус партии демократического гражданского общества. Своим главным лозунгом считает «ненасилие». Обозначает себя как партию парламентского типа, создает депутатские фракции в Советах разного уровня — от районных до республиканских. Членами ДПР являются 150 народных депутатов, из них один народный депутат СССР и четыре народных депутата РСФСР.

Данное общественное объединение, по сообщению мандатной комиссии, состоит в основном из рабочих, студентов, научно-технической интеллигенции. Состав делегатов съезда не вполне соответствовал этому: преимущественно были представлены инженерно-технические работники — 25%, управленцы среднего звена — 22%, творческая интеллигенция — 22%, рабочие — 18%, студенты — только 3%.

На съезде заслушаны: доклад Н. Травкина о задачах ДПР, выступления гостей съезда Г. Явлинского, А. Адамовича, М. Жванецкого, Ю. Черниченко, О. Румянцева. Принят Устав ДПР, председателем ДПР избран Н. Травкин, его заместителями — С. Зимин, А. Терехов, М. Толстой. Начато формирование исполнительного комитета.

В докладе отмечалось, что основной целью партии является роспуск действующих парламентов и съездов, досрочное проведение выборов народных депутатов всех уровней осенью 1991 года.

Основой успешной деятельности ДПР признаны: высокий профессионализм («дальше развиваться на любительском уровне мы не можем»), дисциплина, четкая оргструктура («аморфная структура не может противостоять КПСС и КП РСФСР»).

Выдвинута новая идея не просто антикоммунизма, а «позиционного антикоммунизма», цель которого — «раскрывать античеловеческие проявления коммунизма», борьба с номенклатурой. Для этого Н. Травкин призвал создать партийную организацию с жесткой дисциплиной, способную проявлять единство воли и действия. Председатель правления партии будет работать на профессиональной основе, в связи с чем Н. Травкин заявил о намерении покинуть пост руководителя комитета в Верховном Совете РСФСР.

И в докладе, и в выступлениях звучали нападки на КПСС и особенно на КП РСФСР, «РКП (укоренившееся в их среде название КП РСФСР) матереет. Они вышли из окопов и пошли в атаку на народ» — так охарактеризовал Н. Травкин работу ноябрьского пленума ЦК КП РСФСР и действия народных депутатов-коммунистов на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР. М. Жванецкий заявил, что «в стране нет никакой теневой экономики. Вся теневая экономика — это ЦК КПСС». Ю. Черниченко назвал внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР «Куликовской битвой в Кремле», «ошибкой идеологии», а т. Полозкова И. К.— самым главным «толстоведом»; отмечая великолепную организацию действий блока депутатов-коммунистов, призвал: «Отнять у насилующей структуры агрогулаг». О. Румянцев деятельность КП РСФСР определил как «оголтелую кампанию против Конституции».

В ходе съезда подчеркивалось, что основное в деятельности ДПР — признание свободы человека в рамках Хельсинкских соглашений и Парижской хартии, гарантией чему является только частная собственность, в том числе и на землю. В связи с этим ДПР испытывает определенные трудности в артикуляции своей социальной базы, которая определяется председателем ДПР довольно туманно: «ДПР не массовая партия и не элитарная, а партия здравого смысла».

Во взаимоотношениях с другими партиями лидеры ДПР отдают предпочтение самой близкой Крестьянской партии фермеров, хотя в составе ДПР крестьянство представлено минимально; декларируют отсутствие расхождений с Социал-демократической партией России и Республиканской партией Российской Федерации.

Большое внимание ДПР уделяет привлечению в свои ряды молодежи. Возрастной ценз при приеме в партию снижен до 16 лет. Создано молодежное объединение ДПР.

В настоящее время у членов ДПР не выработано единства мнений ни по вопросам организационного строения партии, ни по кадрам, ни по основным программным принципам (они так и не были рассмотрены на 1-м съезде, принято решение рассмотреть их в дальнейшем).

При выборах на пост председателя Н. Травкин получил только 76% голосов, что свидетельствует о не полном единодушии делегатов. Характерно, что одним не импонируют его авторитарные, вождистские наклонности, другим, наоборот, настораживают его адаптационные способности, проявившиеся в менее резких нападках на КПСС и коммунизм, снижение экстремистского запала, в частности выступление против создания фракций на национальной основе.

Разногласия проявились в попытке альтернативного кандидата на пост председателя ДПР А. Мурашева создать либеральную фракцию, поддерживаемую почти пятой частью делегатов съездов. А. Мурашев и его сторонники планируют обнародовать альтернативную программу и провести конференцию до очередного съезда ДПР. Их намерение — не отступать от своих позиций, вплоть до выхода из ДПР с последующим объединением с партиями «Свободных демократов» и «Свободного труда».

Не располагая конструктивной программой достижения заявленных целей, в том числе содействия установлению национального согласия народов РСФСР, члены ДПР готовы и, по-видимому, уже действуют в направлении дестабилизации обстановки. Цель таких действий — скорее привести к необходимости проведения новых выборов, и если не получится, то спровоцировать введение военной диктатуры. Лидеры ДПР (А. Терехов) рассчитывают, что в этом случае будет отменена всякая политическая деятельность, запрещены все партии, в том числе КПСС. Тем самым признается неспособность «состязаться с КПСС» на равных. Таким образом, четко просматривается почти маниакальная цель ДПР — **уничтожение КПСС любыми средствами.**

Наблюдается противоречие в целях и средствах их достижения. Определяя себя как парламентскую партию, осуществляющую свои цели через депутатов, лидеры ДПР, тем не менее, поставили вопрос о создании первичных организаций в трудовых коллективах. Их основная деятельность, таким образом, перемещается из парламента на места. Это подтверждает и призыв Н. Травкина к широкому проникновению в городские и районные комитеты рабочего контроля, создаваемые в связи с Указом Президента СССР, для захвата в них руководящих позиций.

Представляется целесообразным:

— Обратить внимание коммунистов в трудовых коллективах на планируемое ДПР широкое проникновение в комитеты рабочего контроля, учреждаемые в соответствии с Указом Президента СССР «Об усилении рабочего контроля на потребительском рынке», в целях захвата ключевых позиций в этих комитетах. Принять меры для нейтрализации возможных попыток.

— Учитывая планируемую ДПР организованную и целенаправленную кампанию по дестабилизации обстановки в обществе, требование о проведении досрочных выборов в Советы всех уровней, провести упреждающую кампанию в трудовых коллективах, по месту жительства, в армии, правоохранительных органах, разоблачающую истинные цели ДПР, направленные на захват власти, ликвидацию КПСС, изменение общественного строя в интересах узкой группы собственников.

— Местным партийным комитетам обратить внимание первичных парторганизаций на стремление ДПР к формированию структур в трудовых коллективах, выработать стратегию взаимодействия с ними с учетом конкретных условий.

— Провести региональные совещания партийно-идеологического актива по вопросам работы партийных организаций в условиях многопартийности с целью обмена опытом, разработки мер по координации усилий.

— Обратиться в АОН при ЦК КПСС, ИМЛ, ИНИОН, Высшие партшколы с предложением подготовить и опубликовать в центральной партийной и местной печати материалы, раскрывающие антикоммунистическую сущность ДПР, возможные негативные последствия активизации ее деятельности для общества.

Секретарь ЦК КП РСФСР

И. АНТОНОВИЧ

Петровская эпоха — один из ключевых, поворотных моментов в нашей национальной истории. По значению ее можно сравнить разве только с Крещением Руси, отменой крепостного права, Октябрьской революцией и событиями, которые переживает наша страна сегодня.

В чем смысл петровских преобразований? Однозначного ответа на этот вопрос нет.

Известный церковный историк игумен Иоанн (Игорь Николаевич Экономцев) полагает, что платоновский «Котлован» начинается в петровскую эпоху. Драматический конфликт национально-религиозного идеала и имперской идеи вступает в фазу острейшего кризиса именно в царствование Петра. Великому проекту так и суждено будет остаться котлованом, пустотой, разверзнувшейся вниз, в преисподнюю.

ЦЕРКОВНЫЕ РЕФОРМЫ ПЕТРА I

ИГУМЕН ИОАНН (ЭКОНОМЦЕВ),
председатель отдела религиозного образования и катехизации Московского патриархата

Где истоки «смуты», приступы которой постоянно мучают русскую душу, наполняя апокалипсическим ужасом, предчувствием новых страшных потрясений?

Миф о Петре

Наиболее распространена точка зрения, что Петр осуществил поворот средневековой России в сторону западной цивилизации, ввел ее в европейскую семью, дав нам возможность или заставив нас вкусить запретный плод европейского Просвещения. Такая концепция возникла в последний период царствования Петра, когда усилиями его «просвещенных» сподвижников и поклонников стал создаваться миф о «царе-преобразователе». Этот миф благополучно перекочевал из восемнадцатого в девятнадцатый и двадцатый века. Одним из первых усомнился в его достоверности Карамзин. Славянофилы расширили поле критики. А потом вдруг как-то сразу стало ясно, что заслуга Петра в развитии наших отношений с Западной Европой не так уж велика, ибо «смута», впервые поставившая Московское государство лицом к лицу с Западом, вызвала в России не только национальное пробуждение, но одновременно подвергла ее западному влиянию. В этом одна из важнейших особенностей истории России на протяжении всего XVII века. Столь распространенная в то время на Западе идея естественного права вторгается в русское законодательство. Устанавливаются стабильные отношения с западноевропейскими государствами. Открывается перспектива участия России в антитурецкой коалиции европейских христианских государств.

На фоне таких серьезных процессов «бородоборство» и другие аналогичные акции Петра выглядят несерьезными выходками. Однако они не так уж безобидны, ибо имели целью не столько европеизировать россиян, сколько унизить и подорвать их национальные традиции. Не будем забывать многозначительной фразы Петра: «Европа нужна нам только на несколько десятков лет, а после того мы можем обернуться к ней задом».

Если на Европу русский царь смотрел утилитаристски, то разве не было искренним желание с ее помощью «просветить» Россию? По-видимому, было, но вот каковы результаты.

Высшая школа в России создается еще до Петра стараниями столь нелюбимых им патриархов Иоакима и Адриана. Основанная на православных религиозно-национальных началах, она пустила глубокие корни в стране. Именно на ее базе возникают школы в Новгороде, Переяславле Рязанском. в Коломне, Туле, Орле и других городах России.

А вот детище Петра — Санкт-Петербургская Академия оказалась в России чужеродным телом, если не считать, конечно, одного ее члена, самородка Михаила Ломоносова, воспитанника Московской Славяно-греко-латинской Академии. Петровская Академия учреждена в 1725 году в составе 16 ученых: одного француза, трех швейцарцев и 12 немцев. При Академии открылся университет, а при нем — гимназия. Однако если в гимназии в 1726 году училось 112 человек (в основном дети иностранцев), то через три года их число сократилось до 74, а к 1737 году — до 19. В университете в течение первых 6 лет обучалось всего 8 студентов (среди них ни одного русского), занятия там вообще прекратились в 1731-м. По распоряжению Сената в Санкт-Петербургский университет в 1735-м году было направлено на обучение 12 человек из Славяно-греко-латинской Академии. В 1783 году княгиня Дашкова, приступив к обязанностям президента Академии, обнаружила в университете лишь двух студентов. В связи с этим один из современных советских исследователей замечает, что «система академического воспроизводства (а именно эта задача была поставлена как главная перед Академией.— *И. Э.)* срабатывала... скандально вхолостую».

Санкт-Петербургская Академия пользовалась в XVIII веке достаточно высоким авторитетом за рубежом, поскольку в ней трудились крупные западноевропейские ученые. Но этот орган, искусственно трансплантированный на почву России, не питавшийся ее живительными соками, выполнял чисто престижные функции для правительства. Такое положение вполне понятно. Объективных условий для возникновения в России естественнонаучной Академии в тот период просто не существовало. В этой связи сохранилось любопытное свидетельство. Князь Дмитрий Голицын (были ведь всегда на Руси умные люди!) в 1766 году в частном письме, касаясь правительственных мер, направленных на развитие отечественной науки, писал: «Опираясь на пример истории, боюсь, что средства эти окажутся слабы, если одновременно не будет у нас поднята внутренняя торговля. А она, в свою очередь, не может процветать, если не будет мало-помалу введено у нас право собственности крестьян на их движимое имущество». История, на опыт которой ссылается князь Дмитрий Голицын, блестяще подтвердила правоту его слов. Отмена крепостного права (состоявшаяся, к сожалению, только через сто лет) привела к небывалому взлету гуманитарной и естественнонаучной мысли. В своих проектах Дмитрий Голицын был не одинок. Задолго до него в конце XVII века другой князь, тоже Голицын (речь идет о Василии Васильевиче Голицыне), фаворит Софьи и фактический правитель государства, также вынашивал планы отмены крепостного права. Деятельность пришедшего ему на смену «царя-просветителя» задержала развитие нашей науки и культуры на полтора столетия.

Иногда говорят, что православие (в отличие от протестантизма) якобы являлось тормозом для формирования и развития у нас естественнонаучной традиции. Такая аргументация исторически некорректна. Нет необходимости доказывать огромное значение православного христианства в распространении естественнонаучных знаний в Древней Руси. Но главное, может быть, даже не в этом. Такие черты православного христианства, как космизм, креационизм, пропитанные началами высокой нравственности, потенциально всегда содержали в себе великий стимул для развития науки.

Русская православная церковь и создаваемые ею школы содействовали распространению образования в России. Однако действия государственных властей, и в частности неумеренные поборы со стороны правительства, ограничивали эту деятельность и в ряде случаев вели к закрытию епархиальных школ. Так в силу нехватки финансовых средств была закрыта семинария в Ростовской епархии. По этому поводу св. Димитрий Ростовский с горечью писал митрополиту Новгородскому Иову: «Я, грешный, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начали грамматику разуметь недурно. Но попущением Божиим скудость архиерейского дома положила препятствие. Питающий нас (Петр I.— *И. Э.)* вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться». Большинство школ (из 14 открытых митрополитом Иовом в Новгородской епархии) ожидала такая же участь.

Просвещение и наука требовались Петру не сами по себе, а в утилитарном, сиюминутном преломлении. Ему были необходимы главным образом военные специальности. Могут сказать: «Пусть будет так. Но не разрешил ли он таким путем вековую национальную задачу России — обеспечил ей выход к Балтийскому морю?» Два века мы славили Петра за разрешение «национальной задачи», но потом задумались: «А какой ценой?» П. Н. Милюков произвел подсчеты и пришел к выводу, что за осуществление военных замыслов Петра пришлось заплатить разорением страны. По его данным, с 1670 по 1710 год число семей в России сократилось на 19,5 процента, а впереди еще были 12 лет опустоши-

тельной войны со Швецией.

Петр сделал Россию морской державой, но специалисты считают, что вклад флота в исход Северной войны несоизмерим со средствами, затраченными на его создание. После смерти императора его корабли сгнили в доках, так же как перед этим и корабли, построенные в Таганроге для плавания в Черном море.

Выход к Балтийскому морю не принес России экономического процветания. И вообще экономический подъем начался только после отмены крепостного права, что лишний раз доказывает приоритетное значение в данной области внутренних социально-экономических и нравственных факторов. Австрия, к примеру, веками пробивавшаяся к Средиземному морю, в настоящее время прекрасно существует и процветает без него.

Крахом закончился и предпринятый Петром первый в истории России эксперимент «форсирования индустриализации» страны. Ключевский называл мануфактурную политику Петра «казенно-парниковым воспитанием промышленности». По оценке П. Н. Милюкова, мануфактуры в России стали уродливым наростом, искусственно привитым на экономический организм страны и выжившим лишь благодаря постоянной заботе и поддержке правительства. Большинство этих мануфактур после смерти Петра перестало существовать, за исключением рудников и металлургических предприятий, которые оказались рентабельными, используя подневольный труд крепостных рабочих и заключенных (достойный пример для подражания!).

Петр I своей «форсированной индустриализацией», по мнению ряда историков,— обрек Россию на экономическую отсталость в будущем: распространив крепостное право и на промышленный сектор экономики, он закрепил косную социальную структуру, ставшую тормозом на пути дальнейшего экономического развития государства.

Многие разумные инициативы в условиях бюрократической административно-командной системы были заранее обречены на провал. Петр, например, распорядился: «Купцам торговать так же, как торгуют в других государствах купцы, компаниями». В Голландии это вызвало сильное беспокойство. Но голландский резидент в Петербурге успокоил деловых людей своей страны, что указ останется лишь на бумаге. Так оно и произошло. «Трудится великий монарх, да ничего не успевает»,— с горечью констатирует один из его искренних сторонников.

«В системе петровских преобразований,— пишет протоиерей Георгий Флоровский,— церковная реформа не была случайным эпизодом. Скорее напротив. В общей экономии эпохи эта реформа была вряд ли не самой последовательной и принципиальной. Это был властный и резкий опыт государственной секуляризации... Опыт этот удался. В этом весь смысл, вся новизна, вся острота, вся необратимость петровской реформы». Безусловно, петровская эпоха дала мощный толчок процессу секуляризации церковных земель в России, но сводить к нему суть церковной реформы Петра было бы неправомерно. В конце концов, против церкви как института царь-«преобразователь» не выступал, более того, он претендовал на роль главы поместной церкви. Штелин записал, что на одном из заседаний Синода, проходившем под председательством Петра, последний, получив записку, в которой был поставлен вопрос о поставлении патриарха, одною рукой ударив себя в грудь, а другою обнажив свой кортик, в гневе воскликнул: «Вот вам Патриарх!»

Цель петровской реформы заключалась не в секуляризации и не столько в подчинении церкви государству, сколько в абсолютизации государственной власти, ее освобождении от всех религиозно-нравственных норм. Это был вызов национальной традиции, духовным ценностям и всему укладу жизни русского народа.

Суть петровской эпохи, которая заставляет нас вновь и вновь мысленно возвращаться к ней, которая тревожит нас не только кошмарными призраками прошлого, но и драмами наших дней, заключается в конфликте между национально-религиозным идеалом и идеей империи, в конфликте между интересами этноса, нации и государства.

Идеи и идеалы

Большая Советская Энциклопедия определяет «этнос» как исторически сложившуюся устойчивую группировку людей, основным условием возникновения которой является общность территории и языка. В качестве дополнительного условия сложения этноса называется общность религии. В ходе этногенеза, говорится в соответствующей статье энциклопедии, формируются характерные для этнической общности черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик, общее самосознание.

Известный советский историк и географ Л. Н. Гумилев выделяет в качестве важнейших факторов этногенеза природную среду и людей творческого склада, генерирующих мифы или научные идеи, создающих художественные произведения. По его терминологии, «пассионарии-мутанты» абсорбируют больше энергии, чем необходимо для нормальной жизнедеятельности. Их творческая активность ведет к «перегреву» этноса, к этническому «взрыву», затем следует длительный период инерции, пока не наступает застой и распад. Тысячелетним сроком, необходимым для естественного устранения «мутантов», Л. Н. Гумилев определяет временные рамки существования этносов. Биологизм этой концепции полностью исключает религиозный фактор.

С изложенной идеей никак нельзя согласиться. По нашему глубокому убеждению, религиозная общность есть основополагающий элемент формирования этноса, как бы духовная «закваска», дающая возможность человеку преодолеть в себе «звериное» начало и преобразовать биологическую энергию в творческую. Кстати, творчество «пассионариев», которому историк придает столь важное значение в этногенезе, — выходит за рамки биологизма. Творчество по самой своей природе религиозно. Оно не вытекает из биологических и социально-экономических законов. Это всегда преодоление «самости», восхождение на Голгофу. А ведь для нас, пожалуй, удобнее остаться на уровне инстинктов, избыток же энергии (если все дело в энергии) легко погасить и другими средствами.

Религиозная идея, в какой бы форме она ни выражалась, предполагает целостный взгляд на мир, на космос и Землю, на себя и других, содержит в себе сумму этических норм и совокупность эстетических представлений и идеалов. Ее воздействие всеобъемлюще.

Сложение современных европейских наций, включая русскую, произошло под прямым воздействием христианства. Аналогичную роль на Востоке сыграли иудаизм, буддизм и ислам.

Именно религиозный элемент, а не расовый и племенной, является ферментом этногенеза и, подобно песчинке, попадая в раковину, ведет к образованию жемчужины. В эпоху великого переселения народов родственные племена отталкивались друг от друга, как тела с одинаковыми зарядами, и «разбегались». Формирование же наций происходило повсеместно на основе смешения неродственных племен. В частности, племена, из которых сложилась русская нация, относились к четырем различным антропологическим типам, и племя полян, россов, давшее имя русскому народу, по всей видимости, не было славянским.

Этнический тип, складывающийся в результате смешения различных племенных и расовых групп, продолжительного взаимодействия с определенной внешней средой, сцементированный единой религиозной идеей, единым языком и культурным фондом, весьма быстро проходит инкубационный период и приобретает поразительную устойчивость. Сменилось, например, всего два-три поколения после Крещения Руси, и конгломерат враждовавших между собой племен — вятичей, полян, древлян, дулебов и т. д. — превратился в единую русскую нацию. И даже наступившая вскоре феодальная раздробленность не смогла поколебать ее единства.

Этнос приобретает черты, свойственные отдельной человеческой личности, и прежде всего это неповторимость. Как в личности в нем присутствует иррациональное начало, неизменное, внемирное, а потому и религиозное. Вот почему этногенез — это не только естественный, происходящий во времени исторический процесс, но и таинство. Иррациональное этническое начало есть душа нации, ее идея, ее идеал, ее геном, в котором зашифрована ее судьба, вплетенная в общую судьбу человечества.

По православному учению, каждая человеческая личность является богоизбранной, каждому из нас дан в изобилии тот или иной харизматический дар и от нас самих зависит, отвергнуть его или принять и в какой мере принять. Богоизбранной является и каждая человеческая нация. Вл. Соловьев пишет: «Призвание, или та особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа, как его верховный долг, — эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется, как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия, но от него самого зависит, носить ее в сердце своем и в судьбах как благословение или как проклятие».

Так в чем же заключается русская национальная идея? Сознавая сложность выражения ее на уровне понятий, все же назовем ее важнейшую черту, отмеченную Вл. Соловьевым: *«Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе* (la belle France, la gloire du nom francais); *англичанин с любовью говорит: старая Англия* (old England); *немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит:* die deutsche Treue. *Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о «святой Руси». Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-эстетический, а идеал нравственно-религиозный».*

Русская святость воплощена прежде всего в русских святых. Вглядитесь в их лица, вчитайтесь в их жития. Борис и Глеб, Сергий Радонежский, Нил Сорский, Паисий Величковский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Амвросий Оптинский... Смирение, жертвенность, жажда чистоты, удивительная чуткость к окружающему нас мирозданию, отсутствие всякой экзальтации, терпимость, всечеловечность — вот русский национальный идеал, от которого веет обнадеживающим спокойствием и умиротворением.

Русский национальный идеал воплощается в летописях, литературе, в иконах и фресках, в церковном пении, архитектуре наших храмов и городов. Он отразился на законах нашего государства — и самый блестящий пример — «Русская правда». Но вместе с тем отождествлять национальный идеал, национальную идею с государственной идеей и государственными интересами было бы глубоко ошибочным. Святая Русь — это, с одной стороны, небесный Иерусалим, невидимый град Китеж, а с другой — Русская земля, бытие которой не зависит от государственного устройства и границ. Национальный идеал и церковь, носительница религиозной идеи, единая для всей Русской земли и самостоятельных русских княжеств, были гарантией ее единства. Ситуация стала меняться в период подъема Московского государства, когда начинается постепенное подчинение церкви государству и национальная идея подменяется идеей империи.

Такое развитие событий считается неизбежным, поскольку наши национальные интересы якобы требовали создания централизованного Русского государства. Но так ли это? Может быть, нашим национальным интересам в большей степени отвечала федерация или конфедерация русских княжеств и республик? Во всяком случае, в условиях конфедерации вмешательство бюрократического государственного аппарата в духовную и хозяйственную жизнь было бы минимальным, люди искусства и ремесленники получили бы более благоприятные возможности для творчества, учитывая тот факт, что князья соревновались в украшении своих городов и меценатстве, как это было в Германии. Не смогли бы мы тогда избежать и трагического раскола нации? Ведь именно централизаторская политика Москвы побудила второе по значению русское княжество со столицей в Вильне предпочесть федерацию с Польшей. Лучшие представители Русской православной церкви, и в частности преподобный Сергий Радонежский, прилагали усилия для сближения и сотрудничества русских княжеств (по существу, к созданию федерации). И возникший под прямым давлением церкви союз русских князей одержал блистательную победу на Куликовом поле, сделал важнейший шаг к решению исторической задачи — освобождению Руси от татарского ига, к чему, между прочим, не очень стремились московские правители, они предпочитали использовать Орду в интересах своей централизаторской политики.

Некоторые исследователи, не замечая «подмены», «подлога», называют идею «Третьего Рима» не только в ее эсхатологическом смысле (что по существу своему верно), но и в политическом (что совершенно неправильно) выражением русской национальной идеи. Говоря об отказе великого князя Василия Васильевича признать Флорентийскую унию, А. В. Карташев восклицает: «Пульс духовного волнения души русской возвышается до библейских высот. Святая Русь оправдала свою претензию на деле. Она взяла на себя героическую ответственность защитницы православия во всем мире, она стала в своих глазах мировой нацией, ибо Московская держава стала вдруг последней носительницей, броней и сосудом Царства Христова в истории — Римом Третьим, а Четвертому не бывати». И далее: «Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное сознание никогда не поднималось. Последующая его история была только практическим раскрытием и приложением все того же цикла идей. Русское самосознание от самых пелен своих как-то сразу вознеслось на свою предельную высоту... На грани XV и XVI веков величие и слава Святой Руси сразу и ослепительно открылись русской душе и затем незабываемо залегли в ней навсегда».

Последняя фраза говорит сама за себя. Речь, конечно, идет не о святой Руси, а об идее империи, ибо она «ослепительно открылась» на грани XV и XVI веков.

«Величие и слава» подобают только ей, а не смиренной русской святости. И открылась она, разумеется, не русской душе, а идеологам зарождающейся империи (да и те не сами додумались, подсказали ее иностранцы).

Смешение понятий привело к резкому смещению акцентов. Теперь во главу угла становится уже внешняя устремленность с глобальными, мировыми обязательствами и претензиями, пока еще вполне благородными и совместимыми с национальной идеей. Но... до поры до времени.

Если плотью национальной идеи являются народ, церковь, творческая элита, то идея империи материализуется в абстрактной, безликой силе государственного аппарата. При торжестве централизаторской политики аппарат приобретает невероятное могущество и оказывается способным реализовать фантастические, чудовищные проекты. Чего стоит только разделение государства на земщину и опричнину при Иване Грозном. По сути дела, появляется еще одно террористическое государство, служители которого, разъезжавшие с песьими головами, привязанными к седлу (и это-то в православной, святой Руси!), творили произвол, убивали и грабили, не признавая над собой никаких нравственных законов.

Не здесь ли истоки «смуты», приступы которой будут постоянно мучить русскую душу на протяжении XVII века, наполняя апокалипсическим ужасом, предчувствием новых страшных потрясений, приближения конца мира, пришествия антихриста?

Петр I сделал все от него зависящее, чтобы оправдать эти предчувствия. При нем провозгласившая себя империя окончательно вырабатывает и утверждает свою идеологию, зеркально противоположную национальному идеалу. В ней все иначе: вместо этнической общности — общность гражданская, вместо исконной национальной территории — территория империи, вместо духовной вселенскости и общечеловечности — глобальные имперские устремления, вместо возвышенного космизма — принципиальная ограниченная приземленность, вместо утонченного мистицизма — рационализм, вместо религиозного понятия добра и Бога — абстрактное «общее благо», вместо нравственного закона — имперские юридические нормы, вместо соборности — коллегиальность, вместо духовной иерархии — табель о рангах, вместо терпимости — борьба с инакомыслием, вместо творчества — его жалкая имитация. Вот почему в духовном и творческом отношении петровский период оказался бесплодным.

И если позднее в русской духовности и культурной жизни произошло возрождение, то не благодаря, а вопреки петровским реформам и имперской идеологии, которой так и не удалось до конца подавить и уничтожить национально-религиозный идеал святой Руси. Не случайно трагически складывалась судьба лучших и наиболее талантливых представителей творческой элиты России, что было вызовом бездуховной имперской идеологии.

Личный вклад Петра в осуществление реформ, связанных с его именем, весьма велик. Но переоценивать его не следует. Имперская идеология перемалывает в своих жерновах и личность монарха.

Наделенный неограниченной властью, он вместе с тем оказывался рабом собственной власти, таким же «колесиком» и «винтиком» в механизме империи, как и чиновники правительственного аппарата, — «чернорабочим», служителем «общего блага». Происходило неизбежное обезличивание власти правителя государства.

Неудивительно, что исследователи, постигая вопрос о том, кто является инициатором тех или иных петровских реформ (сам император или его сподвижники), во многих случаях не находят концов. Но, может быть, это и не так важно. Иногда Петр додумывал то, что не додумал Феофан (Прокопович), а Феофан (Прокопович) досказывал не досказанное Петром.

Реформы диктовала безликая и абстрактная, но вместе с тем реальная и могущественная административно-командная система.

Раскол

Вопрос о патриаршестве был больным вопросом для Петра и его сподвижников. Еще недавно патриарх именовался великим государем и в Вербное воскресенье восседал на коне, которого вел за узду сам царь. На памяти современников патриарх судился с царем перед восточными святителями, как равный с равным. Более того, имелось официальное постановление собора 1666—1667 годов о том, что царь самостоятелен и независим в делах гражданских, а патриарх самостоятелен и независим в делах церковных, ни один из них не должен вмешиваться в область ведения другого. Но это никак не укладывалось в имперскую доктрину.

Негативное отношение Петра к патриаршеству хорошо известно (конфликт патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем глубоко запечатлелся в его сознании). И сподвижники Петра разделяли это отношение. Сразу же после смерти патриарха Адриана пишет царю Алексей Курбатов: «Видишь и ныне, ежели, Государь, те же будут во управлении, добра никакова не будет... О избрании же, Государь, патриарха мню достоит до времени обождати». Курбатов рекомендует учредить временное церковное управление из надежных людей, одновременно передав в руки государства финансово-хозяйственные вопросы церкви. И Петр фактически претворил в жизнь все пункты изложенной им в письме программы.

После смерти патриарха Адриана Петр счел уместным «до времени обождать» с решением вопроса о его преемнике. Начавшаяся война со Швецией дала повод затянуть решение. Между тем 16 декабря 1700 года (через два месяца после кончины патриарха) местоблюстителем патриаршего престола был назначен молодой митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский, которого в тот момент Петр рассматривал как своего единомышленника. Сразу же (в январе 1701) был восстановлен Монастырский приказ, а во главе его поставлен бывший астраханский воевода Мусин-Пушкин. Это ведомство управляло патриаршими, архиерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; контролировало церковные штаты; осуществляло строительные работы и вообще занималось посредничеством между Церковью и государством.

Стефан Яворский не имел почти никакой власти и в чисто духовных делах, кадровые вопросы решались помимо него по представлению Мусина-Пушкина, Меншикова и других лиц. Мусин-Пушкин распоряжался патриаршей типографией, ведал переводами, изданием книг и даже исправлением Священного Писания. Полномочия местоблюстителя ограничивало постоянное собрание епископов, попеременно вызывавшихся в Москву.

По всей видимости, Петр не сразу пришел к мысли о ликвидации патриаршества де-юре. Можно согласиться с П. В. Верховским, что на эту мысль его навел, того не желая, сам митрополит Стефан Яворский. Стремясь получить сан патриарха, он однозначно дал Петру понять, что пост местоблюстителя не позволяет ему эффективно решать церковные вопросы. Однако из его доклада (20 ноября 1718) царь, занятый в это время формированием коллегий, сделал совершенно иные выводы. «А для лучшего впредь управления, — написал он в своей резолюции, — мнится быть удобно Духовной Коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять

было возможно». В том же месяце архимандриту Феофану (Прокоповичу) поручили приступить к разработке Духовного Регламента.

Как видно, в черновую рукопись Духовного Регламента, написанного архимандритом Феофаном, Петр внес 11 февраля 1720 года незначительные коррективы и передал на рассмотрение сенаторам и духовным лицам — митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану Яворскому, митрополиту Смоленскому Сильвестру Холмскому, епископу Тверскому Варлааму Косовскому, архиепископу Нижегородскому Питириму, епископу Аарону Еропкину. Отметив необходимость небольших исправлений, они заявили, что в целом «все учтено изрядно». Не удовлетворившись таким заявлением, Петр с помощью подполковника Давыдова собрал под документом подписи всех остальных архиереев («а буде кто подписыватца не станет, то у того взять на листе за рукою, какой ради притчины оной не подписываетца»). В результате Регламент подписали все архиереи, за исключением Белгородского и Сибирского (к последнему, видимо, далеко было ехать), 48 архимандритов, 15 игуменов и 5 иеромонахов.

Успешно завершив «боевую операцию», Давыдов 4 января 1721 года вернулся в Санкт-Петербург, а 25 января Петр подписал манифест об учреждении Духовной Коллегии в составе президента — Стефана Яворского, двух вице-президентов — Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича, накануне поспешно возведенных в сан архиепископа, четырех советников из архимандритов и четырех асессоров из протоиереев. Президент Духовной Коллегии наделяется равными правами с другими ее членами и тем самым лишается возможности оказывать какое-либо особое влияние на решение церковных вопросов.

Императорский манифест обязывал членов высшего церковного органа перед вступлением в должность приносить присягу «крайнему Судии Духовной сей Коллегии, самому всероссийскому Монарху». И на первом заседании Духовной Коллегии, состоявшемся 14 февраля 1721 года, сразу же встал вопрос, по какой форме поминать в храмах во время службы Правительствующее Духовное Собрание (у его членов, видимо, язык не повернулся произнести слово «коллегиум»). С известной робостью они предложили именовать его Святейшим, уверяя царя, что «сей титул Святейший никому же партикулярно присвоится, но токмо всецелому собранию». Петр I милостиво согласился, заменив «собрание» словом «синод». Так Духовная Коллегия стала Святейшим Синодом, что несколько смягчало ее не вполне церковный характер, и как бы приравнивалась к достоинству Патриарха. На правах «наследников» патриаршей власти члены Синода и сотрудники его канцелярии, начиная с президента Стефана Яворского и кончая протоинквизитором иеродиаконом Пафнутием, поспешили разделить между собой патриаршее имущество (облачения, панагии, кресты и прочие «келейные вещи»). Синод был уравнен в правах с Сенатом и подчинен непосредственно монарху.

После смерти митрополита Стефана Яворского в ноябре 1722 года должность президента Синода оказалась де-факто упраздненной. Зато архиепископ Новгородский Феодосий Яновский стал подписываться как «первенствующий член Священного Синода». А в 1726 году названия президента, вице-президентов, советников и асессоров были официально отменены, «ибо те чины приличны более к светским правлениям, а не к духовным». В том же 1726 году Св. Синод разделен на 2 апартамента: в первый вошли 6 архиереев и во второй 5 мирян, однако скоро он превратился в Коллегию Экономии, был выведен из Синода и стал архиерейским по своему составу.

С самого начала Сенат и Коллегии, Священный Синод были поставлены под надзор доверенного лица монарха, «ока государя» обер-прокурора. Инструкция вменяла ему в обязанность «накрепка смотреть» за деятельностью высшего церковного органа, постоянно присутствовать на заседаниях Синода и внимательно наблюдать, чтобы его члены строго руководствовались в своей деятельности высочайшими указами и регламентами. В подчиненное положение к обер-прокурору приставили исполнительные органы Синода — и в частности Канцелярию. Любопытно, что в отсутствие царя Синод имел право в случае совершения обер-прокурором преступления арестовать «око государя» и начать в отношении него судебное расследование. Видимо, тут действовал принцип «разделяй и властвуй».

На самом деле роль обер-прокурора в решении церковных вопросов оказалась весьма скромной. Прошения синодальных членов подавались царю без его посредничества. Его жалованье было по крайней мере раза в два меньше, чем у рядового синодального чиновника, что вынуждало обер-прокурора «всепокорнейше» просить Синод «наградить» его определенной денежной суммой.

Механизм включения высшего церковного руководства в государственную бюрократическую машину был отменно отлажен, приводной ремень в лице обер-прокурора работал вхолостую.

Церковная реформа едва ли вызвала энтузиазм среди русского духовенства: в одном из своих частных писем (от 10 мая 1720) Феофан Прокопович сообщает, что он начал писать книгу в защиту Духовного Регламента, что свидетельствует о наличии вполне определенной оппозиции. О том же говорит и драматическая судьба явно не сочувствовавшего реформе митрополита Стефана Яворского, по воле монарха ставшего президентом Духовной Коллегии.

Реформа Петра оказалась чреватой серьезными последствиями для церкви. Нарушение принципа соборности привело к определенной стагнации церковной жизни. Разверзалась брешь между центральной церковной властью, назначаемой и действующей по указу государя, и поставленными в полную от нее зависимость епархиальными архиереями. Возник раскол между обществом и духовенством. Если в Древней Руси духовенство не представляло собой замкнутого сословия и любой человек, не имеющий канонических препятствий, мог принять духовный сан, то теперь духовенство превращалось в особый служилый класс, вступление в который и выход из которого был резко ограничен. По существу, произошло закрепощение духовенства. Затруднение притока свежих сил неминуемо вело к его интеллектуальному и духовному оскудению и ослаблению нравственного влияния на общество.

Правительственные постановления — дополнения к Регламенту «О правилах причта церковного и чина монашеского» ставили духовенство в двусмысленное положение. Ему вменялось в обязанность доносить Тайной канцелярии и Преображенскому приказу об открытых на исповеди злоумышлениях. В связи с этим Н. И. Кедров замечает: «Когда Петр повелел указом, чтобы духовный отец открывал уголовному следователю грехи, сказанные на исповеди, духовенство должно было почувствовать, что отселе государственная власть становится между ним и народом, что она берет на себя исключительное руководство народною мыслию и старается разрушить ту связь духовных отношений, то взаимное доверие, какое было между паствою и пастырем».

Особенно тяжелые последствия петровская реформа имела для русского монашества. Монашество в принципе не укладывалось в систему утилитаристских воззрений Петра. В одном из его указов говорится: «Нынешнее житие монахов точно вид есть и понос от иных законов, понеже большая часть тунеядцы суть... А что говорят — молятся: то все молятся. Что же прибыль

обществу от сего?» Вот почему он настойчиво стремился найти монахам какое-либо «общеполезное» занятие, выписывал, например, мастериц из Брабанта, чтобы научить монахинь прядильному мастерству, и предписывал обращать монастыри в приюты и лазареты. Духовная жизнь монастырей, органически связанная с национально-религиозным идеалом, находилась для него как бы в ином измерении. Но вместе с тем в ней он инстинктивно чувствовал враждебное начало, несовместимое с идеей империи.

Наконец, церковная реформа не могла не повлиять на характер дальнейших отношений Русской православной церкви с восточными патриархами. Архиепископ (впоследствии патриарх) Сергий (Старогородский) писал: «С учреждением Св. Синода, прежде всего, рухнула... фактическая связь с церковью вселенскою, осталась только догматическая и таинственная... Уже не в качестве представителя вселенской иерархии Синод правит Русскою церковью, а... по указу Его Императорского Величества». Петр бы обошелся без православного христианства — протестантские концепции были понятнее для него и более подходили для его целей, но они не имели никаких шансов укорениться в огромной стране, где альтернативы православию не существовало. Царь мог пародировать православные обряды на всешутейшем соборе, но обойтись без Православия он не мог. Попытка использовать православное христианство, явившееся духовной закваской народа и неразрывно связанное с русской национальной идеей, в интересах противостоящей ей имперской идеи,— главный парадокс петровской эпохи.

Разве не удивительно то, что Петр, насаждавший в России западные обычаи и окруживший себя иностранцами, вводит смертную казнь за совращение православных в иную веру? В постановлении Синода, принятом в 1723 году, говорилось: «Во всех государствах твердое узаконение и обычай своим природным жителям от своей природной государственной, хотя и худящей, веры не допускать и отступльшим смертью казнить». Этот законодательный акт был издан в интересах государственного режима, боровшегося против инакомыслия и рассматривавшего последнее как вызов государственной власти. Само государство следило за регулярностью посещения гражданами храмов, за соблюдением исповеди и т. п., и нарушения в этой области влекли за собой наказания штрафами. Более серьезные нарушения наказывались с беспощадной жестокостью: за богохульство, например, по воинскому регламенту надлежало «язык прожечь и голову отсечь».

Молох тоталитаризма требовал жертв. Создаются специальные органы, занимающиеся расследованием государственных преступлений, в частности Преображенский приказ. Возникают особые «майорские розыскания канцелярии», одна из которых, возглавляемая графом П. А. Толстым, превращается в 1718 году (в связи с делом царевича Алексея) в жуткую «Тайную Розыскных дел Канцелярию». Развертываются политические процессы, достигающие кульминации к 1722 году.

Совершенно очевидно, против чего направлена созданная Петром машина идеологического подавления. Драматический конфликт национально-религиозного идеала и имперской идеи вступает в России в царствование Петра в фазу острейшего кризиса.

Возможно ли возрождение русской религиозно-национальной идеи? Отвечая на этот вопрос, А. В. Карташев говорит: «Небываемое не бывает. Прошлогодний снег растаял. И не в нем дело, не в истлевшей плоти старой Руси, а в ее бессмертном духе, имеющем вновь воплотиться в соответствующую ему в новых условиях новую форму. Старотеократические условия исчезли. Мы живем в мире секуляризовавшейся культуры, новых правовых и авторитарных государств, многоверных, разноверных и безверных... Святая Русь в арматуре новейшей общественности и государственности — это не парадокс, а единственно реальная возможность».

Замечательные слова! К сожалению, А. В. Карташев вновь пытается соединить несоединимое: русскую национальную идею и идею империи. Тут потенциально заложен тот конфликт, который на протяжении истории неоднократно приводил нас к трагическим ситуациям.

Национально-религиозная идея, по нашему глубокому убеждению, относится исключительно к сфере духовной и нравственной. Она может и должна влиять на общественные и экономические отношения в государстве, на его внешнюю и внутреннюю политику, но ее брак с государством принципиально невозможен. «Симфония», причем далеко не совершенная, в Византии и в Древней Руси — это не закономерность, а исключение.

Будучи православным священником, я убежден в особой миссии Русской православной церкви как хранительницы национально-религиозного идеала своего народа. Но вместе с тем я отмечаю возрастающую роль в выражении этого идеала интеллектуальной творческой элиты, представители которой заняты в самых различных областях искусства, науки, общественной жизни и политики. И для этого принадлежность к Русской православной церкви вовсе не является непременным условием. Они сами могут себя считать агностиками или приверженцами других конфессий, оставаясь в русле русской православной традиции. В этой связи в любопытную ситуацию попадают советские евреи, выезжающие в Израиль, которых там называют русскими и сами они во многих случаях начинают сознавать себя русскими: Пушкин, Гоголь, Достоевский, т. е. русская национально-религиозная идея, оказывается, вошла в плоть и кровь.

Можно приветствовать стремление различных народов, населяющих нашу страну, обеспечить свой государственный суверенитет в целях создания оптимальных условий для своего национального развития; важно, однако, не упускать из вида всю сложность диалектики взаимоотношений национального и государственного начала, о чем свидетельствует драма русской истории.

ЛИТЕРАТУРА

Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке. СПб., 1902.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4, М., 1957.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I, СПб., 1904.

Баггер Ханс. Реформы Петра Великого. М., 1985.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.

Гумилев Л. Н. Биография научной теории или автонекролог. «Знамя», 1988, № 4.

Соловьев Вл. Русская идея. О христианском единстве. Брюссель, 1967.

Карташев А. В. Воссоздание св. Руси. Париж, 1956.

Соловьев Вл. Любовь к народу и русский религиозный идеал. Открытое письмо к И. С. Аксакову. В кн. О христианском единстве.

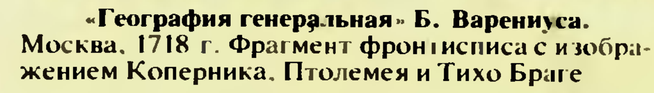
Самарин Ю. Ф. Сочинения, т. 5.

Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1900.

Кедров Н. И. Духовный Регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886.

Мельгунов С. П. Религиозно-общественное движение русского народа в XVIII в.

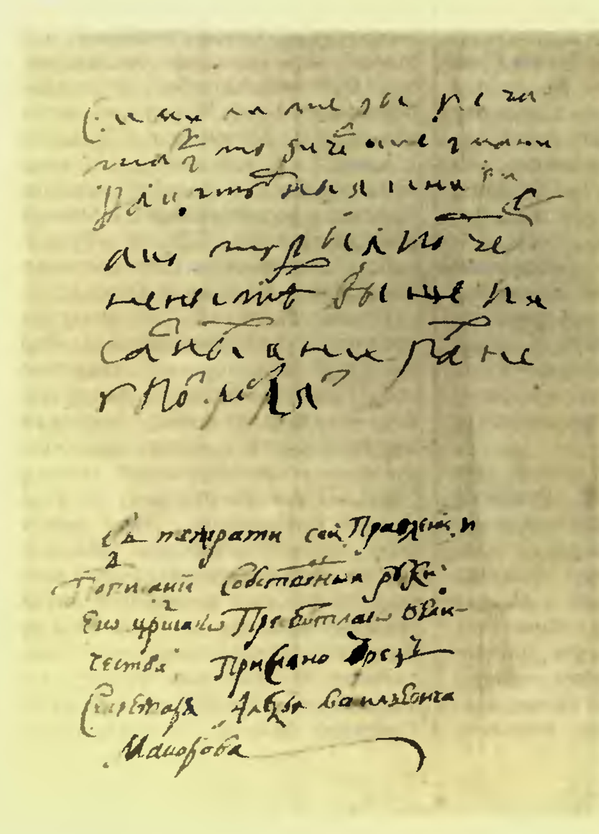

«География генеральная» Б. Варениуса. Москва, 1718 г. Фрагмент фронтисписа с изображением Коперника, Птолемея и Тихо Браге

«Учение и практика артиллерии» И. З. Бухнера. Москва, 1711 г. Фрагмент фронтисписа работы П. Пикарта с изображением «Московской фортеции»

«Азбука гражданская с нравоучениями». 1708 г. Правлена рукой Петра I

[x]

Изображение древнихъ и новыхъ писменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ.

А а — азъ
Б б — буки
В в — веди
Г г — глаголь
Д д — добро
Е є — есть
Ж ж — живете
Ѕ ѕ — зело

СЕРГЕЙ ТУРЧЕНКО,
капитан I ранга

ПОСЛЕ АДА

34 ГОДА ПРОВЕЛИ ОНИ В ПЛЕНУ НА ТАЙВАНЕ. И ТОЛЬКО ВОЛЕЮ СЛУЧАЯ СМОГЛИ ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ, КОТОРОЙ ОКАЗАЛИСЬ НЕ ОЧЕНЬ-ТО И НУЖНЫ

В августе 1988 года три члена экипажа танкера «Туапсе», захваченного в 1954 году гоминьдановцами, возвратились на Родину. Сообщения об этом в печати были довольно сдержанные. Видимо, сказалась инерция подозрительности: а вдруг за ними тянется что-либо недостойное? Вскоре газеты и журналы вообще забыли о недавних пленниках. В первые дни пребывания моряков на советской земле я общался с ними достаточно близко. Тогда же написал небольшую документальную повесть о них, но опубликовать ее нигде не сумел. А недавно еще раз встретился с «туапсинцами». Их первый же вопрос был с упреком: почему молчит пресса? Дело, мол, не в нас, в неволе остались еще несколько наших моряков. Нужно их вызволять. Этот разговор и заставил меня вернуться к забытой теме.

19 августа 1988 года в московской гостинице «Звездная» передо мной сидели два пожилых, убеленных сединами человека. Они явно были в состоянии тяжелейшего стресса: блуждающий взгляд, порывистые, беспорядочные движения, сумбурная и неразборчивая речь...

Всего несколько часов назад Борис Александрович Писанов, Владимир Николаевич Саблин и Валентин Иванович Книга прилетели из Сингапура в Шереметьево. Валентину Ивановичу Книге прямо в аэропорту стало плохо, и его увезли в больницу. Оказалось, он уже несколько недель серьезно болел на Тайване, но держался, опасаясь, что из-за болезни могут задержать.

Помню, когда мы беседовали в гостиничном номере, все время ловил себя на том, как трудно и почему-то стыдно смотреть в глаза этим людям. Чувствовалось, что их никак не отпускало и, наверное, еще долгие годы будет преследовать прошлое.

...23 июня 1954 года танкер «Туапсе», следовавший из Румынии в Китай с грузом осветительного керосина, подходил к траверсу острова Тайвань. В 3 часа 30 минут капитана А. И. Калинина разбудил и вызвал на мостик вахтенный помощник П. К. Горобец — к танкеру приближались военные корабли неизвестной государственной принадлежности. В начинающихся утренних сумерках были видны силуэты эсминца и двух морских охотников. С эсминца световым сигналом послали запрос: «Сообщите название судна, кому принадлежит и куда следует». По нормам международного морского права, в мирное время в нейтральных водах военные корабли не могут подобным образом запрашивать торговые суда. Однако, полагая, что происходит какое-то недоразумение, капитан приказал ответить: «Наше судно — танкер «Туапсе», принадлежит СССР, следует из порта Черного моря в порт Китая». В ответ последовал приказ: «Застопорить ход, капитану с судовыми документами прибыть на эсминец. В случае неповиновения открываю огонь».

Это было беззаконием, и Калинин решил следовать прежним курсом. Но менее чем через пять минут грянули выстрелы скорострельных пушек. На танкере был взрывоопасный груз, поэтому капитану пришлось дать команду застопорить ход. Спустили мотобот, и старший помощник Б. А. Меркулов, захватив судовые документы, направился к эсминцу. А тем временем с военных кораблей к танкеру подошли баркасы с десантниками в гоминьдановской форме... Вскоре «Туапсе» вместе с экипажем был доставлен чанкайшистами в порт Гаосюн.

Правительство СССР сразу же предприняло энергичные меры, чтобы освободить моряков. Американскому послу в Москве была вручена нота протеста по поводу захвата советского судна в водах, контролируемых военно-морскими силами США. Ответ на эту ноту был довольно уклончивым. Тогда Советское правительство, не имевшее своего представительства на Тайване, обратилось с просьбой к правительству Франции взять на себя заботу о судьбе экипажа советского танкера. С помощью французских дипломатов и шведского Общества Красного Креста удалось освободить 29 человек. 26 июля 1955 года они были доставлены самолетом с Тайваня в Гонконг, а 30 июля прибыли в аэропорт Внуково. Сотни людей встречали их. Тогда же мы и узнали подробности жестокой одиссеи «туапсинцев».

По прибытии в Гаосюн команду разделили на три группы (в одной были коммунисты и комсостав, в другой — люди пожилые, умудренные опытом, в третьей — молодежь) и отправили в тюрьму. Там началась индивидуальная обработка: добивались, чтобы пленники подписали заявление о нежелании возвращаться в Советский Союз. Поначалу все шло, так сказать, в приличных формах. Обещали большое вознаграждение, интересную работу, беспечную жизнь. Когда это не возымело успеха, моряков разбросали по одиночным камерам, многих подвергли пыткам и истязаниям...

29 человек были освобождены, но 20 остальных продолжали насильно держать в тайваньской тюрьме под предлогом того, что они написали заявления о невозвращении. На требования вышедших на свободу моряков предоставить свидание со своими товарищами чанкайшисты ответили отказом.

Время шло, об оставшихся на Тайване постепенно стали забывать. И идеологическое основание для этого вроде бы имелось: не зря же их, мол, не вернули, наверняка что-то они там подписали нехорошее. Но родные и близкие пленников успокоиться, конечно, не могли. В Министерстве морского флота я видел сотни писем с требованием не оставлять моряков в беде. Держал в руках и трафарет ответа, разработанный министерскими чиновниками: «Ваш муж (сын) — ФИО — находится в числе членов экипажа танкера «Туапсе», все еще насильственно задерживаемых на Тайване. Принимаются меры к освобождению». Но сколько-нибудь серьезных шагов практически не делалось. Когда в июне 1957 года в Пекине двое бывших военнослужащих гоминьдановского флота Цюй Чэнлинь и Юй Гофан, бежавшие в КНР, рассказали о судьбе «Туапсе» (он был включен в состав ВМФ Тайваня), вопрос о возвращении на Родину оставшихся в плену моряков в репортажах советских газет даже не ставился. И пленники вынуждены были действовать сами.

В начале апреля 1956 года в советское представительство при ООН в Нью-Йорке вошел человек и на чистом русском языке сказал, что он судовой моторист Шишин с танкера «Туапсе» и просит помочь вернуться на Родину. На следующий день сюда же пришли его товарищи — Ваганов, Лукашков, Рябенко и Ширин. 9 апреля они уже были в Москве. История же возвращения этой пятерки такова.

В середине 1955 года после пыток и издевательств девять моряков — Ваганов, Лукашков, Рябенко, Ширин, Шишин, Еременко, Иваньков-Николов, Соловьев и Татарников — подписали заявления с просьбой предоставить им политическое убежище в США. В октябре того же года их вывезли в Вашингтон, где отдали под опеку организации «Уорлд черч сервис». Моряков «проинформировали», что их родные давно уже в Сибири, и стали предлагать работу, в конечном счете направленную против Советского Союза. Группа Шишина стала искать возможность тайно связаться с советскими дипломатами. Как-то в одной из газет прочитали заметку, в которой сообщался адрес советского представительства при ООН в Нью-Йорке. Дальнейшее было делом техники.

Еще четверо моряков с «Туапсе» — Зибров, Анфилов, Бенкович и Гвоздик — в июне 1958 года обратились в болгарское представительство в Бразилии. Как моряки попали в Бразилию? Еще в 1955 году все четверо вынуждены были подписать заявления и попросить политического убежища в США. Но после побега пятерки Шишина их туда не отправили. Моряки решили любыми путями вырваться с Тайваня в страну, где есть советское представительство. Начали ходатайствовать о выезде в Бразилию. В конце концов это удалось. По прибытии туда моряки сумели скрыться от своих «опекунов» и найти представительство социалистической страны. Вскоре их вывезли в СССР.

Рассказ в советской прессе о злоключениях этой четверки на долгие годы поставил точку в теме о тайваньских пленниках. О них словно бы забыли. И для Министерства морского флота возвращение Саблина, Писанова и Книги в 1988 году было как снег на голову. Вот что мне рассказал представитель главного управления кадров ММФ В. И. Захарьящев:

— К сожалению, об их прибытии МИД не поставил нас в известность. Из Сингапура позвонили менее чем за сутки, поэтому мы не успели вызвать родственников, организовать, как положено, встречу, пригласить журналистов. Стыдно, конечно, но мы не знали...

Что же пережили пленники за тридцать с лишним лет? Кто вызволил их из беды по истечении такого большого срока? Об этом мне рассказали они сами. Наши беседы я записал на диктофон. Приведу их с некоторыми сокращениями, но не меняя ни стиля, ни композиции. Мне кажется, так можно передать хотя бы толику того необычайного волнения, которое испытывали эти люди.

Борис Александрович Писанов:

— Когда мы прилетели в Шереметьево, нас встречали Гончаренко Олег Петрович из Министерства морского флота — главный инженер управления кадров — и журналист то ли телевидения, то ли газеты. Гончаренко и сейчас нам много помогает, ищет родных.

— А какие у вас планы на будущее?

— Вы говорите такое, что смешно даже слушать, когда люди не пришли еще в себя. Ведь мы явились с того света, из ада. Я не знаю, каким чудом сердце-то выдержало.

— Вы прилетели самолетом прямо с Тайваня?

— Сначала из Илана в Тайбэй самолетом. Там усадили в машину. Три офицера. Повезли по Тайбэю, показали, дескать, прощайтесь. В час дня вылетели в Гонконг. Четыре часа лету. Потом из Гонконга в Сингапур — еще девять часов. Там нас встретил наш консул, Ткаченко Александр Иванович. Душа человек. Представьте наше счастье — видеть первого советского человека.

— У вас здесь детей не оставалось или были дети?

— Женился, а через неделю ушел в море. Сейчас ничего не знаю. Сестра приедет — узнаю. Может быть... Она звонила из аэропорта по телефону. Я ей сказал: не надо много говорить, давай быстрее ко мне. Из Киева прилетела, зовут Лидия Александровна.

Говорит хрипло, почти шепчет. Объясняет:

— У меня с детства были полипы. Вот на старости дали о себе знать. Если погода меняется — сырость там или холодной воды выпьешь... Но это сегодня завтра пройдет.

Звонит телефон, беру трубку. Это Юрий Николаевич Саблин, старший брат Владимира Николаевича, звонит из Черняховска (Гончаренко его нашел), дает адреса еще одного брата, сестры и свой. Обещает вылететь в Москву.

Владимир Николаевич Саблин явно через силу соглашается на интервью, при этом говорит: рассказывать буду только один на один. Переходим в его комнату.

— Когда десант высадился к нам на судно и нас арестовывали, мы все-таки успели дать радиограммы в Москву и Владивосток. Ни ответа ни привета. Потом дали SOS. Кто-то подошел, по-моему, англичанин. Но к нему подскочил «морской

охотник», и тот ретировался.

Механики сумели поставить другие форсунки, чтобы потянуть время, вдруг да помощь поспеет. Из-за этого больше трех узлов танкер дать не мог. Но все-таки пришли в гаосюнский порт. Там судно начали разгружать. Голодовка. Семь дней. Потом стали сбрасывать на берег. Плаксина первого: за руки, за ноги. Покалечили. Решили сами сходить. Завели в какой-то дом. Врачи нас осмотрели, освидетельствовали. Потом в один автобус посадили капитана с частью команды, другая группа поехала со старшим механиком. Отвезли в тюрьму, продержали недели две. Куда потом группу капитана увезли, я не знаю. А нас, человек двадцать с лишним, разбросали по нескольку человек. Знаю только, что троих — Могильникова, Плаксина и меня — через два дня повезли в организацию НТС. Соколов (был там такой) говорит: напиши на «Свободу». Я попросту ответил: на кой нам, требуем домой. Тогда всех троих увезли назад. Три дня мне спать не давали. Охранник: уснешь — во сне застрелю. Потом начали другую обработку: посадят в легковую машину и по городу возят. Где-нибудь в глухом переулке остановят, в затылок пистолет: клацают курком, вроде осечка. Ноги отнимаются — все. Везут снова туда, где НТС. Так три месяца. Нервы начали сдавать. 3 октября 54-го года мы подписали. И тут же нас отвезли туда, где собирались люди для отправки в Америку. Дали две тысячи местных иен, разрешили выйти в город. Пошли мы в какое-то кафе, под охраной, заказали местной водки, выпиваем, а сами рассуждаем: только бы с острова смыться — там легче на Родину будет попасть.

Вскоре нас перевезли в другую тюрьму. Там наших двадцать человек было: все, которые подписали. Одного, правда, потом убрали — умом тронулся. И Ваню Павленко отправили куда-то в больницу — бритвой себя по горлу полоснул. После он с группой капитана был отправлен на Родину. Вот мы там жили и ждали, когда американцы нас заберут. Переехали туда в ноябре, а в марте узнали, да, седьмого марта, что пятерых Америка не берет, отказывается. Тогда все взяли и написали: не хотим в Америку, не хотим вашей свободы, отправляйте домой. Каждый по отдельности писал. Следующей ночью надели на нас наручники, посадили в машину, привезли в центральную полицию в Тайбэе. Сидим там с неделю. Приезжает человек двадцать военных, выводят сначала меня и против открытых камер с металлическими решетками, где сидят задержанные спекулянты и мелкие воришки, начинают бить. Потом нас отвели в нашу камеру, и там избиение продолжалось. Били свинцовыми перчатками — подарок Америки. Через каждые три-четыре дня все это повторялось, и так до середины апреля.

Потом состоялся суд, без нас, конечно. 9 мая, ночью, нам зачитали приговор — прокурор Тайваня читал, переводчик перевел: за то, что вы обманули нашего президента и то желаете, то не желаете на свободу,— десять лет тюрьмы. Подпишите... Я, говорю, вам не тайванец, чтобы эту бумажку подписывать, а гражданин СССР. Но добили — подписал. Все отбили, несколько переломов. Отправили в тайбэйскую тюрьму нас троих, потом Лопатюка Всеволода Даниловича, который не вернулся, еще нескольких.

Год сидели. Однажды завязали нам глаза, бросили в «студер» и повезли куда-то. Я был сцеплен наручниками с Михаилом Ивановичем Калмазаном. Жму ему руку — прощай; думал, расстреливать повезли. Оказалось, Туянская тюрьма. Шесть душ нас. Три года пробыли. Две комнаты, есть вода помыться. Позже нам сказали: наш президент вас простил. Опять погрузили в машину и без наручников в какое-то курортное место на берегу моря привезли. Охрана. В тюрьме мы сами готовили, а здесь уже повар был. Дали нам по двести долларов: можете выйти в город, только по центральным улицам не ходите. Всегда сопровождал офицер-охранник не ниже майора. Через три года место поменяли. И все время так. Три-четыре года — место меняют. В Сенжу, правда, с 62 по 77-й были. Там же, в домике, охрана. Работать не разрешали. Не били. А в 77-м перевезли в Илан. Здесь уже метров пять высотой забор из колючей проволоки, но периодически разрешали выходить в город. Вроде бы ничего.

13 марта 88-го года посадили нас в машину и привезли в Хвален. Там у них войска стоят, авиация. На воротах — череп и кости. Ну, думаю, хана. Приводят к начальнику, он начал разговор вроде бы шуточный, даже предлагал жениться. Я говорю: тридцать четыре года не женился, а сейчас уж ни к чему. Смеется. Потом серьезный стал: пишите, значит, прошение своему консулу в Сингапуре, чтобы вас забрали в СССР, если возьмут, конечно. Каждый писал отдельно. Я и не знал, что Лопатюк написал отказ. Но нас уже оставалось только четверо. Михаил Иванович Калмазан умер, Анатолия Макаровича Ковалева я хоронил сам, по ихнему обычаю. Умер он вроде бы от операции на желудке, но, скорее, от старых ран. Из мертвецкой его забрали представители буддийской церкви. Кстати, он в больнице-то лежал не под собственным именем и не по своей национальности (это власти скрывали), а как немец.

Но вернусь к самому радостному дню. Приезжают и говорят: 15 августа вылет в Сингапур. Правда, потом перенесли на сутки. 16 августа в 9 часов посадили на самолет — в Тайбэй. Говорят: вы летите домой. Никто не верит. 34 года обманывали. Перед этим тайваньское правительство подарило нам по 50 тысяч местными деньгами на подарки родным. Но умом все равно не верю, еще никакой радости, только мука. Летим в Сингапур, а нам говорят: у вас билеты в первый класс, а сегодня таких мест нет. Мы говорим: отправляйте хоть и без мест. Отправили. В посольстве видели советский флаг и все еще не верили. А когда в самолет сели, вдруг успокоился (до этого несколько ночей не мог уснуть), все свинцом затекло, и уснул, как потерял сознание. До самой Москвы спал, даже не ел.

В Шереметьеве на выходе спрашивают документы, суем бумажки, которые в посольстве дали. Странно так смотрят: куда едете? В Воронежскую область, говорю. Паспорт, оказывается, надо. А мы и забыли, что это такое. Он лежит в кармане, а мы забыли...

Вдруг объявили: моряки с «Туапсе», вас ожидают у справочного бюро. Это были представитель ММФ и журналист. Ну, взяли вещи, сели в машину, и только тут я понял, что это явь.

Так что же за счастливый случай помог этим бедолагам вернуться на Родину? Долго я не мог найти ответ на этот вопрос. Но вдруг в одной из папок в Министерстве морского флота наткнулся на два документа, которые многое объяснили.

В 1988 году новый заведующий консульским отделом посольства СССР в Сингапуре Александр Иванович Ткаченко, принимая дела, в одном из сейфов обнаружил список советских моряков, томящихся на Тайване. Обратился к Рэму Чандре Наиру — заместителю начальника протокольно-консульского отдела МИД Сингапура — с просьбой навести о них справки и выяснить позицию тайваньских властей. Вскоре Наир позвонил и сообщил, что тайваньские власти готовы передать троих бывших советских моряков в СССР через Сингапур, а четвертый — Всеволод Лопатюк — отказался от возвращения на Родину. Перелет в Москву и гостиница в Сингапуре будут оплачены тайваньскими властями, и 15 августа сингапурцы смогут встретить советских моряков в зале почетных гостей аэропорта Чанги.

Да, в Сингапуре их встречали торжественно, с почетом. А в Москве, можно сказать, и не встречали по-настоящему. Конечно, слишком крута судьба у вернувшихся из ада, чтобы с момента приземления самолета в Шереметьеве 18 августа 1988 года все в их жизни стало только светлым.

Двадцать один год был Владимиру Саблину в 1954-м. Так в душе и остался он молодым человеком, которого на родине ждут мама и папа. Маме в подарок на Тайване купил отрез. Из гостиницы звонил, искал: где родители? И вдруг сообщение: нет в живых уже ни отца, ни матери.

У Бориса Александровича Писанова отец полковник в отставке. В то время он был в Киеве, в госпитале, но, узнав о возвращении сына, запросился на выписку.

В тот первый день телефон в номере звонил беспрерывно. У Саблина в Коломне нашлась сестра Тамара Николаевна, в Харькове оказался младший брат Евгений Николаевич, а в Черняховске — старший брат Юрий Николаевич. Услышав об этом, Владимир Николаевич счастливо засмеялся — может быть, впервые по-настоящему за тридцать четыре года.

Пока мы беседовали, добралась из аэропорта сестра Писанова. Долго, может быть, с полчаса, они не выпускали друг друга из объятий, узнавали и не узнавали друг друга, плакали, смеялись. Потом приехала сестра Саблина, потом кто-то из членов экипажа «Туапсе». И снова звонки, звонки, звонки... нашлась и жена Писанова. Но у нее уже другая семья, двое детей. Позвонили в больницу Книге. К нему тоже приехали сестра и брат...

Помню, вошла девушка-портье, спросила: что делать, к вам идут и идут люди, может быть, это вас утомляет, может, перестать выписывать пропуска? Писанов сверкнул глазами:

— Всем, всем выписывайте, даже если будут идти до утра.

Уточняя срок их пребывания на Тайване, я округленно назвал число «34». Писанов решительно поправил:

— 34 года один месяц и 25 дней!

И я вдруг на какой-то миг ощутил, каким свинцово-тяжелым было для них каждое мгновение, проведенное в неволе.

И все эти страшные мгновения, слитые в десятилетия, они ничего не знали о своих родных и близких. С Родиной связывала только память, да еще несколько фотографий, которые удалось чудом уберечь от надзирателей. Писанов показал мне эти карточки, которые вместе с ним прошли через тюрьмы Тайваня и не однажды в критическую минуту прибавляли сил и воли бороться. На одной из них — мама Бориса Александровича, на другой — молодая жена, с которой прожили они всего неделю.

Позже, когда узники отсидели десять лет и стали жить хоть и под охраной, но более свободно, им разрешили иметь приемник. С тех пор они знали все, что происходило в родной стране. И ждали, ждали, ждали, когда же их вызволят из этого страшного заточения. Но шли годы. Не всем было суждено преодолеть беду. Как уже говорилось, умерли от старых ран, полученных во время пыток, Анатолий Ковалев, Михаил Калмазан. Покончил с собой Жорж Димов. А в тех, кто оставался, вера и надежда на возвращение уже еле-еле теплились. Да и положа руку на сердце скажем прямо: возвратились они почти случайно. Если бы не консул в Сингапуре, да не перестройка, не видать бы им больше Родины никогда. Но, слава Богу, они вернулись.

Наша встреча через два с половиной года после их возвращения была не менее эмоциональной. Бывшие тайваньские пленники рассказали, что за это время получили жилье и по 5000 рублей единовременного пособия. Им назначили пенсии, трудоустроили. Но так ли уж все благополучно?

Чем дольше мы беседовали, тем откровеннее становились моряки. Саблин, который теперь живет в Одессе и работает вместе с Книгой в яхт-клубе, рассказал, что в пароходстве в 1988 году над ними попытались устроить нечто вроде общественного суда: мол, так-таки не было измены родине? Да и выделить квартиры пароходство почему-то отказалось — пришлось обращаться в горисполком. Там помогли, но живут эти немолодые, больные люди в общежитии моряков. Пенсии тоже для них выбивали, как говорится, с кровью.

— Но это мелочи,— сразу же застеснялся своих невольных жалоб Саблин.— Счастье ходить по родной земле выше всех мелких неприятностей. Хуже другое — по ночам тайваньские кошмары не перестают сниться. И еще часто снятся невернувшиеся ребята. Нужно сделать все, чтобы они хотя бы на старости лет увидели Родину.

Почему же не захотел вернуться вместе с Саблиным, Писановым, Книгой — Всеволод Лопатюк? Тогда, два с половиной года назад, на этот вопрос бывшие пленники ответить не захотели. И вот только теперь получился разговор.

— Вы что же, думаете, мы не знали, что произошло с теми, кто возвратился до нас, не с первой группой, а позже? — с болью говорили «туапсинцы».— Наши «хозяева» рассказывали, как вначале ребят с помпой встречали, а потом тихонько отправляли в места не столь отдаленные на 10—15 лет...

В Министерстве морского флота я спросил об этом у Олега Петровича Гончаренко. И вот что он мне сказал:

— Мы не располагаем сведениями о причинах, но Бенкович, Гвоздик, Зибров и другие после возвращения были осуждены и приговорены к 15 годам лишения свободы. Отсидели по восемь лет, а потом были освобождены в связи с отсутствием состава преступления.

Четыре человека с танкера «Туапсе» не вернулись на Родину: В. Лопатюк, В. Еременко, В. Соловьев, В. Татарников. Мы точно не знаем, по собственному ли желанию или по злой воле они остались на чужбине. Увы, и другого точно не знаем: сколько таких наших людей вообще за рубежом? Лишь о некоторых удалось навести справки с помощью начальника главного управления — заместителя начальника Генштаба генерал-полковника Е. Смирнова. Он рассказал, что, не считая «афганцев», сейчас в плену за рубежом находятся трое военнослужащих — Е. Чураев, Ю. Калистратов, А. Кувалдин. В ночь с 17 на 18 марта 1988 года во время неожиданного наступления эритрейских повстанцев был захвачен командный пункт эфиопской дивизии. Трое советских офицеров попали в плен.

Все это время советская сторона пытается вызволить военнослужащих из плена. Но Народный фронт освобождения Эритреи, обещая в принципе вернуть пленных, ставит все новые и новые условия.*

Там же, в Эфиопии, еще в 1978 году пропали без вести шестеро наших военнослужащих. До сих пор судьба их не ясна.

Наверняка есть и другие пленники и пропавшие без вести наши соотечественники за рубежом. Давайте же потребуем, наконец, от МИД, других ведомств отчета о том, что делается (а если не делается, то почему) для их возвращения на родную землю. Из тайваньской одиссеи, равно как и из других похожих историй, пора извлечь урок.

* Очерк был уже подготовлен к печати, когда Е. Чураев, Ю. Калистратов и А. Кувалдин возвратились на Родину.— *Ред.*

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОСТАВИВ ГОНЕНИЯ И ТОРЖИЩА...

ИГОРЬ БЕХТЕРЕВ,
редактор отдела литературы и искусства журнала «Родина»

На испоганенной, захарканной, залитой кровью русской земле есть еще, уцелели островки лепоты и благодати, остатки былой роскоши. Это церковные строения — монастыри, храмы, часовни. В одних располагаются мастерские и склады, в других — исправительные учреждения, в третьих — музеи, и лишь малая толика их сохранила прежних владельцев и прежних насельников.

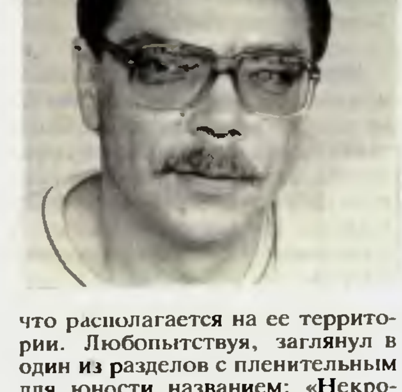
Естественно поэтому стремление тех, кто некогда владел всем, вернуть себе хотя бы часть из оставшегося после погромов и разграблений. Понятно их желвние затвориться в крепких стенах, отгородиться от всеобщего убожества, нищеты и безобразия и вновь, как тысячелетие назад, начать подвиг просвещения Отечества. Не думаю, что совершать его будет легче и приятнее, чем первым христианским миссионерам. Ибо проще обратить к свету язычников — заблуждающихся, но хранящих в душе страх Божий, нежели наше больное, без надежды и совести живущее общество.

Но кто из мыслящих и разумных воспротивится просвещению? Даже те, кто развязал войну против собственного народа и его культуры и чьи деяния мы сейчас расхлебываем,— даже они нынче «за» — за духовное возрождение, за нетленные ценности, за нравственное обновление и т. д. Не уверен, что искренне, но — слова произнесены, законы изданы, указы подписаны... Мы почти пережили большевистское иго, и окончательное падение режима — это лишь вопрос времени. Не скажу: дней, месяцев, лет. Скорее, десятилетий. Ибо сегодня их власть — не власть идеи и веры, а власть кучки людей, уютно расположившихся на шее народа и не желающих спускаться на обесчещенную ими землю.

Сами они и не спустятся. И палец о палец не ударят, чтобы вернуть России облик, пригодный для одухотворенного бытия. Это может сделать только церковь, вековечный народный учитель и поводырь. Только она, а не идеологизированные институты власти, способна шаг за шагом, год за годом восстановить и обустроить прежнее пространство добра, света и красоты.

Но для этого ей необходимо вернуть — как хирургу скальпель, как поэту перо — все, что было у нее отнято. Вернуть свободу заниматься хозяйственной деятельностью, вернуть строения, книги, предметы культа — и сбереженные бессребрениками, и растащенные по частным коллекциям, и обретающиеся в музейном заточении. Это не только долг и обязанность, но и искупление вины тоталитарного государства перед народом.

Как-то давным-давно попал я в Сергиев Посад, в Троице-Сергиеву лавру, точнее, в музей,

что располагается на ее территории. Любопытствуя, заглянул в один из разделов с пленительным для юности названием: «Некрополь». Просторное подземелье; я ожидал увидеть саркофаги, где покоится прах праведников, череду благоговейных и скорбно-светлых лиц, но на пыльном полу, сваленные второпях, будто ворованные дрова,— валялись в беспорядке выдолбленные из белого камня пустые гробы... Вот тогда и обожгло: сколько же надо было разорить всего, чтобы устроить эту ничтожную, в сущности, выставку?

С тех пор и подхожу ко всем музеям с этой меркой. Ибо они у нас (за редчайшими исключениями) свидетельства не процветания искусств, а символ монополизации искусств государством, их отчуждения — вопреки известному лозунгу «искусство принадлежит народу» — от народа. И возвращение церковных ценностей в храмы — это косвенное признание начавшихся в стране разгосударствления и приватизации.

Говорят: «Вы хотите отлучить народ от прекрасного!» Но разве прекрасному единственное место в музеях, где всегда кто-то дышит в затылок или объясняет спутнице то, что хотел «выразить» художник? Нет, прекрасное должно быть рассредоточено, разлито по всей толще жизни, оно должно окружать и сопровождать человека от рождения до могилы. И даже дальше — в глубь веков, в глубь памяти, в глубь поколений. (Церковь, кстати, прекрасно с этим справлялась: заупокойные молитвы, поминания,— и все торжественно, с уважением к боли, к страданию.) Только тогда прекрасное «работает», незаметно, исподволь преображая бытие и нас в нем. Раз в жизни попав в музей — в Эрмитаж, Третьяковку, Русский музей,— наскоро пробежав по залам, прочитав таблички под экспонатами,— какой нравственный урок вынесет из такого «приобщения» к прекрасному простой человек, не умеющий отличить не то что копию от подлинника, но и Рубенса от Рембрандта? Уж лучше посмотреть репродукцию в альбоме...

И разве, вернув иконы в храм, мы тем самым отлучим народ от прекрасного? Напротив, приблизим!

Впрочем, и французские импрессионисты лучше бы, выигрышнее бы смотрелись в каком-нибудь ночном кафе, где зачастую и создавались, чем в казенных безликих музейных залах. А уж икона, русская православная икона вообще особый случай. Она, как бы ни была искусна и совершенна, всегда о высшем и ради высшего, и место ей в храме, где золотой жар свечей и сизые лоскутья благовонного дыма.

Нельзя вынуть из живого человека сердце, положить на ладонь и с холодностью знатока любоваться его совершенством. Сердце должно жить в теле.

Так что на вопрос: возвращать или не возвращать? — нужно ответить однозначно и без малейших сомнений: да, возвращать.

Сомнения в другом: сумеет ли современная церковь, безмерно ослабленная и порушенная, распорядиться принадлежащим ей — а стало быть, и народу — достоянием? Хватит ли у нее сил и средств, чтобы оградить сокровища от святотатцев и времени, от непогоды и заурядного людского небрежения?

Смущает и некоторая агрессивность церковных деятелей, готовых вышвырнуть вон тех, кто, не по собственной воле оказавшись в святых стенах, худо-бедно, а обихаживал их в лихие годы. Но если церковь и впрямь радеет о благе Отечества, пусть берет под крыло то, что поистине на краю гибели. Пусть не уподобится она, недавно сама гонимая, своим гонителям, и, оставив торжища, явит нам любовь, смирение и милость.

«Моя краска течет из сердца...»

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧЕ С МАРКОМ ШАГАЛОМ

6 июня 1973 года, я четко помню этот день. Я, мой друг артист театра «Современник» Валентин Никулин и художник Георгий Крутицкий поднялись на 15-й этаж гостиницы «Россия».

Волновались страшно. Еще бы — с нами сейчас будет говорить сам Шагал. Но вмиг улетучилось все наше волнение, когда стремительной походкой вышел к нам стройный пожилой человек. Крепко пожимая руку, он вдруг неожиданно спросил: «Вы не против, друзья, если мы сейчас отведаем бутербродов с красной икрой и русской водочкой?» Мы, естественно, были не против, мы рассмеялись, и напряжение тут же спало. Шагал поднял рюмку и провозгласил тост: «За вас, мои друзья, за Россию, за искусство!»

В лице Шагала меня поразили его глаза — чистые, голубые, как у младенца. И в то же самое время это были глаза священника, пронизывавшие тебя насквозь, входящие в самое сокровенное и потаенное. Я бы назвал эти два васильковых озерца глазами ясновидца.

Началась непринужденная беседа. Марк Захарович обращался «по кругу» с вопросами к каждому из нас. Когда Валентин Никулин стал рассказывать, что сыграл недавно в кино роль одного из братьев Карамазовых, Шагал прият-

но удивился. И тут же высказал ряд интересных суждений по поводу творчества Достоевского, назвав Ивана Карамазова высшим философским феноменом писателя. Он отметил, что роль отца в кино упрощена, дана в однобоком, карикатурном и даже в гротесковом плане. На самом деле у Достоевского образ отца обладает глубоким содержанием, и за всей его внешней комикой и даже варварством себялюбца таится грусть по утерянной идиллии семейного очага. И тут же неожиданно спросил, сколько раз каждый из нас был женат. Увидев наше смущение, хитровато улыбнулся, пригрозив нам пальцем. Потом перешел на серьезный тон: «А кто, по вашему мнению, более сложный, загадочный писатель, Достоевский или Гоголь?» Мы хором ответили: «Достоевский».

— Совершенно неверно, друзья,— убежденно сказал Шагал.— Именно Гоголь, значение которого нашей культурой и искусством еще не раскрыто до конца. Мир Достоевского стоял ближе к нам по хронологии. Достоевский заглянул в самую глубину человеческой пропасти, кошмарные картины нравственного разложения, человеческой униженности и оскорбленности повергли его мощный интеллект в смятение и ужас. Всполохи всемирного апокалипсиса кровавым отблеском ложились на лики его героев. Его эпика философско-религиозного плана фактически граничила с царством вседозволенности. Разум Достоевского был апологетикой будущего ницшеанства, он теоретически и нравственно предопределил кризис европейского гуманизма XX столетия.

Гоголь, его творчество, напротив, находясь в начале века, не было еще овеяно запахом разложения человеческой цивилизации. Гоголь находился в обществе, в котором вера в изначальную красоту, крепость семейного очага, человеческого труда на земле, в романтику казачьей вольницы была реальным устоем жизни. Душа Гоголя была как бы более человечной, она еще не была оторвана от человека, и, как бы высоко она ни возносилась к звездам, правда естественности всегда возвращала ее на землю. Но сила Гоголя заключалась именно в том, что, находясь еще в самом начале надвигающегося кризиса человеческого отчуждения, его гений предвидел трагическую безысходность наступающего мира зла, беззакония, насилия и незащищенности «маленького человека». Именно «смех сквозь слезы» был той формой, которую избрал его талант. Его грусть, лукавая усмешка комика были мудрыми и возвышенными; трагическая космогоничность и жуткая дисгармония бытия еще не могли исторически стать их правдой. Однако Гоголь все чувствовал, видел и предвидел. Разобраться по-настоящему в «комике зла и добра» Гоголе мы еще не можем. Да и навряд ли он понимал все это сам. Иначе как объяснить личную трагедию последних лет жизни великого писателя? Вот почему играть Гоголя на сцене, в кино, кажется мне, труднее, чем героев Достоевского. Его пластическая формообразующая души более уязвима и не защищена, чем эпическая соборность Достоевского.

Затем Марк Захарович спросил у Валентина: «А вы не пробовали сыграть роль Христа?» Мы вздрогнули и переглянулись с артистом. Дело в том, что буквально накануне, осмотрев выставку Шагала в Третьяковской галерее, уже на первом этаже около картины Ге «Голгофа» я сказал Валентину: «Смотри, старина, как ты похож на Христа. Вот бы тебе сыграть его в кино».

И тот же вопрос Шагала.

Когда он спросил меня, чем я занимаюсь, я ответил, что пишу картины и одновременно пытаюсь разобраться в категориях эстетики прекрасного и безобразного. Шагал сказал мне: «Илья! Запомните, вы не искусствовед, а художник». Затем он пристально посмотрел на меня и твердо повторил: «Вы художник, Илья. Занимайтесь «первой реальностью» делания красоты. «Второй реальностью» пусть занимаются эстетики — неудавшиеся художники».

Спустя какое-то время он вновь спросил меня: «Скажите, Илья, как вы пишете?» «Сердцем пишу, Марк Захарович»,— ответил я. Шагал пожал мне руку и сказал: «Я тоже — химик. Моя краска течет из сердца».

Наступило время прощаться. Я подарил Марку Захаровичу книги Василия Шукшина, Распутина, Бабеля. Увидев иллюстрации к повестям и рассказам Бабеля, он, показав на них, сказал: «Илья, тема революции в искусстве — это не скучная правильность классического рисунка. Революция — это прежде всего хаос страстей, праздник неведомых сил в человечестве. Художник должен быть всегда адекватен предмету своей любви. Пишите всегда радостно, Илья, пишите не разумом, а только сердцем, не думая о стилях, направлениях, законах красоты и прочей ерунде».

Уже на выходе Валентин Никулин прочел Шагалу четыре стихотворные строки, из которых запомнилась мне одна: «Еще не кончен бал».

Марк Шагал поднял глаза вверх, затем низко-низко поклонился нам и, разогнувшись, тихо прошептал: «Друзья мои, запомните. Бал — это вечное состояние космоса. И еще ничего не известно, что там»,— указал он рукой в небо. Когда он опустил глаза и посмотрел на нас, в них стояли слезы.

«Еще не известно, что там»,— повторил он с глубокой печалью.

Я понимал, что больше никогда не увижу этого человека. Но... глубоко ошибся. Вечером, проезжая мимо моей мастерской, он зашел и подарил мне свою работу — цветную литографию с дарственной надписью.

Сегодня уже нет в живых этого великого художника, которого я считаю своим «крестным отцом» в искусстве. Именно он, и только он, дал мне силу и уверенность в избранном пути художника. Низкий поклон тебе, мой дорогой наставник.

ИЛЬЯ КЛЕЙНЕР

* * *

Вся жизнь Ильи Александровича Клейнера разбита на две жизни: до и после этой встречи.

ДО: голодное военное детство, драники на солидоле; чтобы купить любимые книги, сдавал кровь на донорском пункте; первые пейзажи с русскими сибирскими избами, слепой бандурист, лермонтовский «Мцыри»; первый учитель рисования Николай Бачунин; болезнь — перенес семнадцать операций, экзамены в школе сдавал на костылях; плачущая в день смерти Сталина математичка; работа в глухой тайге — воспитателем детского дома; преподавал эстетику и философию в Новосибирске; организатор первой в стране выставки Павла Филонова, а также Роберта Фалька в Академгородке; знакомство с Галичем — там же, попытка инсценировать прозу Солженицына — там же; 71-й год — аспирантура в Институте искусств — тема «Категория безобразного в искусстве»; переезд в Москву.

1973-й — знакомство с Марком Шагалом во время его приезда в Москву.

ПОСЛЕ: занятия монументальной живописью — оформление малых и больших городов страны; создание серии пространственно-декоративных произведений «Сибирская сюита»; коллекционер Костаки приобретает несколько работ Клейнера; участие в московских и республиканских выставках; создание мозаичного панно в центре международной торговли в Москве и плавательного бассейна в Олимпийском комплексе; реставрация кафедрального собора Павла и Бориса в Рязани; первая персональная выставка в Тимирязевской академии; закуплены работы «Л. Толстой», «Пушкин и Натали», «Портрет матери» и другие; серия полотен на библейские темы; персональная выставка в Дубне; становится учителем живописи Джуны Давиташвили; создание мозаичной композиции в пансионате «Рыбак Заполярья» в Сочи; участие в благотворительных акциях Советского детского фонда; выставки в ФРГ, Египте и Италии; некоторые работы отобраны фирмой Сотбис для аукциона.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ЛЕВ ОВРУЦКИЙ

ПОД ЗЕЛЕНЫМИ ЗНАМЕНАМИ

В РАЗГОВОРЕ УЧАСТВУЕТ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИНДУС ТАГИРОВ.

Лев Овруцкий. К 1917 году в России насчитывалось свыше 50 национальных партий, среди них и несколько мусульманских. В фундаментальном труде советских историков «Непролетарские партии России. Урок истории» (М., 1984) можно найти сведения об азербайджанском Мусавате, казахских Шуро Исламии и Алаш-Орде и т. д., но нет упоминания о собственно российских мусульманских партиях. Почему?

Индус Тагиров. Скорее всего дело в том, что информации о них маловато.

Л. О. Многопартийность в России вырастала из серьезных и часто неразрешимых противоречий между различными социальными группами — рабочими, крестьянами, служилой интеллигенцией, помещиками, буржуазией и т. д. Интересы каких слоев выражали и защищали мусульманские партии России?

И. Т. Они претендовали на защиту интересов всех российских мусульман — независимо от социальной принадлежности. И в этом смысле трудно говорить о них как о политической партии...

Л. О. И все же имелись партийные структуры (членство, центральный и местный комитеты), издавалась партийная пресса...

И. Т. Верно; только мусульмане никогда не ставили своей задачей завоевание власти. Цели, которые они выдвигали, были много скромнее и сводились в первую очередь к пробуждению национального самосознания мусульманского населения: речь шла о просвещении народа, о разрешении национальных проблем.

Тому было две причины. Во-первых, положение российских мусульман. С 1552 года, когда Казань была завоевана Иваном Грозным, они, как и другие «инородцы», подвергались национальной и религиозной дискриминации, насильственной русификации и христианизации.

Во-вторых, российские мусульмане не могли отделить себя от всего мусульманского мира, оказавшегося под властью колонизаторов. Сотни миллионов жителей Афганистана, Ирана, Индии, Индонезии подвергались жесточайшей эксплуатации и унижению. Отсюда исходит протест, нашедший оформление в панисламизме — идее мусульманской нации, основанной на ощущении единой судьбы.

Критики из большевистского лагеря отмечали, что панисламизм пытается соединить «освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.» (Ленин В. И. ПСС, т. 41, с.166). Но могло ли быть иначе? Ведь духовенство и купечество духовно были наиболее «продвинутыми» слоями.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«Родственность и солидарность среди мусульман выражается не только на словах или на бумаге, но она есть в их душах и крови. Как есть родственность и солидарность 20 млн. мусульман России, так есть и идейная родственность более чем 300 млн. мусульман всего мира, всей земли. Родственность мусульман не похожа на общность партии, а несравненно выше. Поэтому должен быть союз не только мусульман России, но и мусульман всей земли, ибо все мусульмане должны действовать в одном направлении» (Аршарупн А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931, с. 29—30).

Л. О. В 1904—1905 годах, когда страна бурно революционизировалась, мусульмане не остались в стороне. И Ленин отмечал, что «мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали... мусульманский союз» (ПСС, т. 30, с. 323).

И. Т. Очевидно, он имел в виду создание партии Иттифак муслимин.

Л. О. Какие данные мы можем занести в политическое досье этой партии: социальный состав, руководители, программно-тактические установки?

И. Т. Социальный состав: в основном духовенство и интеллигенция. Из лидеров назову троих.

Рашид кази Ибрагимов — имам столичной (петербургской) мечети. Имел широкие связи с заграницей, особенно с Турцией, где подолгу жил. В августе 1904 года по ходатайству российского консульства его арестовали в Константинополе (за панисламистскую пропаганду) и передали русским властям в Одессе, что вызвало протест в мусульманских кругах. Через несколько дней он был освобожден распоряжением только что назначенного министра внутренних дел Святополк-Мирского.

Импульсом к организации собственной партии послужила встреча Р. Ибрагимова с А. Стаховичем, одним из теоретиков кадетского движения, и другими видными деятелями партии «народной свободы». Во всяком случае, именно в это время Ибрагимов в срочном порядке связывается с мусульманскими представителями ряда городов и обсуждает с ними организационные и программно-тактические вопросы. Учредительный съезд прошел полулегально в августе 1905 года, во время знаменитой Нижегородской ярмарки. Около 150 делегатов несколько дней заседали на пароходе «Густав Струве».

Другой лидер — Исмаил бек Гаспринский, человек с военным образованием, инициатор преподавания светских дисциплин в мусульманских учебных заведениях. Он мечтал о создании единого тюркского языка, полагая, что на его основе произойдет консолидация мусульман.

И наконец, необходимо упомянуть об азербайджанце Алимардане Тупчибашеве. *«Среди бакинских панисламистов,— говорилось в обзоре жандармского управления,— видную роль играет присяжный поверенный Тупчибашев... Партийные дела ведет лишь путем свиданий и переговоров. Этот метод вообще усвоен мусульманами, никакой переписки, никаких документов и никакой преступной литературы на дому»* (ЦГАОР, ф. ДПОО, Д. 74, ч., ЛБ. л. 8). Именно ему поручалось подготовить программные документы новорожденной партии Иттифак муслимин.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Постановление I съезда Иттифак муслимин...

§ 2

Мусульманам вменяется в обязанность соединяться с русскими передовыми представителями.

§ 3

Мусульмане должны, сообразуясь с законом, стремиться к получению политических и гражданских прав, какими пользуются в данное время русские.

§ 4

Мусульмане должны стремиться и приноровиться к тому, в чем нуждается в настоящее время Россия...

(ГА Ульян. обл., ф. 885, оп. 1, д. 1085, л. л. 14—15)

Л. О. Программа партии выдержана в кадетских тонах. Однако кадеты выступали за «единую и неделимую» Россию, а члены Иттифак муслимин тяготели к национальной самостоятельности. Как разрешалось это противоречие?

И. Т. Оно не разрешалось, а как бы приглушалось, поскольку кадеты допускали автономию, а требования мусульман пока что дальше и не шли.

Иттифак муслимин не была радикальной партией. Поэтому смыкание с кадетами, учитывая исходную социальную основу, было закономерным: неудивительно, что среди кадетских лидеров мы видим и Садри Максуди, и Юсуфа Акчурина — известных мусульманских общественных деятелей. (Кстати, по замечанию жандармских аналитиков, *«впоследствии мусульмане несколько охладели к к. д. партии, благодаря тому обстоятельству, что к. д. более обращали внимания на евреев, чем на все другие национальности, и игнорировали интересы мусульман»*. ГА Оренб. обл., ф. 21, оп. 9, д. 4, л. 218.)

Л. О. Партия Иттифак муслимин просуществовала до 1914 года. Судя по дате, можно предположить, что распад партии связан каким-то образом с мировой войной...

И. Т. Турция воевала на стороне Германии и Австро-Венгрии, и российские мусульмане были поставлены в непростую ситуацию. Огромное большинство из них остались верны России. Но Ибрагимов эмигрировал в Турцию, где развернул широкую прогерманскую пропаганду.

Тут надо учесть, что, с одной стороны, Турция была традиционно «заклятым» врагом России, с другой — между Турцией и российскими мусульманами установились давние и прочные связи. Будучи центром Оттоманской империи и единственным в мире независимым мусульманским государством, Турция, естественно, притягивала мусульман. В этом таилась определенная опасность для Российского государства.

В одном из агентурных донесений говорилось: *«Это новое влияние, источником которого явилась Турция, отразившись прежде всего на нашем Поволжье, выдвинуло татар в качестве прогрессивного мусульманского элемента, каковой начал сознательно стремиться к обеспечению культурного влияния на прочие народности, исповедующие ислам»* (ЦГАОР СССР, ДПОО, д. 74, ч. 48, л. 39).

Понятно, что с началом войны полицейские препоны, чинимые деятельности мусульманских активистов, усилились. Правительство, по-видимому, опасалось, как бы мусульмане не стали своего рода «пятой колонной». Поэтому полицейская агентура активно внедрялась в их ряды, без контроля не оставляла даже мусульманские деревни. Однако опасения были напрасными, мусульмане лояльно исполняли свой воинский долг.

Л. О. Взрыв политической активности в России приходится на 1917-й...

И. Т. К этому периоду относится возрождение российской мусульманской партии. Еще в 1916 году Департамент полиции в секретном циркуляре от 9 мая сообщал: *«Волна освободительного движения захватила и мусульман, передовая часть коих оказалась к тому времени уже достаточно подготовленной для присоединения к всеобщему движению, в целях достижения уравнения мусульман в политических, религиозных и имущественных правах с коренным русским населением и принятия участия с передовыми русскими людьми в установлении такого порядка, по которому законы составлялись бы при участии избранных народом представителей его»* (ГА Оренб. обл., ф. 21, оп. 9, д. 4, л. 218).

Первый Всероссийский мусульманский съезд состоялся в мае 1917 года в Москве. На нем выявилось два течения — унитаристы и федералисты. Первые ограничивались требованием национально-культурной автономии. Ахметбек Цаликов призывал: *«Во имя великих целей, во имя освобождения мусульманского мира от рабства европейского капитала не поддавайтесь соблазну территориальной автономии... Федеративное устройство разделит и расчленит нас... Для борьбы... нужно единство. Если пламя свободы будет ярко светить в России, то искры его мы должны перенести во все страны мусульманского мира»*.

Федералисты, которые в основном были связаны с национальными окраинами, настаивали на политическом самоопределении и звали к суверенитету. Каждый мусульманский народ, считали они, должен обладать собственной государственностью.

Л. О. Но помимо национальных проблем, которые, естественно, выдвигались на первый план, невозможно игнорировать и общероссийские проблемы — политические, социальные. Какие позиции здесь занимали мусульманские деятели?

И. Т. Трудно связать их с какой-либо одной политической ориентацией. Скажем, по рабочему вопросу они тяготели к социал-демократам: поддерживали требования 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, обязательного социального страхования. По отношению к аграрному вопросу их позиции смыкались с позициями социал-революционеров; разделяли убеждение о необходимости уравнительно разделить все помещичьи, церковные и государственные земли между крестьянами (это естественно — ведь среди мусульман России, за исключением Башкирии, не было крупных земельных собственников).

Временное правительство их на какое-то время устраивало: поначалу оно было достаточно демократичным и вполне терпимым к идеям, которые пропагандировались мусульманскими лидерами.

Когда вспыхнул корниловский мятеж, мусульмане решительно поддержали Керенского. В Туземную дивизию, двигавшуюся на Петроград, наряду с агитаторами ВЦИК прибыли и представители Мусульманского исполнительного комитета (Искомус), избранного на I Всероссийском съезде мусульман (май 1917). Среди них находился и внук Шамиля. Борьба была непростой, но итог известен. Туземная дивизия отказалась идти на Питер...

Л. О. На I Всероссийском съезде мусульман было решено вновь собраться через два месяца. Однако в июле 1917 года в Казани собирается не один, а сразу три мусульманских съезда.

И. Т. Процесс политического размежевания шел исключительно быстро. Распад Российской империи к лету 17-го стал очевиден. И федералисты предпочли не искать, как сейчас бы сказали, консенсуса с унитаристами, а просто отказались (за редким исключением) от участия во II Всероссийском съезде, предпочитая свои региональные проблемы общим. Оттого-то этот съезд собрался не в Москве, а в Казани. Здесь в эти дни заседали I Всероссийский съезд мусульманских воинов, избравший свой исполнительный орган — Всероссийское мусульманское военное собрание — шуро (ВОШУРО), а также I Всероссийский съезд мусульманского духовенства.

На объединенном заседании делегаты всех трех съездов единодушно поддержали принцип национально-культурной автономии.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Из решения, принятого на совместном заседании трех мусульманских съездов, 22 июля 1917 года. Казань.

Великое объединенное заседание Общемусульманского съезда России, съездов военных деятелей и духовенства, обсудив вопрос о национально-культурной автономии для мусульман внутренней России и Сибири, решило:

1) Немедленно, не ожидая созыва Учредительного собрания, приступить к осуществлению национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири;

2) Поручить проходящему в настоящее время в Казани II Общемусульманскому съезду России выработать основные положения, предусматривающие порядок организации национально-культурной автономии.

Л. О. В целом позитивное отношение мусульман к Временному правительству как будто бы предопределяло их сдержанное отношение к Октябрю...

И. Т. Это не совсем так. Менялась политика Временного правительства — менялось и отношение к нему мусульман. Когда правительство декларировало свободу вероисповедания, ввело в армии должность военных мулл, заявило о своей приверженности равноправию

языков и культур — это приветствовалось. Искомус (Исполнительный комитет мусульман) и ВОШУРО (Всероссийское мусульманское военное собрание) официально выразили ему свою поддержку. Однако, когда Керенский в качестве военного министра начал препятствовать созданию мусульманских военных формирований и стало очевидно, что это правительство не собирается прекращать войну, наступило разочарование.

Вот почему мусульманские организации стали внимательно прислушиваться к лозунгам тех партий, которые разделяли антивоенные устремления. В первую очередь речь идет о большевиках. Мусульманские функционеры, работающие в национальных организациях, вступали в РСДРП(б). Группа мусульман-большевиков работала в ВОШУРО, а Камиль Якубов был избран заместителем председателя. В X армии заявила о себе группа левых мусульман во главе с большевиком Нуром Алимовым. Вопреки своему председателю Ильясу Алкину большинство ВОШУРО поддержало октябрьский переворот.

Искомус по отношению к большевикам занял негативную позицию. Невзирая на это, Ахметбеку Цаликову, председателю этой организации, предложили создать и возглавить Комиссариат по мусульманским делам (намечалось, что он будет действовать в рамках Наркомнаца). Цаликов обратился за соответствующей санкцией в Миллэт меджлис (национальное собрание), созванное 20 ноября в Уфе националистически настроенными мусульманскими деятелями. Лидеры меджлиса во главе с Садри Максуди порекомендовали не связывать судьбу нации с «трехдневным господством большевиков». Поэтому Цаликов ответил Сталину, который обратился к нему от имени Совета Народных Комиссаров, отказом.

Комиссариат по делам мусульман внутренней России возглавил Мулланур Вахитов, а все старые мусульманские организации были специальным циркуляром распущены — вместо них при местных Советах создавались мусульманские секции. Конечно, не везде мусульмане подчинились такому решению, во многих местах они продолжали нелегальную работу.

Л. О. Из литературы — художественной и научной — мы знаем об участии в гражданской войне латышских стрелков, венгров во главе с Бела Куном, чехов (Ярослав Гашек побывал даже военным комендантом Бугульмы), корейцев и китайцев — на Дальнем Востоке. Но вот о действиях мусульманских частей читать приходилось редко...

И. Т. Их влияние на исход гражданской войны до сих пор должным образом не оценено. Между тем оно не могло не быть серьезным, ведь действия Восточного фронта на долгое время развернулись на территории Поволжья и Урала, население которых в значительной степени было мусульманским.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

В январе 1918 года при мусульманском комиссариате Наркомнаца был образован военный отдел, который с мая преобразовался в Центральную мусульманскую военную коллегию (ЦМВК). За короткий срок ЦМВК отправила на фронт ряд частей: 1-ю и 2-ю Отдельные приволжские татарские стрелковые бригады, 1-й Мусульманский социалистический и 1-й Казанский запасной пехотные полки, Мусульманский полк им. К. Туйбактина и 8 кавалерийских эскадронов в Астрахани, два мусульманских стрелковых полка в Саратовской и Самарской губерниях. Мусульманские подразделения организовывались в Перми, Уфе, Оренбурге и других городах. Даже в Москве несли службу татаро-башкирские батальоны.

В октябре 1920 года ЦМВК была расформирована, уступив место восточным отделам Политуправления РВСР и Всероглавштаба.

Башкирские и некоторые другие части входили в армии Дутова, а затем — Колчака. Начальником штаба башкирских войск был Ильяс Алкин. Он сотрудничал с эсеровско-меньшевистским Комучем в Самаре, входил в состав уфимской Директории. Только весной 1919-го удалось перетянуть эти части на сторону Красной Армии.

Л. О. В начале нашей беседы вы говорили, что мусульманские партии не ставили своей задачей завоевание власти, и все же каково их отношение к власти?

И. Т. К осени 1917-го лозунги мира и хлеба в какой-то мере потеснили лозунг национального самоопределения, и мусульмане разбрелись по «партийным квартирам». Обнажился широкий спектр политических тяготений. Возникла партия татарских левых эсеров во главе с Галимжаном Ибрагимовым (ее организации функционировали в Казанской и Уфимской губерниях, а также в Москве, Петрограде, Тюмени и других российских городах). В Уфимской губернии она одержала победу над всеми мусульманскими партиями на выборах в Учредительное собрание.

В Казани доминировал Мусульманский социалистический комитет; с июня 1918 года он стал называться Мусульманским коммунистическим комитетом.

Л. О. Мусульмане-социалисты, мусульмане-коммунисты... Такое сочетание режет сегодня слух...

И. Т. Мусульманские социалистические комитеты (МСК) — первый из них был создан в апреле 1917 года в Казани под руководством Мулланура Вахитова — представляли собой национал-демократические организации татар и башкир. Через год МСК действовали уже во многих городах России: Оренбурге, Вологде, Архангельске, Москве, Петрограде, Самаре, Саратове, Симбирске, Томске и других. Комитеты объединяли прежде всего представителей национальной интеллигенции, а также мелких служащих и рабочих. Они находились под влиянием левых социалистов. Не забывайте, что центральный МСК находился в Казани, где позиции левых социалистов были очень сильны.

После Октября левое крыло мусульманских социалистов стало блокироваться с создаваемыми национальными секциями РКП(б), при местных Советах шло формирование мусульманских комиссариатов. В то же время правые примыкали к буржуазным партиям. Процесс размежевания завершился созданием в июне 1918 года Российской мусульманской коммунистической партии (РМКП).

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Российская мусульманская коммунистическая партия (РМКП) образована на Казанском совещании коммунистов-мусульман — представителей мусульманских социалистических комитетов (МСК) 10 июня 1918 года. Предполагалось, что на федеративных началах она войдет в РКП(б). В состав партии избраны (многие заочно) М. Вахитов, Х. Гайнуллин, Б. Мансуров, И. Рахматуллин и другие. Органом ЦК РМКП стала газета «Эшче» («Рабочий»), выходящая в Казани.

Создание РМКП расценивалось большевиками как проявление национал-уклонизма, попытка изолировать нарождающееся коммунистическое движение мусульман от РКП(б). Еще со времени II съезда РСДРП (1903) считалось, что федеративный принцип построения партии противоречит классовому подходу и принципу интернационализма — достаточно вспомнить судьбу Бунда, который был отлучен от партии как раз потому, что настаивал на собственной автономии. Поэтому ЦК большевиков не признал РМКП и решил реорганизовать ее. Спустя пять месяцев после ее создания, 4—12 ноября, в Москве был созван I съезд коммунистов-мусульман (позднее он получил название I Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока). На съезде выступил И. Сталин, настаивавший на унитарном принципе построения партии. В результате возобладал, как писали в учебниках, «ленинский принцип построения пролетарской партии». Съезд признал работу ЦК РМКП неудовлетворительной, местные коммунистические ячейки мусульман преобразовали в мусульманские секции при комитетах РКП(б), избрал Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б).

Л. О. В сентябре 1920 года в Баку состоялся I съезд народов Востока, проведению которого большевики придавали огромное значение. Об этом торжестве писал Герберт Уэллс.

Какое участие в съезде принимали российские мусульмане?

И. Т. В Баку съехались 1871 делегат — представители 37 национальностей (Кавказа, Средней Азии, Афганистана, Египта, Индии, Ирана, Китая, Кореи, Сирии, Турции, Японии и других стран). Однако от российских мусульман никого не было: к этому времени мусульманские партии исчезли с политической арены России. По сути, они исчерпали свои задачи, добившись реализации своих программных целей. ВЦИК 2(15) ноября 1917 года принял Декларацию прав народов России, которая провозгласила равенство и суверенность народов России, право народов на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. III Всероссийский съезд Советов (январь 1918) подтвердил эти права. Конституция РСФСР гарантировала принцип добровольности как вхождения, так и выхода из федерации. Между тем большевиков, мыслящих в таком духе, обвинили в национал-уклонизме.

Л. О. Вы имеете в виду дело М. Х. Султан-Галиева?

И. Т. Да. Его судьба драматична.

4 мая 1923 года партколлегия ЦКК исключила Султан-Галиева из партии «как антипартийный и антисоветский элемент». Он был снят со всех постов, несколько раз подвергся аресту. В 1930 году ОГПУ сфабриковало дело о «султан-галиевской контрреволюционной организации» (по нему привлечено 77 человек). 21 обвиняемому во главе с Султан-Галиевым была определена высшая мера наказания. И хотя расстрел заменили заключением в концлагерь, в январе 1940 года он был расстрелян.

Говоря сегодняшним языком, Султан-Галиев отстаивал права автономий. Когда Сталин предложил формировать ЦИК и СНК из представителей только союзных республик, Султан-Галиев резко возразил, ссылаясь на то, что целый ряд автономий по всем показателям стоят не ниже союзных республик. По его мнению, Туркестанская автономия (а она тогда включала в себя нынешние среднеазиатские республики) ничем не отличалась, скажем, от Грузии. Он протестовал против разделения республик «на пасынков и настоящих сыновей», справедливо считая такое положение «ненормальным».

Разумеется, Сталин объявил идею повысить статус автономий «мертворожденной» и «реакционной». Насколько это так, мы можем судить по сегодняшней ситуации, когда на наших глазах унитарное многоступенчатое государство распадается и автономные образования ставят вопрос о своем суверенитете и собственной государственности.

Л. О. В десятом номере «Известий ЦК КПСС» (1990) помещены некоторые материалы дела Султан-Галиева. Помимо прочего, ему инкриминировались конспиративный обмен письмами с руководящими работниками Татарии, Башкирии, Крыма, разделявшими его взгляды по национальному вопросу, а также программа создания Туранского государства.

И. Т. Согласитесь, что обмен письмами с партийными товарищами не содержит состава преступления, а национальный вопрос всегда включает в себя деликатные аспекты, которые, прежде чем их вынести на публику, желательно обсудить конфиденциально. Теперь о гипотетическом государстве Туран. Рассматривались три варианта. Во-первых, это — среднеазиатские республики. Во-вторых, помимо восточных республик, Туран должен был, по замыслу Султан-Галиева, включать в себя «тюркские части Афганистана и Персии» (такой вариант готовился на случай поражения страны в грядущей войне и тем самым дал повод обвинить авторов в пораженчестве и стремлении «расчленить СССР»).

Третий вариант Султан-Галиев считал «идеальным». Предлагалось создать на советском Востоке четыре крупных национальных массива: 1) Федерация Урало-Волжских республик (Башкирия, Татария, Чувашия, Маробласть и Вотобласть); 2) Обще-Кавказская федерация республик (Закавказье, области Северного Кавказа, Дагестана, Калмыкии и Кубано-Черноморья); 3) Казахстан и 4) Туран — в составе среднеазиатских республик. За этими концепциями крылось естественное желание вернуть утраченное достоинство и равноправие доселе дискриминируемых наций. «Что же тут страшного?..— спрашивал Султан-Галиев в письме, адресованном Сталину и Троцкому.— Это страшно для русского национализма, это страшно для западно-европейского капитализма. А для революции это не страшно».

Л. О. Не будем забывать, что Султан-Галиев, как и большинство тогдашних коммунистов, свято верил в неизбежную и скорую победу мировой революции. «Оттяпать» кусок суверенных Афганистана и Персии — эта мысль сейчас кажется бредовой, но тогда она была в русле всемирной революции, «освобождения труда»! Тут Султан-Галиев был не одинок. К примеру, на VIII съезде РКП(б), когда обсуждалась программа партии и шла дискуссия по национальному вопросу, Пятаков и ряд других лидеров готовы были согласиться с правом нации на самоопределение лишь в том случае, если будет доказано, что эти нации «пролетарские». А если буржуазные? Или даже полуфеодальные?

Или возьмите замечания Преображенского к «Первоначальному наброску тезисов по национальному и колониальному вопросам». По мнению Преображенского, «если будет исключена возможность экономического соглашения с руководящими национальными группами — неизбежно подавление силой и насильственное присоединение экономически важных районов к Союзу Европейских Республик». Вот так-то! Насильственно присоединить и насильственно осчастливить!

И. Т. Концепции Султан-Галиева еще не подвергались научной критике. Лично мне они кажутся уязвимыми, далекими от действительности. Проблема в другом. Ведь сам факт возникновения в 1920-е годы подобных теоретических конструкций сигнализирует о том, что не все ладно было уже тогда в «датском королевстве». Люди были чем-то не удовлетворены, они размышляли, искали. Можно было включить их в совместный поиск, а можно — и заставить замолчать. Что предпочтительнее? — ответ на этот вопрос нам известен: долгое молчание обернулось в наши дни кровавыми выбросами. Карабах, Фергана, Ош, Фрунзе... Боюсь, этот горестный перечень еще не исчерпан.

Л. О. 30 августа 1990 года Верховный Совет Татарстана принял Декларацию о государственном суверенитете. Можно ли считать, что таким образом чаяния тех, кто свыше 70 лет назад пробуждал национальное самосознание народа, сбылись?

И. Т. Думаю, ответ должен быть утвердительным. Характер государственного устройства определяется прежде всего уровнем национального самосознания. Сегодня оно созрело для того, чтобы провозгласить бывшую автономию суверенным государством, которое на равных с другими республиками готово войти в обновленный Союз. Но — только на равных.

ГЕННАДИЙ ТЕМИН

В ОЖИДАНИИ РАССТРЕЛА

(Заметки приговоренного)

В семнадцать лет Генка Темин вместе с еще двумя «пацанами» решил, не дожидаясь победного исхода, лично рассчитаться с проклятущим Гитлером. Дорога, понятно, предстояла неблизкая, и, чтобы запастись необходимым провиантом, «мстители» забрались в продуктовую палатку. Так он попал впервые в тюремную камеру, отсюда же совершил первый побег. Всего побегов в его жизни было семь, и общий срок заключения по совокупности предъявленных статей составляет 185 лет. В лагерях сошелся с политическими, узнал неожиданные, прежде неведомые стороны устройства жизни.

В камеру смертников, где провел, ожидая решения из Москвы, 215 дней и ночей, Геннадий Михайлович Темин угодил за участие в знаменитом «Колымском восстании». Но какое могло быть восстание против советской власти, если все довольны? В дело вмешался Сталин, и приговор смягчили, заменив в формулировке «восстание» на «побег». Его реабилитировали, слава Богу, при жизни...

Темин победил смерть, а все, что сохранила память, легло на бумагу. Думается, настоящее знакомство с его творчеством еще впереди, тем более что автор ни дня не мыслит без строчки. Сегодня мы предлагаем перелистать лишь несколько страниц его непридуманной жизни.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит!

«Но если Она очевидна, пред Нею притихнет любой»...

Вот так.

Щелкнули мягко наручники на моих руках и руках моего подельника, Василия Назаренко.

Восемь солдат, по четыре в ряд, дали нам проход. Еще четыре солдата стояли поодаль, в темноте. Вспыхнули тринадцать ярких фонариков. Начальник конвоя — офицер.

Двадцать три года, как двадцать три шага, прожил я на белом свете. Господи! Не только Твой мир, но и людей-то не успел рассмотреть! Смерть очевидна. Даже физически ощутил конец своего пути. Кончик бьется, трепещет язычком свечи. И мать не узнает... Что же я натворил? Что?! Прости меня, мама... Прости, родная...

Я шел и думал, что самые темные и самые тревожные ночи бывают только на Колыме. И мне казалось, что я попал в огромный желудок. Метнулась мысль: «А может, ночь сблюет мной...» Рывок в темноту не имел смысла: шесть автоматов, по короткой очереди... а другие шесть зловеще уставятся на моего Ваську. В те дни я еще не знал, что смерти нет.

Новый барак-тюрьма из сырых бревен. Без окон. При входе — одна слева, другая справа — небольшие дежурные комнаты. В коридоре, с правой стороны, пять дверей. Последняя, пятая дверь,— в туалет для надзирателей.

Дежурят в смене двое. Они уже знали, что нас приведут. Табак отобрали. Скандалить не захотелось, были оглушены приговором. Меня отвели в камеру первым. Дверь обита железом, кормушка в два раза уже тюремной. Камера в ширину два метра. Двухэтажные нары, справа в углу литейный ковш-параша. До сих пор не пойму: откуда там взялся ковш литейный? Бревна затесаны, из щелей торчит мох. Вот и все. Василия посадили в другую камеру.

Застучали в стену соседи. Поговорили. Там сидят воры и ушедшие от воров. Те и другие уничтожали друг друга, у всех по 25 лет сроку. Здесь их соединили и дали подписать бумагу. Люди отборные, самые авторитетные по Союзу. Посажены бессрочно, до отречения от преступного мира. Паек: четвертка хлеба, кусочек рыбы, в обед черпак баланды, а вечером 200 граммов каши. Кружка воды на сутки.

Начался и наш счет дней и ночей.

Первая ночь ушла на разговоры с соседями. Вытащили мох, гвоздем проковыряли дырку меж бревен. Оттуда мне просунули дымящийся окурок.

Сделали перекличку с Васей. Решили объявить голодовку, чтоб отдали табак. Через три дня после обеда явился прокурор управления подполковник Федоринин, мой старый знакомый по следствию.

— Ничего,— говорит,— скоро начнем кормить искусственно.

— Так и будете,— спрашиваю,— расстреливать лежащего? Я ведь ослабну и не буду вставать...

— А мы вас подвесим...

— Свободный голос Америки уже сказал, что нас приговорили к расстрелу. А если вы подвесите, заговорит и Европа, и Федоринина уж обязательно вспомнят. И мало вам не будет от ваших же палачей. Я уверен, что и этот разговор будет известен. Вас же пятеро. Наверняка кто-то...

— Мерзавец!..— завопил прокурор.

— Вот что... мне терять нечего. Я серьезно заявляю: делаю себе харакири. Зашьете живот — сорву швы... Ну!

Прокурор увидел в моей руке заточенный гвоздь. Я поднял рубашку, проткнул кожу с левой стороны и повел направо...

— Срочно врача! — взвизгнул прокурор.

Дверь прикрыли, но не заперли. Было слышно, как прокурор давал срочное указание. А вскоре надзиратель протянул мне дымящуюся папироску. После нескольких затяжек голова закружилась, и я ткнулся на нижние нары.

В тюрьме была полная тишина. Тюрьмы умеют слушать. Спустя некоторое время дверь открылась, и вошел мой Василий. Нас решили соединить. Через кормушку подали суп, на газете — горсть табаку. За три дня голодовки щель меж бревен в соседнюю камеру расширили, так что табачком мы поделились с блатарями. Урки с нами заоткровенничали. Оказывается, у них были деньги. «Подогрев» шел из лагерей, и даже за тысячи километров. Эту тюрьму звали прожаркой. Им передавали, когда они ходили в баню. Да и надзиратель за небольшую сумму готов помочь. В углу над парашей урки нашли хорошую дырку — спил бревна. В нее пролезли ручные часы. На другой день я подозвал надзирателя по кличке Самоед. Этот белобрысый здоровый детина, естественно, не пойдет на сделку с камерой, в которой много народа: рано или поздно продадут. Да и стукач наверняка был в камере. Показал Самоеду часы. Тот послушал ход и через две-три минуты принес взамен две буханки хлеба и две осьмушки махры.

Урки сшили в длину два полотенца, один конец прутиком просунули к нам через кабур. Тонким слоем насыпали махорку, хлеб мелко покрошили, и, как пила двуручная, туда-сюда, заработала передача. Они почти все были близки к дистрофии, но от звания «ВОР» не отказывались.

Первое время мы жили не очень тревожно. Все-таки были впереди двадцать — тридцать дней, пока приговор утверждался в Москве. И вот они истекли, наступили ночи ожидания.

В Усть-Омчаге в семь утра давался гудок. Наверное, мастерские какие-нибудь. Напряжение наше спадало, и мы изнеможенно засыпали до обеда.

Пришел на смену новый надзиратель, пожилой. Лицо хорошее. Посмотришь на такого... Господи! Это Твои Люди! Как бы мы выжили без них? Он дал мне конверт и листок бумаги. Сказал, чтоб матери сообщил о себе. Отправил. Мать получила. Милая мама, ты же ни в чем не виновата. Сколько же нас таких, непутевых... Ясно, мать простит, лишь бы живой остался...

Появились насекомые — вши. Заболела грудь, опухли ноги. Пальцем надавишь на опухоль — ямка, как на дырявом мяче. Прибавилась еще и цинга. Стали просить врача. И здесь по-хорошему не получилось. Опять голодовка. Пришел наконец врач. Осмотрел. По двадцать кубиков ввел аскорбинки. Здорово! Ноги разогнулись, дышать стало легче. На другой день еще по пятнадцать, а на третий — по десять кубиков. Я снова стал ходить ночами по камере. Три шага сюда — три обратно. Стыдно и умирать-то лежа. Тогда я еще петушился: «Человек звучит гордо...» Эх ты, подстрекатель пролетарский. Сам всю жизнь боялся.

Вошь одолевала. В баню не хотели водить. Опять подняли шум. Однажды вызвали в дежурку днем. Душа в пятки. Днем выводят!.. Заменили! Боже!.. В дежурной комнате было очень тепло. Мой родной прокурор и начальница САНО Дальстроя. Колымская королева. Тоже немного знакома мне, виделись в следственном изоляторе. Унты, шубка... А какая свежесть лица!..

— На что жалуетесь? — спросила колымская королева.

— Я не жалуюсь... Надеюсь, вам известно, что я приговорен не к съедению насекомыми!..

Снял и вывернул рубашку. Слышно было, как испуганная вошь падала на пол. Я попробовал приблизить к начальнице рубашку, чтоб лучше рассмотрела. Она попятилась:

— Вижу... вижу.

— Вам противно смотреть! А я живу в этом рубище!

Женщина закрыла лицо ладонями и закричала:

— В баню! Сейчас же! Немедленно!

Через полчаса нас с Василием заковали в наручники и спустили с горочки. Снегу было навалом. Солнце из-за сопки смотрело на нас с удивлением. Во всем теле была сильная слабость, болели глаза, а на солнце смотреть все равно хотелось. Возможно, в последний раз.

Шайки деревянные, воды и мыла «от пуза». И все бы ничего, но только намылил голову, только в азарт вошел, тут и подумал: «Сегодня чистенького и шлепнут...» И пропала охота мыться. Заныла еще сильней, как зимние провода загудела душа. Глянул на Ваську, вижу, и он подумал то же самое.

Дали стареньков, но чистое белье. Как хорошо быть живым, чистым. О, если бы заменили... Я бы повыдергал все худые зубы, не запускал бы свое тело. Духовно очищал бы себя всю свою долгую жизнь. Не обидел бы ни одного человека. А как бы я любил все живое. Я бы уступал злым людям, уступал бы в любом случае жизни... Я бы... Я бы...

А когда привели обратно, велели возле камеры раздеться догола и приседать, я взорвался:

— Да что я тебе, балярина?! Открывай камеру, гад! — В камеру я вошел голым. Бросился на холодные нары и зарыдал. Надзиратели перепугались. Как бы с собой чего не сделал. Самоед шепнул, что Америка второй раз передавала про нас. Смертные приговоры опротестованы Верховным судом, но прокурор не согласился и на одного послал протест Швернику. Так что сидеть нам здесь долго. Васька думал, что это его требуют расстрелять... У него была судимость по ст. 58-9, срок 25. А я был уверен, что меня...

Как бы там ни было, а приснился мне однажды после обеда сон: будто я комендант большого города, и из моего окна видно, что делается за городом. Мне, как коменданту, дано такое зрение. А за городом вокруг костров сидят солдаты, винтовки составлены в козлы. Смотрю я и думаю: просидят служивые спокойно до утра — значит, меня по приговору расстреляют. Если же они атакуют город, то «вышак» заменят.

И только я так подумал, солдаты повскакивали, и раскатилось по полям их дружное «Ура-а!». Дверь в мой кабинет неожиданно открылась, я схватил со стены винтовку и в дверях проткнул штыком офицера. Тут-то вдруг и вспомнил, что загадывал... Во сне еще закричал: «Жизнь! Жизнь! Жизнь!» Проснулся оттого, что меня толкает в бок Васька: «Чего орешь?!»

Рассказал этот сон и мужикам за стенкой. У всех одно мнение: «Заменят». Появилась надежда. Размечтался...

Мне теперь, с такого расстояния во времени, очень любопытно рассматривать и себя, и те дни. Я же все чувства и все ощущения помню. Вот только стихи, что писал на стене, забыл. Все до единого были о смерти.

Сидим с Васькой молчком всю ночь, привалившись спинами к воровской стене. Лица закрываем бортами фуфаек, коленки поджаты к подбородкам, дышим на них. Теплеет. Каждый шорох, невидимый шаг отдается в сознании. Работает непонятный «щуп», обшаривает незримые стены Вселенной. Душа моя настойчиво ищет выхода из этого набитого кошмаром и жестокостью мира. Хочется вспомнить свое начало. Главное, непонятно: я же слышу себя... хочу людям хорошего... У меня не бывает желания кого-нибудь убить или поставить в трудное положение, но стоит соприкоснуться с людьми, и сразу — одни налево, другие направо. Полярность какая-то. Похоже, мы частицы. «Хоть бы заменили,— думал я,— чтоб разобраться, понять эту несуразицу...»

Воображение рисовало разные картинки, как будут расстреливать. И надо же, всегда виделись люди, которым это будет приятно. Я и до сих пор не пойму этих людей. Я-то вижу себя неплохим. Даже лучше тех, кто будет меня убивать. Но то, что делают они,— узаконено. То же, что делаю я,— преступление. Меня наказывали за самый добрый, самый человечный поступок... Видимо, он, поступок этот, не соответствует морали администрации.

Я пытался бежать... Но бегал я от невыносимой жизни, диких ее условий. Я видел, что многие ничего не делают, а живут припеваючи. Человек в форме и партийный позволяет себе в тех краях, что хочет. А рассказал о его поступках людям — колотушки, изолятор. Один паренек до того ожесточился против начальника конвоя, что насыпал в мешочек аммонала, укрепил на животе... Шнур, капсюль... Выбрал хорошее расположение конвойного и попросил прикурить от костра. Отошел начальник на пару шагов, парень взял головешку, отвернулся. Прикурил и поджег короткий шнур. Одним прыжком обхватил конвоира руками за шею. Несколько секунд — и на снегу куски человечины...

Дни и ночи шли какой-то однообразной стынью. Смертная камера не только углубляет и воспитывает, но и настораживает до предела, и нервные окончания, как антенны, выбрасываются для восприятия невидимого мира. Кажется, еще чуть — и душа шагнет за пределы ощущений, узнает, что смерти нет вообще. Конечно, не со всеми смертниками подобное происходит... Настоящий мир, живой, вечный, от меня был спрятан. Стены Вселенной были заштукатурены, запачканы. И звезды в небе надо бы протереть от копоти. Я, до конца не понимая, предполагал все же, что Жизнь совсем не то, что думают о ней люди. А в библиотеках еще в детстве давали книги бородатых и лысых авторов, которые старались убедить Светлячков: «Да, жизнь — борьба...» Им никогда в голову не приходило, что жизнь — это чистая благодать, тихая радость...

Вот трехлетний мальчик смотрит на букашку на траве. И вдруг на его беленькую головку садится красная бабочка.

— Папа, она думает, что я — цветок?

Вот ведь как... Пусть я такой-сякой, но я всегда думал, как этот малыш. И верил, что на меня сядет САМАЯ КРАСИВАЯ БАБОЧКА. Но на меня в тот раз сел надзиратель Митяй.

Мы сказали уркам, чтобы они не выносили от нас парашу. Может, тогда выпустят с ней нас самих. Митяй уговаривал воров, но бесполезно. А мы шумели: «Параша полная». И Митяй решился. В принципе, чего ему бояться: мы

дохлые. Да если и Митяя прихватим, есть вышки, вахта...

Вывели. Зима суровая, парашу не выльешь. Тут же замерзла. Нужен ломик, чтоб долбить. Какой там ломик, от свежего воздуха поплыли в глазах круги. Прижались мы с Василием к стенке, чтобы не упасть. А Митяй-то, балда, разве он поймет, что с нами происходит. Тут и расстреливать не надо: толкнул слегка — и мы умрем. И Митяй помогал долбить парашу. Он понял, что сглупил, выпуская нас.

Когда вернулись, я сказал: «Дай махорки. Иначе в камеру не пойдем». Ваську отвели в камеру, а меня оставили, чтоб дать махорки. И я-то, пень, поверил. Одним ударом свалил меня Митяй. Сел верхом и моим же ботинком стал бить по голове. Да так больно, что я стал кричать и обзывать его по-всякому. Тюрьма зашумела. Васька бил парашей в дверь.

— Ну, будешь еще курева просить? — орал Митяй.

Прости меня, Боже. Уж такой я есть. Поднялся, хотя и нет силенки. Вижу только хромовые сапоги и галифе его. «А-а... один конец!» Как отпущенная пружина, бросился и схватил Митяя за яйца, крепко сжал. Митяй повалился разом, закатил глаза, тяжело задышал. Подбежал второй надзиратель. Я ничего не объяснял, только приказывал:

— Если меня тронешь, этот гад подохнет в моих руках. Быстро десять пачек махорки и газету...

Камеру открыли.

— Вася,— кричу,— прими посылку.

Принял.

Как-то появилась в нашей кормушке еще одна образина — сержант Волков. Слышим шипящий голос:

— Привет, покойники.

— Кто ты?

— Сержант Волков. Пришел познакомиться с вами, заодно сообщить, что привести приговор в исполнение доверят мне.

И зачастил этот поганец! Маленький, плюгавый, а какой, гад, ядовитый. Всеми силами он старался навести на нас жуткий страх. О себе был очень высокого мнения. В управлении сержант Волков считался незаменимым спецом по поимке беглецов. Если в побег уходили опытные, то на поиски отряжали непременно Волкова. Вот один из его рассказов: «Вызвали меня в «Первый отдел». Объяснили, кто ушел. Беру карабин, патроны, топорик прихватываю. Продуктов на две недели... Тихо в сопках. Иду, принюхиваюсь. Прислушиваюсь. Чаще всего дымок выдает вашего брата. Обнаружил, крадусь. Они и не думают, что уже покойники. В десяти метрах от костра поднимаюсь и говорю: «Спокойно, не двигаться! Я сержант Волков. У меня все на прицеле...» Конечно, я мог бы сразу убить, но мне интересно поговорить с ними. Я ведь тоже живая душа, две недели и сам уже не видел человека. А убью... что ж, верно, убью в любом случае. Не вести же их по тайге. Спать-то все равно захочется, и как тут с ними?.. Просят, конечно, не убивать. Двое их. Один сидит у костра, другой нарезал веток и лежит. Мать посмотреть захотел. Велю встать. У меня промаха не бывает. С одного выстрела кладу первого... второй понимает ситуацию — и бежать. А я-то предвидел это. Здесь по бегущему выстрел бывает не всегда точный. Приходилось потом добивать... Кисти рук отрубаю, значит, топориком и в специальную сумку прячу. В «Первом отделе» снимут отпечатки и спишут...»

Я слушал Волкова с верхних нар. И до того, пакостник, довел, что я тихонько снял ботинок и запустил в его морду. Не достал, а жаль. Вот такого я задушил бы. И надо же, Волков отошел, а после опять наклонился:

— Я это предвидел. Я сам напрошусь, чтобы мне доверили тебя...

На стене, на протесанных бревнах, мы рисовали календарь на каждый месяц. Наступила 215-я ночь. А мы будто провалились в сон. Дошли, конечно,— дальше некуда. Вместо кожи на теле желтая мешковина. На ногах едва держались. Я еще ходил по камере и писал на стенке стихи.

Глубокой ночью какой-то внутренний сторож вырвал меня из сна. Слышу: винтовые замки повизгивают. Открывается, значит, дверь на тот свет. Главная мысль — увидеть лица пришедших. В лицах — всё. Но в дверях стояли Митяй и один офицер. Митяй почти шепотом назвал мою фамилию. Я назвал свое имя и отчество совершенно не своим голосом. Мне хотелось выглядеть дерзким.

— С вещами выходите.

Когда я шел по коридору, крикнул:

— Прощайте, люди! Долго не задерживайтесь!

Ответил только один голос. Гриша Рыбаченко.

Привели в дежурку. Велели встать лицом к стене. Надели наручники. Доставили Ваську. Обоих лихорадило, трясло. Стыдно, а не справиться.. Рот невозможно открыть — стучат зубы. Митяй подкусил:

— Боишься...

— Холодрыга. А ты меня, чай, не в ресторан поведешь.

Когда шли к вахте, под ногами похрустывало. Прошли проходную. Я посмотрел, нет ли врача и прокурора: один фиксирует факт смерти, другой удостоверяет.

Были три конвоира и овчарка. В штатском никого. Начальник конвоя объявил: «Вы перешли в распоряжение конвоя. Шаг влево...»

— Жизнь! Заменили!..— прошептал я Ваське.

Завели в баню, велели раздеваться и мыться. Двигались мы, как куклы механические. Решил спросить у солдата:

— Куда нас?

Промолчал солдатик. Боится слово сказать. Милый!..

Сколько глаз внутри человека. А какой тонкий слух бывает. Все колебания в голосе конвоя читаются.

Одежду выдали другую: брюки ватные, фуфайку по пупок, чистое белье, ботинки, шапку домиком. А потом в спецчасти зачитали бумагу, дали паек на три дня, закрыли в «воронок» и повезли в новом, неизвестном направлении.

Мы с Васей будто онемели. Каждый надолго погрузился в себя. Еще бы: возвращалась жизнь. А в ней была уже маленькая надежда, и тихая, но ликующая радость... Не погасла бы. Только не задраться бы снова... Помни, как хотел жить.

* * *

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Ах, Родина, ты хоть
память имей.
Когда я умру, то охрану
Не ставь у могилы моей,
Я слово даю — не встану.

МОЯ ЗАПОВЕДЬ

Толкайте в навозную жижу,
Кормите отбросами дня,
Но если я сам не унижусь,
Никто не унизит меня.

ЦВЕТОК

В тюремном дворике весной,
Где ходим мы, из-под бетона,
Прозрачный, худенький,
больной,
Он показался незаконно.

Над ним склонившись, думал я:
«Кто силу дал тебе такую?
Как без зубила и кайла
Нашел ты свет сквозь
тьму глухую?»

Бежали дни, и наш цветок
Полез по проволоке ржавой,
С тоскою глядя на восток,
Восток румяный и кудрявый.

Потом настали холода,
Во двор ворвался ветер
с шумом.
Мы шапки сняли все, когда
Цветок на проволоке умер.

ОЧЕРЕДНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РУБРИКИ (НАЧАЛО СМ. «РОДИНА» №№ 2–4) РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ, КАК СОБРАТЬ ДОСЬЕ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ РОДОСЛОВИЯ СЕМЬИ.

МАРГАРИТА БЫЧКОВА,
кандидат исторических наук

Досье семьи или, как говорят архивисты, «дело» должно включать таблицы и росписи восходящего и нисходящего родства, карточки и многие другие документы, которые аккумулируют все связи внутри рода или семьи.

Независимо от того, где составлен генеалогический справочник, прочесть его могут практически везде, ведь для всех родословных документов свойственна унифицированная система знаков, своеобразный язык генеалогии. (Наиболее распространенные знаки см. на с. 36.)

Наряду со знаками употребляются и сокращения соответствующих слов: отец — о.; мать — м. Если неизвестна точная дата рождения, смерти или заключения брака, пишут «около» — ок., до, после. Например: родился до 1929 г.; женился ок. 1955 г.; умер после 1970 г.

Если человек вступал в брак несколько раз, это обозначается обычно знаком бесконечности и ставится: 1) 1955 г.; 2) 1968 г.

Таблицы нисходящего родства, где записаны все потомки одного лица, не случайно называют древом рода. В его корнях помещают предка-родоначальника, старшие линии на стволе символизируют потомков, дальних предков, а далее на стилизованных ветвях располагаются потомки младших линий. Здесь важно графически наглядно объединить отцов и детей: в такой таблице специальными обозначениями выделены сыновья и дочери (квадрат и ромб; прямоугольник и круг и т. д.), эти символы раскрашиваются двумя определенными цветами. В таблицы вносятся имена мужей и жен только членов данной семьи, но не их родителей и предков. И хотя это таблица нисходящего родства, крону родословного древа венчают те, ради кого оно составляется.

Если таблицы выполнены графически правильно — каждое поколение расположено строго на одной горизонтали,— то тогда четко и наглядно отражаются структура и родственные связи внутри рода. Но начертить такую таблицу без ошибок трудно: в ней не только не совпадающее число имен в каждом поколении, но и разное число потомков у каждого лица в одном поколении.

Поскольку рассчитать расположение лиц в таблице трудно, на современном печатном листе она как бы «лежит на боку». Слева помещается родоначальник, а далее — столбиками, по поколениям, все его потомки. В отличие от таблицы, построенной вертикально, где старшинство лиц в каждом поколении идет слева направо, здесь старший сын или дочь всегда располагаются сверху, и старшинство читается сверху вниз.

Бывают случаи (а в русской генеалогической практике XVII века это считалось правилом), когда такие «древа» как бы переворачиваются: родоначальник помещен в верхней строке, а далее, на соответствующих горизонталях, идут вниз поколения его потомков. Именно так оформлены генеалогические таблицы в русских родословных книгах XVII века и русской дореволюционной исторической литературе.

Таблицы восходящего родства, учитывающие всех предков по мужской и женской линиям, появляются в средневековье, преимущественно в европейских странах. Они составлялись чаще всего при вступлении в брак (строгие церковные правила запрещали супружество тем, кто уже находился в определенной степени родства).

И до сих пор люди, стремящиеся вступить в Мальтийский орден, представляют такие таблицы: правила этой рыцарской организации требуют от претендентов доказательства благородства происхождения предков.

Существует разновидность «таблица-круг»: в центре — лицо, далее круг делится пополам, в одной половине располагаются предки по отцовской линии, в другой — по материнской.

РОСПИСИ

Художественно оформленные генеалогические таблицы, кроме имен, способны вместить очень мало биографических сведений.

Чтобы записать как можно больше информации о каждом предке, создаются родословные росписи. Фактически роспись — это словесный пересказ таблицы (подробнее см. «Родина» № 3).

Вы уже заметили, что в каждом поколении теоретическое число предков данного лица удваивается; оно высчитывается по формуле 2^{n-1}, где n — номер поколения. Так, в шестом поколении таблицы восходящего родства должно быть 2^5, то есть 32 человека. Первое поколение — лицо, чьих предков мы ищем (№ 1), далее всегда мужские предки идут под четными номерами (отец — № 2; деды — №№ 4 и 6), а женские — под нечетными (мать — № 3; бабушки — №№ 5 и 7). По номеру мы можем определить потомков и предков: скажем, № 9 — это женщина, она является предком $\left(\frac{9-1}{2}=4\right)$ лица, помещенного под № 4, женой № 8. Родители № 9 — те, кто помещен под номерами 18 и 19 (9×2 и $9\times2+1$), и так далее.

Нумерацию изобрел немецкий историк XVI века Мишель Ейзингер, усовершенствовал ее в 1676 году испанец Жером Соса, а завершил через двести лет Стефан Страдониц.

Какие возможности открывает эта система при изучении родословных таблиц, мы увидим ниже.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНЫ ГЕНЕАЛОГИИ

У науки генеалогии есть и свои законы.

Один из них относится к таблице нисходящего родства: НА СТО ЛЕТ ПАДАЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ. Что это означает?

Если у нас есть роспись, по которой предок рода приехал к Дмитрию Донскому на Куликово поле, его потомок в шестом поколении служил в опричнине Ивана Грозного, а деятельность лиц, помещенных в росписи между первым и шестым поколениями, неизвестна, то надо взять отрезок времени между этими событиями и разделить на число поколений (у нас около 190 лет, делим на 6 — примерно 31,5). Если в результате получается цифра 30 или очень близкая к ней (28—33), этот текст можно считать достоверным. Ко-

нечно, чтобы убедиться в окончательной достоверности документа, надо произвести специальный анализ родословия. Для людей, работающих с ранними росписями, в которых мало конкретных сведений о лицах, такая проверка обязательна в начале работы: разница между поколениями 29—30 лет — похоже на правду; 20—21 год или 38—40 лет — что-то здесь не то, надо все перепроверить.

Мне могут возразить, и часто возражают: какой же это закон? В первые 40 лет XIX века живут и бабушка Александра Пушкина, у которой он отдыхал летом в Захарьинс, а также его родители и он сам, а в 30-е годы появляются уже дети поэта. Какие же тут тридцать лет? Могу добавить: если вы мысленно представите семью, где десять человек детей и разница между младшим и старшим ребенком — 17—20 лет, то и без законов генеалогии поймете, что дети старшего ребенка практически будут ровесниками своего младшего дяди или тети; их деятельность будет проходить одновременно.

И все-таки правило на сто лет падает деятельность трех поколений действует. Действует при больших величинах, когда надо проверить роспись в 6—9 и более поколений, когда промежуток между известными в росписи датами 200—350 лет. Тут в правильности расчета можно не сомневаться. Но это первый шаг, за ним идет конкретное исследование истории семьи.

Работая с таблицей восходящего родства, мы уже заметили, что в каждом следующем поколении число предков удваивается, а теоретическое число предков каждого из нас составляет 2^{n-1}. Это — второй закон генеалогии.

Соединим два правила — число предков 2^{n-1}, и на сто лет падает деятельность трех поколений. Если вы родились в 60-е годы XX века, то ваши дедушка и бабушка — дети начала нашего века. Тогда в начале XIX века должно появиться шестое поколение предков (32 человека), в эпоху Ивана Грозного — 14-е поколение — и у каждого человека, родившегося в 60-е годы XX века, в это время должно жить 8192 реальных предка. Прикиньте, сколько реальных пращуров каждого из нас жило в начале новой эры, сопоставьте с тем, что знаете о росте населения на нашей планете, и вы опять скажете: это невозможно. Да, невозможно, потому что в действительности у каждого из нас реальных предков гораздо меньше, чем предполагает теория. В генеалогии это называется «закон убывания предков».

Отто Форст Баттаглиа, работавший уже в нашем веке генеалог, известный как теоретик, объяснивший некоторые закономерности научной генеалогии, и как виртуозный мастер по составлению разного рода генеалогических таблиц, привел сравнительную схему количества теоретических и реальных предков для тех исторических лиц, у которых известны все родственники.

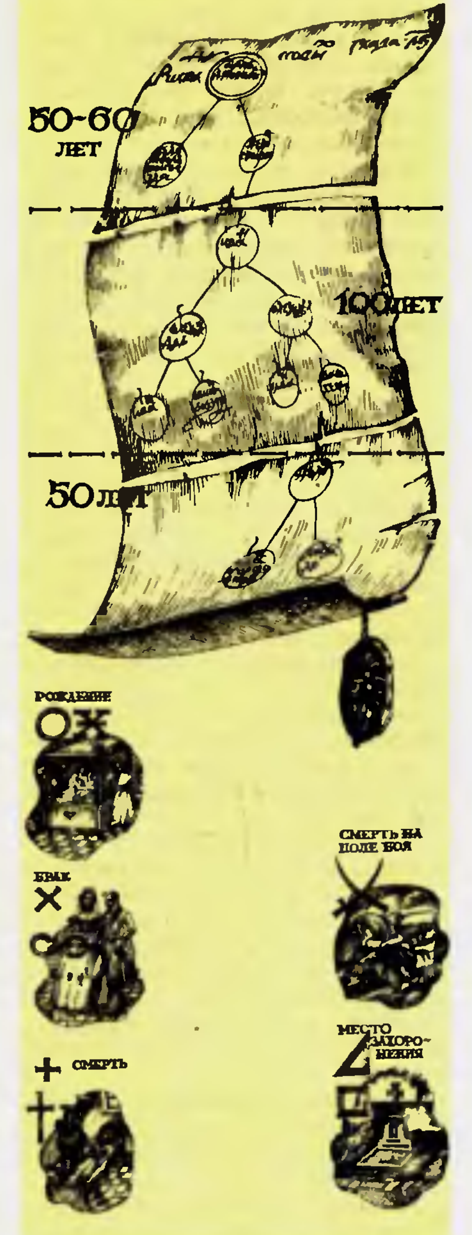
По этой таблице-схеме, в XI поколении насчитывается 1024 теоретических предка. А у испанского короля Альфонса XII их оказывается 111 (меньше всего), у графа Генриха Парижского (Генрих VI) — 181; наибольшее же количество предков в этом поколении — 588 — у бельгийского короля Леопольда III. И все-таки это почти в два раза меньше чем 1024.

Это происходит потому, что в реальной таблице восходящего родства по нескольку раз появляется одно и то же лицо, которое представляет сразу нескольких теоретических предков.

Русские цари, начиная с Ивана IV, женились на девушках из боярских семей; таких невест в России были сотни. А русские императоры в XVIII—XIX веках женились на протестантских принцессах из германских княжеств и тоже расширяли себе круг невест. Поэтому в русских таблицах реальных предков больше, чем в европейских.

Почти так же, как у королей-католиков, ограничено число предков у крестьян и у мелких феодалов, которые постоянно жили в одном месте и выбирали жен из соседних семей. До сих пор про русскую деревню говорят, что в ней все друг с другом в родстве. А наибольшее число реальных предков — у рабочих и интеллигенции, жителей больших городов, где собирались люди из разных мест; к тому же эти слои наиболее подвижны, не так связаны со своим местом жительства. Такие данные приводят французские, немецкие, польские генеалоги. Для России подобных исследований нет. А было бы интересно посмотреть на демографический процесс сквозь призму генеалогической таблицы предков.

Поколения	Теоретическое число предков	[illegible]	Граф Генрих Парижский	Альфонс XII король Испании
I	1	1	1	1
II	2	2	2	2
III	4	4	4	4
IV	8	8	68	6
V	16	12	8	8
VI	32	18	16	8
VII	64	30	22	16
VIII	128	58	38	28
IX	256	101	68	51
X	512	174	102	70
XI	1024	234	181	111
XII	2048	341	255	—
XIII	4096	526	359	—
XIV	8192	852	546	—
XV	16384	1514	—	—
XVI	32768	2650	—	—
XVII	65536	4200	—	—

Условные знаки генеалогов.
Соотношение теоретического и реального числа предков.
Родословная таблица предков испанского короля Альфонса XII. Число предков теоретически должно увеличиваться, на самом деле в генеалогической таблице записаны те же самые имена, потому что браки заключались между родственниками. И вместо 128 теоретических в схеме остается всего 28 реальных человек, вместо 1024 предков — всего 111.

Древо восходящего родства

Альфонс XII король Испании

Следующий номер журнала «Родина» посвящен неизвестным страницам Великой Отечественной войны.

В МАТЕРИАЛАХ НОМЕРА:

Секретные архивы

Воспоминания эмигрантов

Новая концепция войны

Боевая символика советской и немецкой армий

Мемуары разведчиков

С двумя публикациями из этой тематики вы, уважаемый читатель, познакомитесь уже сейчас. Сотрудник МИД, историк Александр Донгаров комментирует документ, взятый из архива миссии Литвы в США. В начале 50-х годов в конгрессе США был создан «Специальный комитет по расследованию коммунистической агрессии» (то есть по изучению целей, методов и результатов советской политики экспорта революции в страны Европы, Азии и Латинской Америки), в рамках которого действовал и «Специальный комитет по расследованию коммунистической агрессии и насильственному включению прибалтийских стран в СССР». Здесь заслушивались показания свидетелей и участников прибалтийских событий 1939/41 гг., изучались официальные советские и прибалтийские документы (в том числе найденные после эвакуации советских войск из Прибалтики летом 1941 года), а также рассматривались материалы прибалтийских миссий в США. Запись беседы (2 на 3 июля 1940 г.) и. о. премьер-министра, министра иностранных дел литовского правительства с Молотовым фигурировала в качестве приложения к докладу комитета «Прибалтийские страны, исследование об их истории и национальном развитии, их захвате и включении в СССР».

Второй материал — меморандум. В 5 часов 30 минут утра (по берлинскому летнему времени) 22 июня 1941 года советскому послу в Берлине В. Г. Деканозову был вручен меморандум германского правительства правительству СССР. Главная идея документа проста: честная и благородная Германия чуть не пала жертвой подлого обмана со стороны Советского Союза. Для доказательства этого тезиса большинство достоверных фактов подверглось значительной обработке, подгоняясь под замысел авторов. Вниманию читателей предлагаются выдержки из этого меморандума, впервые публикуемого на русском языке, с комментарием.

АЛЕКСАНДР ДОНГАРОВ,
второй секретарь историко-дипломатического управления МИД СССР

МЕЖДУ РЕЙНОМ И ВОЛГОЙ

Давно высмеян тезис о внезапности германского нападения, однако остается фактом, что в реальность случившегося Сталин не мог поверить вплоть до того момента, когда в 5 часов 30 минут 22 июня 1941 года германский посол в Москве граф фон Шулленбург зачитал меморандум своего правительства об объявлении войны СССР.

Эта парадоксальная ситуация заставляет предположить, что за событиями первого плана осени 1939 года — лета 1941 года, как будто бы указывающими на активную подготовку к отражению возможной германской агрессии, стояли какие-то сокровенные цели и расчеты Кремля, в которых вариант нападения Германии на СССР просто не предусматривался.

Вот документ, который, как нам кажется, проливает некоторый свет на эти цели и расчеты. Это запись беседы Молотова с Креве-Мицкявичусом, исполняющим обязанности премьер-министра, министром иностранных дел еще формально независимой (присоединение к СССР произойдет через месяц), но уже оккупированной и сломленной Литвы. Для того чтобы выяснить, что же ждет его страну, министр и попросился на прием к Молотову.

Итак, Кремль, ночь с 2 на 3 июля 1940 г. Креве-Мицкявичус жалуется Молотову на то, что наводнившие Литву войска и части НКВД повсеместно и ежечасно вмешиваются во внутренние дела страны, не считаясь с мнением литовского народа и государственным устройством страны. В ответ Молотов «сомневается», возможно ли такое, говорит, что нужно дать указание прекратить все это, пытается объяснить действия представителей СССР «советскими привычками».

Наконец после очередного протеста Креве-Мицкявичуса Молотов придал беседе неожиданный поворот. Вот как это выглядит в записи беседы, выполненной литовским министром сразу после свидания с наркомом.

«Некоторое время Молотов молчал. Он сидел с опущенной головой, чертя что-то на лежавшем перед ним листке бумаги.

— Вы вызываете меня на откровенность, г-н Министр,— наконец произнес он, взглянув на меня.— Вы вынуждаете меня сказать то, о чем я не собирался пока говорить. Поэтому поговорим откровенно, без сантиментов, которых и так уже было предостаточно. Вы должны хорошенько посмотреть на реальности и понять, что в будущем малым государствам придется исчезнуть. Ваша Литва вместе с другими прибалтийскими государствами, включая Финляндию, вступит в великую семью — Советский Союз. Вот почему Вы уже сейчас должны знакомить ваш народ с советской системой, которая в будущем воцарится повсюду, во всей Европе, сначала в одних местах, таких как прибалтийские государства, затем в других.

Хотя г-н Наткявичус и предупреждал меня заранее, что я могу услышать нечто подобное, откровенное заявление Молотова повергло меня в полное замешательство. В горле у меня пересохло, губы застыли, и на некоторое время я потерял дар речи.

Видимо, г-н Молотов понял мое состояние. Он позвонил по телефону и попросил принести чай.

— Когда об этом станет известно, наш народ придет в страшное волнение, возможно, даже окажет вооруженное сопротивление,— начал я, не отдавая себе отчета в том, что говорю.— Этим, безусловно, воспользуется германское правительство, так как оно не потерпит подстрекательства в целях создания советских государств на своих границах.

— Германия проглотила — и не поперхнулась оккупацию прибалтийских государств,— отрезал Молотов.— У них теперь на Западе слишком много проблем, чтобы желать войны с могучим Советским Союзом. Не буду также от Вас скрывать, что в отношении этого мы уже пришли с ними к соглашению. Товарищ Сталин уже рассказал о нем вашим бывшим премьер-министру и министру иностранных дел, когда они приезжали обсудить с нами некоторые недоразумения, которые происходили с солдатами наших гарнизонов.

— Вы сами говорили, г-н Комиссар, что теперешнему германскому правительству нельзя верить; поэтому Вы не можете предсказать, как оно поведет себя в таком случае. Со своей стороны, хотел бы только предупредить Вас, что когда о ваших целях станет известно, наш народ будет смотреть на немцев как на возможных союзников, которые помогут ему освободиться от вашей тирании.

(...) Вне всякого сомнения, население будет рассматривать ваши гарнизоны как оккупационную армию и будет бороться с ними всеми мыслимыми путями. Выгодно ли это Советскому Союзу в столь нестабильные времена? С тем чтобы избежать всего этого, мы предлагаем заключить с нами новый договор о дружбе. Это улучшит наше положение и укрепит авторитет Советского Союза в глазах литовского народа. В соответствии с этим пактом мы согласимся даже на ограничение свободы наших действий в области внешней политики с тем, чтобы учитывать интересы и советы Советского Союза.*

— Не буду утверждать, что Ваше предложение не заслуживает обсуждения. В другое время оно было бы весьма приемлемо для нас; но условия так изменились, что такой поворот дела может и не оказаться полезным для Советского Союза или прибалтийских государств. Сейчас мы убеждены более чем когда-либо еще, что гениальный Ленин не ошибался, уверяя нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России. Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире до тех пор, пока голодающие массы воюющих наций не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей. Тогда германская буржуазия договорится со своим врагом, буржуазией союзных государств, с тем чтобы объединенными усилиями подавить восставший пролетариат. Но в этот момент мы придем к нему на помощь, мы придем со свежими силами, хорошо подготовленные, и на территории Западной Европы, как я думаю, где-нибудь около Рейна, произойдет решающая битва между пролетариатом и загнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы. Мы уверены, что победа в этой битве будет именно за нами, а не за буржуазией. Вот почему сегодня мы не можем всерьез рассматривать Ваше предложение. Мы не можем позволить остаться у нас в тылу маленькому островку той социальной системы, которая должна будет исчезнуть во всей Европе.

— Вы, г-н Комиссар, забываете, что Соединенные

* В опускаемой части беседы Креве-Мицкявичус говорил о катастрофических экономических и социальных последствиях советизации для Литвы.

Штаты Америки с их огромным материальным и техническим потенциалом могут прийти на помощь тем западноевропейским государствам, которые борются против германской агрессии. Это государство, как мы знаем, однажды уже спасло Западную Европу. Не думаю, чтобы история не могла повториться.

— Вы совершенно правы, г-н Министр,— сказал с ударением Молотов.— Нам хорошо известно, что Соединенные Штаты Америки очень хотели бы вступить в эту войну и ищут любой предлог, чтобы спровоцировать такое выступление. Мы сомневаемся, что нам удастся убедить их удержаться от этого побуждения; однако это не беспокоит нас. Вы когда-нибудь были в Соединенных Штатах?

— Нет,— признался я,— но я много читал об этой стране.

— Другими словами, Вы не представляете себе, чем на деле является это жидкое болото, именующее себя Северо-Американскими Соединенными Штатами. Американские журналисты и до некоторой степени писатели умеют красиво обманывать себя и других, когда говорят о своей стране. Но мы не обязаны им верить. Поэтому, когда они говорят о гуманизме, свободе, равенстве и демократии, это не более чем самое отвратительное лицемерие, которое столь характерно для англо-саксонских народов. Там на каждом углу церкви, но однако ж в мире нет другой такой меркантильно мыслящей нации, для которой существуют только деньги, деньги и больше денег. Там каждый государственный служащий, начиная с обычного полисмена и кончая президентом, всегда готов допускать промахи и ошибки, если это увеличивает его банковский счет. Мы не дубоватые немцы, которые рассчитывают только на свои кулаки. Мы найдем средства помочь американским политическим лидерам допускать ошибки, которые отвечали бы нашим интересам. Вот почему их вступление в войну нас нисколько не беспокоит. Все те, кто понадеется на них, будут сильно разочарованы... Заканчивая нашу беседу, я еще раз хотел бы посоветовать Вам взглянуть правде прямо в лицо и иметь в виду действительные цели нашей политики, имеющей важное значение для всего человечества. Литва не может оставаться исключением, и ее будущее будет зависеть от судьбы всей Европы. Вы должны понять это».

Нам, знающим, какое величайшее горе обрушится на страну без малого через год, ответ Молотова кажется невероятно легкомысленным и неправдоподобным. Да говорил ли такое нарком?

Достоверно известно, что беседа действительно состоялась в указанное министром время и что в ходе ее Молотов действительно сообщил о предстоящем включении Литвы в СССР. Это решение Молотов должен был объяснить главе дружественного правительства какими-то причинами международного порядка, не зависящими от воли ни советского, ни литовского руководства (в противном случае вопрос подлежал бы урегулированию в ходе переговоров). Отсутствие в архиве МИД СССР советского варианта записи беседы может подтверждать, что она велась с глазу на глаз, как и сообщает министр.

Большевики, начиная с Ленина, всегда представляли себе будущий конфликт в Европе либо как крестовый поход империалистических держав против социалистического отечества, либо как межимпериалистическую бойню, от которой СССР сможет удержаться в стороне. В 30-х годах, когда в роли поджигателя войны в Европе выступила Германия, возник компромиссный третий вариант — создание в тех или иных формах антигерманской коалиции. Однако попытки осуществить этот замысел оказались неудачными; вопрос о характере грядущего конфликта вновь приобрел в глазах советских лидеров первозданную определенность: либо — либо.

В этом контексте истинное значение подписанного 23 августа 1939 года советско-германского пакта выходило далеко за рамки соглашения о ненападении и разделе сфер влияния в Восточной Европе. Значение его состояло в том, чтобы, санкционировав нападение на Польшу, столкнуть Германию с Великобританией и Францией, имевшими перед Варшавой союзнические обязательства. Иными словами, превратить эту весьма вероятную войну в сугубо межимпериалистическую, которая, исходя из опыта первой мировой войны, действительно могла открыть путь социальной революции в странах Европы.

Советский маневр удался, и война с самого начала приняла характер межимпериалистический. СССР занял удобное место зрителя, готовясь выйти на сцену в финале драмы и продиктовать свою версию концовки.

Неожиданно быстрый разгром Франции и английской экспедиционной армии явился для Кремля неприятным сюрпризом. Его реакцией стал ввод большого контингента советских войск в Прибалтику дополнительно к тем частям, что были размещены там ранее.

Следовательно, руководство СССР разглядело опасности новой ситуации в Европе. Был ли в таком случае Молотов искренен в беседе с Креве-Мицкявичусом?

Новая военно-политическая ситуация на Западе отнюдь с неизбежностью не означала, что пришла очередь Советского Союза стать жертвой германской агрессии. У Гитлера появился выбор и не более того: продолжать ли движение на запад (десант на Британские острова) или поворачивать на восток. Сам фюрер какое-то время не мог определиться, какое из двух направлений ему выбрать. Решение напасть на СССР окончательно созрело у него как раз в те дни, когда состоялась ночная беседа Молотова с Креве-Мицкявичусом.

Имелся ряд серьезных доводов за то, что Германия не нападет на СССР. Буквально за две-три недели до описываемых событий Берлин продемонстрировал полное понимание оккупации Советами Прибалтики. И Сталину, придававшему этому региону огромное военно-стратегическое значение, невозможно было поверить, что фюрер дает ему такую фору в преддверии войны. Серьезными доводами в пользу предположения о продолжении германского натиска именно на запад были и горький для немцев исторический опыт ведения войны на два фронта, и важность поставок советского стратегического сырья в условиях блокады Германии, и ряд других, менее значимых факторов.

Сталин не мог до конца поверить в нападение Германии на СССР даже в первые часы нашествия. Не переубедили его ни сотни донесений от советских разведчиков и дипломатов, ни послания британского правительства, основанные на собственных источниках информации, ни широкомасштабная переброска войск и техники вермахта к границам СССР. Осталось неуслышанным и прямое предупреждение о предстоящем нападении, которое германский посол в Москве фон Шуленбург, известный Кремлю как человек, не симпатизировавший нацизму, сделал за несколько недель до 22 июня.

С учетом сказанного ничего фантастического в цитируемом здесь заявлении Молотова нет. Однако надеждам «кремлевского мечтателя» вступить в войну сразу на Рейне и выиграть ее одним сражением не суждено было оправдаться. Путь к победе — не мировой революции, а антигитлеровской коалиции — оказался для Красной Армии длиннее и труднее, чем представлялся наркому в ночь с 2 на 3 июля 1940 года. Пролег он сначала на восток, до самой Волги, и только там повернул на запад. И пошел народ не на пролетарский блицкриг, а на священную войну за Отечество.

Меморандум министерства иностранных дел Германии правительству СССР

Берлин 21 июня 1941 г.

I

«Когда германское правительство, движимое желанием найти баланс интересов СССР и Германии, летом 1939 г. обратилось к советскому правительству, оно представляло, что договоренность с государством, которое, с одной стороны, выражает свою принадлежность к сообществу национальных государств со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, но в котором, с другой стороны, господствует одна партия, которая, будучи секцией Коминтерна, стремилась к распространению мировой революции, т. е. к ликвидации этих национальных государств, будет отнюдь не легкой задачей. Германское правительство предприняло эту попытку, отбрасывая серьезные сомнения, которые вытекали из этого принципиального различия в политической целеустановке Германии и Советской России, и из резкого контраста диаметрально противоположных мировоззрений национал-социализма и большевизма. При этом оно руководствовалось мыслью, что предотвращение войны, обусловленное договоренностью между Германией и Россией и достигаемое этим обеспечение реальных жизненных потребностей обоих народов, издавна дружески настроенных друг к другу, было бы лучшей гарантией против дальнейшего распространения коммунистических доктрин международного еврейства в Европе. В этом предположении его укрепляло то, что известные процессы в самой России и некоторые мероприятия русского правительства в международной политике допускали, по меньшей мере, возможность отхода от этих доктрин и от прежних методов разложения чужих народов. Прием, с которым был встречен этот шаг в Москве, и готовность советского правительства заключить с Германией договор о дружбе, казалось, подтверждали эти изменения. Так 23 августа 1939 г. произошло заключение пакта о ненападении, и 28 сентября 1939 г. подписание соглашения о дружбе и границе между обоими государствами.

Суть этих договоров состоит:

1. в обоюдном обязательстве обоих государств не нападать друг на друга и жить в мирном соседстве и

2. в разграничении сфер интересов посредством отказа Германии от всякого вмешательства в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, тогда как территории бывшего польского государства до линии Нарев — Буг — Сан должны были по желанию Советской России войти в ее состав.

Фактически германское правительство после заключения пакта о ненападении с Россией немедленно провело принципиальную перестройку своей политики по отношению к СССР и заняло с этого дня дружественную Советскому Союзу позицию. Оно честно выполняло как букву, так и дух договоров, заключенных с Советским Союзом. (...)

Поэтому германское правительство с полным правом считало, что оно может предположить, что позиция Советского Союза в отношении Германии могла бы быть такой же, тем более что во время переговоров министра иностранных дел фон Риббентропа в Москве, а также в других ситуациях советское правительство неоднократно заявляло, что эти договоры являются фундаментом для длительного урегулирования обоюдных германо-советских интересов и что оба народа, взаимно уважая режимы друг друга и желая не вмешиваться во внутренние дела партнеров, придут к постоянному добрососедству. В том, что германское правительство сильно заблуждалось в своих предположениях, пришлось, к сожалению, скоро убедиться». (...)

Летом 1939 годи внешняя политика Берлина была направлена на нейтрализацию возможных союзников Польши, на которую готовилось нападение, и на срыв переговоров Англии, Франции и СССР в Москве. Фраза о «предотвращении войны» между Германией и Советским Союзом носит явно пропагандистский характер, так как прямой угрозы советско-германского столкновения в то время практически не было. Гитлера заботила больше локализация близкого конфликта с Польшей. Интересна интерпретация смысла советско-германских договоров, данная германской стороной. Это по сути явное подтверждение наличия секретных договоренностей. А вот рассуждения о дружественной Советскому Союзу позиции Германии не соответствуют действительности. Уже через месяц после подписания договоров Гитлер так оценивал их: «Никаким договором... нельзя с определенностью обеспечить длительный нейтралитет Советской России... Незначительная ценность соглашений, закрепленных договорами, именно в последние годы проявилась во всех отношениях. Самая сильная гарантия от какого-либо русского вмешательства заключена в ясном показе немецкого превосходства, в быстрой демонстрации немецкой силы». Публичные высказывания советского правительства, на которые ссылаются авторы документа, были рассчитаны в основном на пропагандистский эффект. Вместе с тем широкая огласка этих высказываний дала немцам возможность использовать их для обвинения СССР.

III

«Если пропагандистская подрывная деятельность Советского Союза в Германии и в остальной Европе не может уже вызывать никаких сомнений в ее направленности против Германии, то позиция советского правительства во внешнеполитической и военной областях после заключения германо-советских договоров свидетельствует об этом еще более ясно. В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило г. министру иностранных дел, что оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать государства, относящиеся к его сфере интересов, за исключением областей бывшего польского государства, находящихся в состоянии разложения. Но на деле, как показал ход событий, политика Советского Союза была в это время направлена исключительно на продвижение военной мощи Москвы на Запад, на территории между Северным Ледовитым океаном и Черным морем, везде, где это окажется возможным, и продолжить большевизацию Европы. (...)

Оккупировав и осуществив большевизацию областей Восточной Европы и Балкан, входивших в сферу интересов СССР, которую ему уступило германское правительство, советское правительство поступило явно и недвусмысленно вопреки московским соглашениям. Несмотря на это, германское правительство даже тогда продолжало занимать лояльную позицию в отношении СССР. Оно полностью воздержалось от вмешательства в финскую войну и в прибалтийский вопрос, оно поддержало в бессарабском вопросе точку зрения советского правительства перед румынским правительством и примирилось, хотя и с тяжелым сердцем, с фактами, перед которыми его поставило советское правительство. Кроме того, оно, чтобы с самого начала по возможности избежать трений между обеими странами, предприняло широкую акцию по переселению, благодаря которой

Печатается в сокращении.

вернуло в Германию всех немцев из областей, оккупированных СССР. По мнению германского правительства, вряд ли можно привести лучшее доказательство его желания достигнуть прочного мира с СССР». (...)

Одним из пунктов обвинения СССР стал вопрос об изменении его границ. Туманный термин «сфера интересов» позволил германскому правительству обвинить СССР в нарушении договоров. Однако во время присоединения этих территорий германское правительство не высказало своего отрицательного отношения к этим фактам. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что летом 1940 года германская армия была полностью связана борьбой на Западе, а Германия по-прежнему оставалась заинтересованной в нормальных отношениях с СССР. Официальная точка зрения германского МИД на события в Прибалтике была однозначной: «События в Прибалтике касаются только России и прибалтийских государств. Поэтому ввиду наших неизменно дружественных отношений с Советским Союзом у нас нет никаких причин для волнения...». Бессарабский вопрос обсуждался между Москвой и Берлином за 4 дня до прямого обращения СССР к Румынии. При этом немецкая сторона не высказала никаких возражений.

IV

«Из-за продвижения России на Балканах начали обостряться территориальные проблемы в этом регионе. Румыния и Венгрия обратились летом 1940 г. к Германии с целью добиться урегулирования их территориальных споров, после того как из-за этих трений, раздутых английскими агентами, в конце августа разразился острый кризис. Возникла непосредственная опасность начала войны между Румынией и Венгрией. Германия, которую Румыния и Венгрия неоднократно просили стать посредницей в их споре, движимая желанием поддержать мир на Балканах, совместно с Италией пригласила оба государства на конференцию в Вену и по их просьбе вынесла 30 августа 1940 г. решение третейского суда. Была установлена новая румыно-венгерская граница, и, чтобы помочь румынскому правительству оправдать перед своим народом понесенные территориальные потери и исключить любой спор в этом регионе в будущем, Германия и Италия выступили гарантами румынского государства в новых границах. Так как русские претензии были в этом районе удовлетворены, то эти гарантии никоим образом не могли быть направлены против России. Несмотря на это, советское правительство заявило жалобу и вопреки своим прежним заявлениям, согласно которым с получением Бессарабии и Северной Буковины его претензии на Балканах были удовлетворены, заявило о своей более широкой заинтересованности на Балканах, которая поначалу была выражена лишь в общей форме. (...)

. Несмотря на недружественную позицию Советского Союза в балканском вопросе, Германия предпринимает новое усилие к договоренности с СССР, и в письме г. Сталину г. министр иностранных дел дает полную картину политики германского правительства со времени московских переговоров. В письме особенно указывается на следующее: при заключеиии Тройственного пакта Германией, Италией и Японией было единодушно выражено мнение, что этот пакт ни в коем случае не направлен против Советского Союза... (...)

Во время визита г. Молотова в Берлин германское правительство было вынуждено констатировать, что Россия согласна на действительно дружественное сотрудничество с державами Тройственного пакта, и с Германией в частности, только в том случае, если она готова уплатить за это требуемую Советским Союзом цену. Эта цена заключается в дальнейшем продвижении Советского Союза на севере и юго-востоке Европы. В Берлине и в последующих беседах с германским послом в Москве г. Молотов выдвинул следующие требования:

1. Советский Союз намерен предоставить Болгарии гарантии, кроме того, заключить с этим государством пакт о взаимопомощи, подобный пактам о взаимопомощи в Прибалтике, т. е. с военными базами, заявляя, что он не желает затрагивать внутренний режим Болгарии. Визит русского комиссара Соболева в Софию в это же время был предпринят для осуществления той же цели.

2. Советский Союз требует договорного соглашения с Турцией с целью сооружения базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в Босфоре и Дарданеллах на основе долгосрочной аренды. В случае, если Турция заявит о несогласии с этим, Германия и Италия должны присоединиться к русским дипломатическим мероприятиям, чтобы силой добиться выполнения этого требования. Эти требования сводятся к господству СССР на Балканах.

3. Советский Союз заявляет, что вновь ощущает угрозу со стороны Финляндии, и требует поэтому, чтобы Германия полностью оставила Финляндию на произвол судьбы, что практически означает оккупацию этого государства и истребление финского народа.

Германия, само собой разумеется, не могла принять эти русские претензии, которые советское правительство выдвигало как предварительное условия для присоединения к Тройственному пакту. Таким образом, усилия государств Тройственного пакта о соглашении с Советским Союзом не удались. Результатом этой германской позиции было то, что Россия усилила свою политику, становившуюся все более откровенно направленной против Германии, что явно проявлялось ее все более тесное сотрудничество с Англией». (...)

Следующим упреком в адрес СССР стали события на Балканах лета 1940 года. Обострение отношений между Венгрией и Румынией явилось следствием территориального раздела Австро-Венгрии после первой мировой войны. На территории Румынии проживало венгерское население, и Венгрия требовала возвратить эти территории. Германия и Италия тайно поддерживали обе стороны, надеясь крепче привязать их к агрессивному блоку. С этой целью и был задуман Второй Венский арбитраж 29—30 августа 1940 года. На нем приняли решение передать Венгрии Северную Трансильванию (43,5 тыс. км² с 2,5 млн. населения, из которого ок. 1,1 млн. составляли румыны), что еще больше запутало вопрос, так как в Румынии осталось венгерское население, а в Венгрии появилось румынское. Вследствие этих действий в сентябре 1940 года произошел достаточно резкий обмен нотами между Москвой и Берлином.

Письмо Риббентропа Сталину от 13 октября 1940 года содержало обзор событий в Европе за год, который сводился к упрекам в адрес англо-французских поджигателей войны и необходимости парировать их военные меры. Этим Риббентроп и объяснял появление германских войск в Скандинавии и на Балканах. Германский министр иностранных дел приглашал СССР присоединиться к недавно подписанному Тройственному пакту и для этой цели просил Молотова прибыть в Берлин на переговоры. Тем временем подготовка к нападению на СССР шла полным ходом, и в директиве № 18 отмечалось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно».

В очередной раз используя дипломатические документы, авторы меморандума в целом верно передают смысл советских требований. Не было упомянуто о требовании СССР к Японии отказаться от своих концессий на Северном Сахалине и о притязании СССР на территорию к югу от линии Баку — Батуми в сторону Персидского залива. И скорее всего это делалось с расчетом на негативную реакцию общественного мнения Европы. Сближение СССР с Англией началось лишь в преддверии Великой Отечественной войны, а до тех пор советское правительство придерживалось нейтрального курса.

VI

«Антигерманская политика советского правительства сопровождалась в военной области постоянной концентрацией всех имеющихся русских вооруженных сил на огромном фронте от Балтики до Черного моря. Уже в то время, когда Германия была сильно скована на Западе в период французской кампании и когда на Востоке находились лишь совсем небольшие части германских войск, русское главное командование начало систематическую передислокацию крупных воинских контингентов на восточную границу Германии, причем было особо отмечено сосредоточение против Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также в Буковине и Бессарабии против Румынии. Постоянно усиливались русские гарнизоны и против Финляндии. Переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа в европейскую Россию была следующим мероприятием в этой области. После того как советское правительство со своей стороны заявило, что в Прибалтику, например, будут введены лишь совершенно незначительные контингенты войск, в этом районе после осуществления оккупации последовала все более сильная концентрация войск, которые сегодня оцениваются в 22 дивизии. Таким образом, складывается картина того, что русские войска все ближе придвигаются к германской границе, несмотря на то, что с германской стороны не предпринимается никаких военных мер, которые могли бы оправдать такие действия русских. Лишь после такого поведения русских германские вооруженные силы были вынуждены принять ответные меры. (...) С начала апреля отмечается возрастание случаев нарушения границы и числа облетов германской территории русскими самолетами. То же самое касается, по сообщениям румынского правительства, и румынских пограничных областей в Буковине, Молдавии и по Дунаю. (...)

Если и могут существовать некоторые сомнения в агрессивности продвижения русских войск, то они полностью опровергаются сведениями, полученными верховным командованием вермахта в последние дни. После осуществления полной русской мобилизации сейчас против Германии развернуто не менее 160 дивизий. Результаты наблюдений за последние дни показывают, что группировка русских войск, и в особенности моторизованных и танковых соединений, происходила таким образом, что главное командование русских на различных участках германской границы готово в любой момент начать агрессивные действия». (...)

В советских западных приграничных округах к 22 июня находилось 53,5% личного состава, 44,9% артиллерии, 45,5% танков и 51% самолетов вооруженных сил. Советский Генштаб учитывал возможность войны с Германией и планировал действия на этот случай, но ни о каких наступательных действиях в 1941 году не могло быть и речи, так как войска находились в стадии перевооружения. На 22 июня все части располагались в местах постоянной дислокации и даже не создали оборонительной группировки. Никакой мобилизации в СССР не проводилось до 23 июня. Решение о нападении на СССР было окончательно принято 18 декабря 1940 года, когда Гитлер утвердил план «Барбаросса». Сосредоточение германских войск для войны с СССР началось 4 февраля 1941 года. К 22 июня количество немецких войск возросло с 34 до 127 дивизий. Вместе с союзниками эти силы насчитывали 164 дивизии. Общее соотношение сил сторон к началу войны было следующим:

	Красвая Армия	противник	соотношение
Дивизии	177	164	1,1:1
Личный состав	3 000 000	4 834 000	1:1,6
Орудия и минометы	43 872	41 674	1,1:1
Танки	10 394	3 899	2,6:1
Самолеты	9 576	4 841	2:1

Советская сторона признала 8 случаев нарушения границы своими самолетами. Согласно советским данным, германские самолеты нарушали воздушное пространство СССР только в 1 полугодии 1941 года 324 раза.

Меморандум заканчивался следующими словами:

«Суммируя вышесказанное, германское правительство уполномочено заявнть следующее:

Вопреки всем взятым на себя обязательствам и в вопиющем противоречии с торжественными заявлениями советское правительство выступило против Германии:

Оно: 1. не только продолжало свои попытки, направленные на подрыв Германии и Европы, но и усилило их с началом войны;

2. проводило во все более широком масштабе свою антигерманскую политику;

3. сосредоточило на германской границе все свои войска в полной боевой готовности.

Таким образом, советское правительство предало и нарушило все договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм и национал-социализм — смертельные враги. Большевистская Москва готова нанести удар с тыла национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за свое существование.

Германия не намерена безучастно наблюдать угрозу своей восточной границе. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам отразить эту угрозу всеми имеющимися в их распоряжении средствами. В предстоящей борьбе немецкий народ осознает, что он поднимается не только на защиту родины, но и призван спасти от смертельной опасности большевизма всю мировую цивилизацию и проложить путь к действительному социальному подъему в Европе».

Перевод текста и комментарий подготовил Михаил Мельтюхов

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ: СНОВА В ПОЛЕТ?

КАКОЙ БЫТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ РОССИИ

В начале года трижды собирался «круглый стол», посвященный государственной символике России. Вел эти заседания доктор исторических наук Рудольф Германович Пихойя, председатель Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР. В дискуссиях принимали участие научные сотрудники Института истории СССР АН СССР, музеев (Государственный Эрмитаж и Государственный исторический), Историко-архивного института, архивов (ЦГАДА, ГЦА РСФСР), а также народные депутаты РСФСР.

Два вопроса были в центре внимания: какими быть флагу и гербу России?

Эта публикация подготовлена доктором исторических наук Еленой Ивановной Каменцевой по материалам стенограмм, которые велись на заседаниях «круглого стола», в них принимали участие:

АРТАМОНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ — кандидат исторических наук, сотрудник Института истории СССР АН СССР.

ВИЛИНБАХОВ ГЕОРГИЙ ВАДИМОВИЧ — кандидат исторических наук, зав. сектором знаменного отдела Государственного Эрмитажа.

ДУМИН СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея СССР.

КАМЕНЦЕВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА — доктор исторических наук, профессор Московского государственного историко-архивного института.

СОБОЛЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела источниковедения Института истории СССР АН СССР.

Следует определить принципы государственной символики, которая, хотим мы этого или нет, во все времена является политической. Останутся ли традиционные серп и молот на привычном красном фоне нашего флага и герба? Будет ли отражена в новой символике многонациональность Российской Федерации? Ведь в конце концов, и русскоязычный Новгород, и иноязычное Казанское ханство, входившее в состав России, были государствами со своей собственной атрибутикой.

Елена Каменцева: Флаг — официальный знак государства, символизирует его суверенитет, утверждается в законодательном порядке, обычно конституцией. Флагам предшествовали знамена и стяги с изображением языческих богов, а после принятия христианства — Иисуса Христа. В XIV веке стяг означал присутствие в лагере князя, а с середины XVI века — царя. В битве на Куликовом поле стяг великого князя Дмитрия Донского был черным с изображением Иисуса Христа. С середины XVI века появляются флаги в современном значении. Флаги — «прапоры» вывешиваются на зданиях и крышах. С конца XVI и в XVII веке на полотнищах изображали двуглавого орла — герб Русского государства; луну, звезды, зверей, птиц, фантастических животных. С середины XVII столетия стяг получил вид продолговатого трехцветного (белый, синий, красный) четырехугольника. Посредине нашивалось золотое или желтое изображение двуглавого орла. Расположение цветов неизвестно. В конце XVII века государственный флаг приобрел вид полотнища, состоявшего из трех горизонтальных полос — белой, синей и красной с изображением двуглавого орла посередине.

Лишь в 1858 году был принят закон об изменении цветов флага в соответствии с гербовыми цветами России, которыми считались черный, желтый и белый. Новый стяг просуществовал недолго — в 1883 году цветами русской государственности снова стали белый, синий и красный. Этот флаг считался национальным и коммерческим.

Владимир Артамонов: Во всех республиках происходит сейчас отторжение старой партийно-классовой символики. Национальная же символика должна стать внепартийной. Цвета русского флага (белый, синий, зеленый, красный) соответствуют предпочтительным цветам практически всех славянских народов.

В знак признательности и в память об освобождении с помощью русского народа от османского и австрийского ига многие славянские народы, а также армяне приняли свои национальные флаги по образцу русских. Цвета черно-желто-белый стали проникать в Россию в первой трети XVIII века в связи с усилением немецкого влияния

1. Эскизный проект герба РСФСР. Исполнено 20.01.1991. Вариант № 1

2. Эскизный проект. Вариант № 2

3. Эскизный проект. Вариант № 3

в армии и в 1815 году вошли в государственную символику.

Георгий Вилинбахов: Бело-сине-красный флаг не несет в себе никакой имперской идеологии и поэтому может вполне стать основой для государственного. Понятие «национальный цвет» определяет только набор цветов, а не порядок их расположения. Национальный флаг подразумевает, что это уже законодательно утвержденная цветовая композиция, существовавшая в России до 1917 года. И теперь, когда мы возвращаемся к старой символике, любое изменение нужно аргументировать.

Таким образом, вопрос о флаге РСФСР решен в пользу трехцветного — бело-сине-красного флага с горизонтальным расположением полос. Голубой цвет — символ верности, убежденности в правоте; белый — надежда, чистота, благородство; красный — мужество, защита обездоленных, справедливость.

* * *

По-иному происходили споры о гербе России. В ходе заседаний «круглого стола» наметилось несколько направлений в решении этого вопроса.

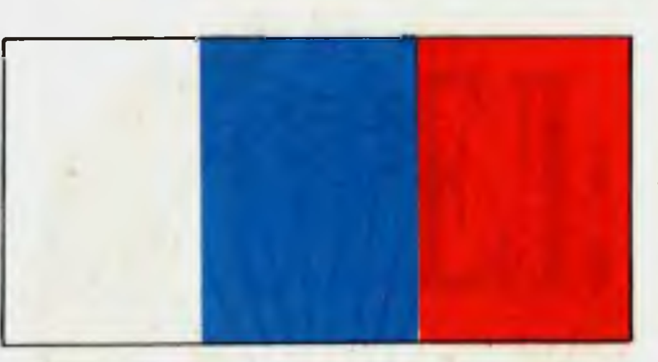
Надежда Соболева: Государственный герб, флаг и гимн — символы государственного суверенитета. Для любого современного государства они существуют в триединстве, которое в общем-то начало складываться довольно поздно — с XIX века. Однако это не означает, что до того времени в стране не было герба.

Герботворчество — это историко-культурное явление. Чаще всего отдельная область принимала своей эмблемой изображение какого-нибудь животного, цветка, птицы и т. д., которое впоследствии становилось или отдельным гербом, или главной его фигурой. В других случаях в качестве государственного герба страны принимался герб царствующего дома. Наконец, герб мог быть создан законодательным путем, в соответствии с особенностями данного государства и его историей (СССР, американские государства).

Документальные свидетельства о появлении официальной символики Русского государства скудны и нечетки, поэтому приходится получать недостающие сведения, используя вещественные источники, в первую очередь печати и монеты. Они более или менее точно фиксируют процесс появления и развития символики, являются носителями знаков государственной власти. Так же как и во многих странах Европы, эмблемы Российского государственного герба появились в средневековье.

Основные фигуры Российского государственного герба — двуглавый орел и всадник, поражающий копьем дракона — впервые известны (один на лицевой стороне, другой на оборотной) по государственной печати Ивана III 1497 года. Кстати, хотелось бы подчеркнуть, что лишь по традиции двуглавый

орел считается гербом Византии, заимствованным Иваном III в результате его женитьбы на Софье Палеолог. Еще академик Н. П. Лихачев в начале нашего века высказывал сомнения по этому поводу, ибо со времени брака Ивана III и Софьи до помещения двуглавого орла на государственную печать прошло 25 лет. В настоящее время многие западноевропейские ученые доказали, что в Византии двуглавый орел не был государственным гербом. Скорее всего, Иван III использовал эту эмблему в соответствии со своими политическими замыслами, в противовес гербу императора Священной Римской империи (немецкой нации). С тех пор двуглавый орел красуется на государственных печатях всех последующих правителей России. При Иване IV двуглавый орел и всадник воссоединились — всадник был помещен на груди двуглавого орла. Подобные печати скрепляли внутригосударственные и международные акты. Широко известна печать XVI века, где двуглавого орла окружают эмблемы земель, княжеств, царств, входящих в царский титул.

Первое официальное описание герба Российской империи относится к 1667 году. У Российского государственного герба был длительный путь становления. В окончательном варианте он являлся символом огромной империи, включающей многие народы и страны. В XIX столетии в правление царя Александра III в соответствии с новым титулом русского государя были утверждены большой, средний и малый государственные гербы.

Революционные массы, сокрушая старый мир, уничтожают обычно и символы старого мира. Как французская революция смела королевские лилии, как был низвергнут двуглавый орел Австро-Венгерской монархии, так и символы «проклятого царизма», «тюрьмы народов» канули в небытие, ибо они уже ничего не символизировали.

Мнения участников «круглого стола» разделились.

__Владимир Артамонов:__ Очень удачна была находка первых лет революции — герб РСФСР: изображение венка колосьев вокруг эмблемы. Но форма самого герба не геральдическая. Поэтому надо либо вернуться к первому гербу Русского государства — всадник, выдержанный в бело-сине-красных цветах, либо ко второму гербу России — орлу. Рисунок орла постоянно менялся в русской истории. К тому же он может сегодня вызывать неприятные ассоциации у нерусских народов и части русских, по традиции усматривающих в нем символ империи. Это можно исправить. Например, стоит обратить внимание на рисунок орла, сделанный художником Билибиным для герба Временного правительства, заменить цвет с черного на золотой, как это было при Петре I, или на белый и поместить орла на современный геральдический щит РСФСР, окружив венком из ржаных колосьев или березовых веток (береза — символ всех народов нашей страны — от Смоленска до Тихого океана). Можно сопроводить герб девизом «Единство и суверенитет». Две головы орла будут символизировать республики Европы и Азии. (Вспомним, что А. Д. Сахаров предлагал называть наше государство Союзом Советских республик Европы и Азии.)

__Георгий Вилинбахов:__ Российская геральдика первых лет Советской власти отвечала новым идеологическим установкам — борьбе за всемирную революцию, интернационализм, что свело на нет национальные идеи. Ведь именно поэтому была отменена не только русская, но и национальная геральдика, введена односистемная геральдика для всех республик. Прокрустово ложе глобальной идеи мировой революции оказалось достаточно жестким: только новые социалистические государства, появившиеся после вто-

4. Эскизный проект флага РСФСР. Исполнено 20.01.1991. Вариант № 1

5. Эскизный проект. Вариант № 2

6. Печать государственная большая царя Ивана IV Васильевича. 1583 год

7. Большой Российский Государственный герб. 1882 год

8. Печать государственная малая (двойная кормчая) великого князя Иоанна III Васильевича. 1504 год

9. Печать Временного правительства.

рой мировой войны, смогли сохранить свою национальную геральдику, несмотря на введение социалистических эмблем (Польша, Болгария и Чехословакия).

Вполне возможно использование в современной геральдике эмблемы двуглавого орла и Георгия Победоносца. Правда, Георгий Победоносец — православный святой, а как быть с представителями других вероисповеданий, проживающими на территории России? Кроме того, Георгий — эмблема, символизирующая государя. В то же время двуглавый орел как государственный символ Русского государства с течением времени обрастал дополнительными фигурами, которые указывали на изменения в Российском государстве (корона, скипетр, держава). Сейчас должен быть осуществлен обратный процесс. Начало этому было положено в семнадцатом году: Билибин, создавая рисунок герба, освободил его от имперского «утяжеления», снял имперские знаки, напластования земель, присоединенных силой. Полагаю, что основной элемент, который мог бы лечь в основу государственного герба,— двуглавый орел.

__Станислав Думин:__ Герб, созданный Временным правительством, не содержит в себе никаких монархических идей. И отказываться от всадника, поражающего змия, не следует. Стоит подумать о создании герба Федерации по образцу некоторых стран (там существуют большие и малые гербы), большой герб Российской Федерации мог бы включать золотого орла, лишенного атрибутов монархической власти, с красным щитом на груди, где был бы изображен всадник на белом коне, поражающий змия. Орел мог бы быть окружен гербами отдельных территорий, входящих в состав Российского государства.

Среди выступавших были и те, кто высказывался против восстановления прежней эмблемы.

__Надежда Соболева:__ В настоящее время герб Российской империи, и в частности двуглавый орел, интересен нам как памятник прошлого, памятник истории российской государственности. Возрождение двуглавого орла в качестве символа современного демократического Российского государства выглядело бы анахронизмом.

__Елена Каменцева:__ В средневековье империи имели в качестве герба изображение двуглавого орла, а вассальные государства — всадника. Иван III рассчитывал получить титул императора, в связи с этим у нас появился двуглавый орел. Поэтому идея возврата к подобной эмблеме неэтична и вызовет возражения республик. Освободив орла от всех имперских наслоений, мы получим двуглавую мутантную птицу.

На щите варяжского типа хорошо бы поместить всадника, поражающего змия, причем не Георгия Победоносца, а воина-ездеца, а гербовый щит окружить колосьями. В этом варианте сохранилась бы историческая преемственность обновленной России.

Но в таком виде, по мнению участников «круглого стола», герб оказался бы без эмблемы. Щит, колосья, девиз — это всего лишь обрамление.

Высказывалось предложение принять в качестве эмблемы знак Рюриковичей или использовать языческие орнаментальные символы, изображаемые в древности на предметах домашнего обихода и женских украшениях. Или в качестве основной эмблемы герба использовать изображение стилизованной башни Московского Кремля.

Так каким же быть флагу и гербу России? Всем стали очевидны исходные положения для решения вопроса о государственной символике России — символы должны быть внесословные, внепартийные — постоянные. Но стоит, наверно, поинтересоваться и мнением россиян.

Ждем ваших откликов, читатели.

МИХАИЛ НАЗАРОВ

ПОКА ВРАЖДА НЕ РАЗДЕЛИЛА...

УКРАИНЦЕВ И РУССКИХ – ЕСТЬ ВРЕМЯ ПОДУМАТЬ ОБ ОБЩЕМ НЕДЕЛИМОМ ФОНДЕ

Сегодня почти не найдется русского, который проголосовал бы против единства славянских народов нашей страны. Конечно, кто-то при этом может исходить из имперских соображений могущества. Однако следует сразу признать: это чувство вчерашнего дня, ибо не количеством территории измеряются сегодня мощь и авторитет страны, ее вклад в мировую цивилизацию. К тому же в наши времена никакими материально-экономическими выгодами ни в какой империи не удержать народы, созревшие для самостоятельности и стремящиеся к ней. Для обоснования единства нужны другие аргументы.

Но национальный вопрос по отношению к сегодняшней России все чаще ставится более радикально: смеем ли мы, русские, вообще желать той или иной формы общности с каким-либо другим народом? Нет ли в этом посягательства на его национальное самовыражение, высшей формой которого всегда должна быть полная государственная независимость?

Ответ, наиболее распространенный как в среде западных советологов, так и в правозащитном движении в СССР, категоричен: подобное стремление к государственной общности реакционно и есть не что иное, как империализм. Возможно, именно так проблема заостряется из-за ненормальности межнациональных отношений в СССР. Но такое положение не вечно. Ниже предлагается иная точка зрения – с ориентиром на послетоталитарное будущее.

В ее основе не только убеждение, что глобальные проблемы естественно ограничивают государственные суверенитеты всех народов, еще недавно считавшиеся абсолютными; что растущие взаимозависимости сближают. В данной статье скорее попытка увидеть, ради каких положительных целей, а не просто из-за вынужденной необходимости, оправдано это единение.

Это попытка объяснить побуждения тех россиян, которые желают сохранить единство, прежде всего славянских народов нашей страны, не только из чувства «сидящих в одной лодке», но на основе духовной близости. Попытка показать, что наши народы не просто «какие-то» друг для друга. Что возможность государственной независимости каждого из нас – ценность не единственная и не высшая. Что в нашем единении есть тоже цель высокая и достойная. Ведь само добровольное объединение (а иное и немыслимо) возможно лишь при условии: оно должно обладать очевидной для всех ценностью – высшей, чем существование врозь.

Известно, что христианское понимание ценностей представляет собой иерархическую лестницу, верхние ступени которой не отменяют собой нижние, а опираются на них. Так между личностью человека и духовным всеединством человечества перед лицом Бога есть промежуточные уровни. Наиболее ярко выраженные и устойчивые из них – семья и нация. Но они не исчерпывают всей шкалы. На наднациональном уровне можно видеть сообщества народов, объединенных по культурно-историческому и религиозному типу – например, ярко выраженное единство мусульманских стран. На этом уровне и следует искать ценности, которые оправдывают сохранение и развитие славянского единства.

Перечень исторических ударов по этому единству огромен:

– татаро-монгольское нашествие в XIII веке, которое было первопричиной расщепления единого древа Руси на три ветви;

– «латинизация», в результате которой западные области Руси были втянуты в чуждую русскому духу орбиту;

– австро-германская политика поощрения сепаратизма с целью расчленения России, особенно в период первой мировой войны;

– и наконец, большевизм.

Последствия этих ударов отразились на всех трех ветвях, и если в дальнейшем изложении основное внимание уделено Украине, то лишь потому, что на самосознании ее интеллигенции это сказалось больше всего.

Коммунистическая идеология нанесла огромный ущерб межнациональным взаимоотношениям в стране. Первым ее результатом стала завлекающая раздача республиканских статусов и произвольно-великодушное проведение многих границ (все равно нациям скоро предстояло «отмереть», а границы должна была поглотить мировая революция – вот когда были заложены мины будущих Карабахов...). Но поощрение окраинных национализмов, в частности «украинизация» в 1920-е годы, было для интернационалистической власти лишь временным средством искоренения главного врага: «русской буржуазной», то есть национальной, культуры и православной традиции (это постоянно подчеркивал Ленин). Вскоре выявилась фиктивность провозглашенных республик, породив чувство обманутости. Неизбежно наступил следующий этап: тоталитарная нивелировка страны на основе языка и обездуховленного тела самого большого народа-растворителя. Назревшая война заставила сменить и терминологию: о главном контингенте пушечного мяса заговорили как «о великом старшем брате» и о «родине слонов»... Все это дало разрушительный результат, породив ощущение «русификации», «русской власти» и отталкивание от нее.

Спекулируя на языковой форме и «не замечая» сути этого общего процесса денационализации, противники славянского единства пытаются нанести еще один удар. Они утверждают, в частности, что искусственный голод в годы коллективизации был организован русскими только на Украине и с целью «геноцида украинского народа». Эти силы провели в США в 1959 году не отмененный по сей день закон о «плененных нациях», утверждающий, что «русским коммунизмом» порабощены не только Украина и Белоруссия, но и некие «Казакия» и «Идель-Урал»... В этом, конечно, отражено и инстинктивное недоверие иностранных политиков к огромной державе, которое наглядно проявилось в годы революционной смуты в России: стремление расчленить ее и ослабить как геополитического конкурента.

В сочетании с советизацией подобная дезинформация дает свои плоды. Типичный пример – выступление украинского националиста Ю. Бадзьо на митинге памяти жертв сталинизма 5 марта 1989 года в Киеве. Он назвал две «решающие силы, запустившие страшную машину террора»: это «сила партийно-государственного аппарата, который бешеными темпами формировался как новый господствующий класс; и вторая сила – эгоистическая национальная сила русского великодержавного шовинизма». Коммунистическая идеология насилия, начавшая свой всеобщий геноцид в 1917 году с русского народа, среди причин террора даже не упомянута. Подобные искажения истории и толкование «русификации» в таком духе во многом способствуют сеянию межнациональной розни.

У части украинской эмиграции эта рознь давно приняла форму ненависти. Достаточно привести название газеты «Шлях перемоги» («Путь победы») с девизом «Киев против Москвы» и процитировать ее антирусскую солидарность даже с китайцами: «Дальневосточная Сибирь была когда-то китайскою окраиной, которую москвины русифицировали... китайцев, хозяев этого далекого восточного края, Москва уничтожала небывалыми физическими способами». Вместе с китайцами «Шлях перемоги», видимо, надеется, что «души утопленных и убитых помогут своею эзотерическою силою вернуть назад Китаю занятые москвинами китайские земли в Сибири».

Можно процитировать и призывы В. Мороза к «насильственному крушению Русской империи», ибо она «даже после демократических преобразований будет висеть дамокловым мечом над всей Европой»; или его утверждение: «отношения между русскими и украинцами в Киеве те же, что между англичанами и ирландцами... с крайне насильственными мерами этнической предосторожности. Для нас, украинцев, русские – пришельцы-азиаты».

Семь «неправд» сепаратизма

Надо надеяться, что на Украине подобные эмигрантские эмоции найдут должную оценку. Не сразу, однако, заметна фальсификация научных данных в этом вопросе. В этой связи еще в 1920-е годы кн. А. М. Волконский определил «четыре неправды» украинских сепаратистов: «неправда этнографическая, филологическая, хронологическая и географическая», которые в той или иной форме используются и по сей день[1].

Суть этих неправд в следующих утверждениях:

1) Что «издревле существовал особый украинский народ» (придумали даже имя: «рутены»), отличавшийся от русского: украинцы представляют собой «арийцев» с «традиционным духовным аристократизмом», тогда как великороссы – «туранско-азиатский» народ с «рабской психологией» (теория Ф. Духинского).

2) Что этот украинский народ изначально имел «самостоятельный, тоже славянского, но не русского происхождения, язык».

3) При этом поздние исторические реалии переносятся в прошлое: так, в украинской эмиграции праздновали «1000-летие Крещения Украины», утверждая, что «правитель Украины Володимер» крестил украинцев.

4) Географическая же неправда заключается в распространении территории Украины на земли, которые никогда украинскими не были: на некоторых картах Украина простирается до Каспийского моря (такова, например, «Короткая географія Украины» С. Рудницкого. Киев, 1910).

К этому следует добавить пятую, антирусскую неправду, о которой уже сказано выше: советизация выдается за «русификацию», а большевистский террор – за «геноцид, проводимый русскими против украинского народа». Идет спекуляция на общей трагедии, в которой «расстрелянное возрождение» (уничтожение украинской национальной интеллигенции, начавшееся в 1929 году) было лишь очередным шагом по укреплению коммунистической власти – в то время когда русской национально мыслящей интеллигенции уже не было: ее уничтожили, бросили в лагеря, изгнали сразу после революции.

Эти неправды – основное оружие, но и ахиллесова пята эмигрантского украинского сепаратизма[2].

Однако главный вопрос: насколько украинский народ действительно хочет отделиться. Даже основной юридический аргумент сепаратистов – провозглашение независимости Украины в 1918 году – при объективном рассмотрении может оказаться шестой неправдой, юридической.

Во-первых, об этом акте следует судить в ряду других решений той же Центральной Рады, созданной 4 (17) марта 1917 года, после падения российской монархии. Почему-то этот украинский парламент не торопился с отделением от России. Так, в обращении «К украинскому народу» от 9 (22) марта Центральная Рада призвала поддержать Временное правительство. Затем, 10 (23) июня, она провозгласила лишь автономию Украины, а 3 (16) июля решила перенести ее осуществление до созыва Всероссийского Учредительного собрания. 7 (20) ноября, после большевистского переворота, Центральная Рада объявила о создании украинского государства – но опять-таки в составе России. И лишь 11 (24) января 1918 года, сразу же после разгона большевиками Учредительного собрания, Рада провозгласила независимость Украины.

Эта хронология отражает не столько национальные, сколько политические причины отделения: здесь видна реакция на незаконный захват власти большевиками, отталкивание от их террористической политики.

И во-вторых, насколько в тех условиях всеобщей смуты это решение Рады можно считать мнением народа и насколько, как признает и А. Авторханов, это было «искусное лавирование украинской дипломатии во главе с Винниченко в продолжающейся войне между Германией и Россией»? Причем с одной стороны была не прежняя Россия, а захваченная большевиками и угрожающая Украине тем же режимом. С другой стороны, «австрийцы и немцы добивались», чтобы Украина стала «австро-германским вассалом». В таких условиях решение о независимости 1918 года можно рассматривать как оборонный шаг (оказавшийся, впрочем, недостаточным).

Конечно, у многих членов Центральной Рады (образованной, кстати, не всенародными выборами, а соглашением политиков) было стремление к отделению от России, но они не могли его провозгласить без веских причин, считаясь с тем, что большинству населения Украины идеи сепаратизма были чужды. В этой связи уместно привести свидетельство из воспоминаний самого В. К. Винниченко об «острой антипатии народных масс к Центральной Раде», выражавшейся «...самими украинцами. С каким неуважением, злобою, с каким мстительным глумлением они говорили про Центральную Раду, про генеральных секретарей, про их политику. А что было в этом действительно тяжелым и страшным – то, что они высмеивали и все украинское: язык, песню, школу, газету, украинскую книжку. ...Это были не отдельные сцены, а всеобщее явление с одного края Украины до другого».

Однако не будем продолжать полемику. Ни факты зарубежного злоупотребления украинским национализмом, ни ненависть сепаратистов к России не отменяют права украинцев на национальное самосознание – вплоть до отделения. Жаль, что при опровержении политических спекуляций сепаратистов русские оппоненты часто упускали из виду эту национальную правду, забывая о мистической сущности и ценности каждой нации как соборной личности; забывали о том, что нации могут созревать и в наши дни; что, заявляя о себе сначала в культуре, они неизбежно требуют своего политического оформления.

Раньше дискуссия шла в основном вокруг вопроса, есть ли украинская нация или ее нет, и дальнейшие выводы вели либо к сепаратизму, либо к «единой неделимой». Сегодня (оставляя в стороне вопрос, когда сформировалось украинское национальное самосознание) перечисленные выше проблемы концентрируются в одной: какова наиболее адекватная форма выражения современного национального самосознания украинцев?

Две противоположные тенденции в ответах теперь выглядят так: полное отделение от «угнетателей-москалей» или создание с ними федерации. Причем тенденция к отделению выдается сепаратистами за единственно национальную, в чем можно видеть седьмую – и главную – национальную неправду сепаратизма.

Очень важно подчеркнуть, что обе тенденции (сепаратистская и федералистская) существуют в самой украинской среде как два разных выражения национального самосознания. Эта двойственность берет начало с самого его возникновения, и в ней хорошо прослеживается такая особенность: сепаратизм был свойствен политически честолюбивой части интеллиген-

ции, тогда как федерализм и даже чувство единства с Россией — простому народу. Тем более нет оснований считать национальной лишь сепаратистскую позицию.

В такой расколотости сознания, усугубляемой и в религиозном аспекте проблемой украинских католиков,— трагическое наследие всей сложности истории этой славянской ветви. Под прессом тоталитаризма проблема была загнана внутрь, но с ростом свободы украинского общества она будет все больше выходить наружу. Ради интересов самой Украины и во избежание внутреннего раскола в ней это наследие требует максимальной осторожности в его преодолении и залечивании исторических ран. Вряд ли сейчас может быть найдено какое-то одно решение, которое удовлетворит всех украинцев.

Поэтому, на мой взгляд, следует искать синтез противоборствующих тенденций. Поиск же синтеза возможен лишь на уровне более высоком. Украинское национальное самосознание должно искать форму государственности, которая в максимальной степени обеспечила бы реализацию ценности независимости — до того предела, пока она не нарушает более высокой ценности, тоже необходимой народу, без которой он тоже потерпит национальный ущерб. (В этом можно видеть общий принцип строения многонационального государства.) Этот предел устанавливается не снизу, так называемым «сознательным подчинением низших ценностей высшим», а сверху: самой очевидностью высшей истины, ее доминированием над нижними ступенями в иерархической лестнице.

Природа высших ценностей такова, что их приятие может быть только свободным, иначе, при насильственном им подчинении, они перестают быть таковыми. При свободном же их приятии высшие ценности не могут умалить ценностей более низкого порядка, наоборот: могут придать им новую полноту. Не так ли и человек, реализуя свою неповторимую индивидуальность и свободу в служении высшим ценностям, обретает духовную полноту и смысл жизни?..

«Наше национальное сознание должно быть сложным»

Поскольку ниже будут цитаты из работ давних лет, сначала стоит затронуть связанную с ними проблему терминологии. Речь идет прежде всего о происшедшей замене названия «Малороссия» словом «Украина» и о сужении значения слов «русский» и «российский».

Сегодня определение «русский» идентично почти вышедшему из употребления понятию «великоросс». Но еще и на рубеже XIX—XX веков «русский» означало великороссов, малороссов и белорусов, вместе взятых. В этом смысле его употребляли как представители русской интеллигенции (например, П. Б. Струве), так и украинской (П. А. Кулиш).

Это было естественно и для простого народа. Так, в целях противодействия польской и австро-венгерской ставке на «украинофильский» сепаратизм в Галиции возникла партия, провозгласившая в 1899 году следующую программу:

«Русская народная партия в Галичине исповедует на основании науки, действительности и глубокого убеждения национальное и культурное единство всего русского народа и потому признает своими плоды тысячелетнего национального и культурного труда. (...) Только на (этой) культурно-исторической почве лежат пути к развитию и возвышению Галичской Руси (...) Принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусской ветви русского народа, а также и местные условия, русская народная партия признает необходимым и целесообразным просвещать свой народ на его собственном галичско-русском наречии, не отказываясь, однако, от помощи, какую русскому народу в Австрии могут принести и действительно приносят обще-русский язык и обще-русская литература, представляющие национальное и культурное выражение всего русского народа» (Е. де Витте. «Путевые впечатления». Киев, 1904, репринт Карпаторусского литературного общества в США, 1977).

Следует напомнить также, что этнический термин «малоросс» нисколько не дискриминирующий. Наиболее распространено объяснение, что это традиция античного происхождения, пришедшая через Византию вместе с православием: «Малой Россией», по аналогии с «Малой Элладой», греки называли центральное историческое ядро государства, в отличие от разросшихся территорий «Большой Эллады» или «Великой России» (подобное деление на «великую» и «малую» существовало и в Польше).

Во всяком случае, это стало самоназванием юго-западной Руси. Так, гетман Богдан Хмельницкий в августе 1653 года передавал через посла: «...иному неверному царю служити не хочем; только тебе, великому государю православному, бьем челом, чтоб твое царское величие не оставил нас. Король Польский со всей силою лятской идет на нас, погубити хотят веру православную, церкви святые, народ православный християнский из Малыя сия России». На Переяславской Раде Хмельницкий просил: уже «шесть лет молим» принять Малую Россию, «дабы имя русское не помянулось (т. е. не забылось) в земле нашей».

Хмельницкий, правда, именовал себя «гетманом славного войска Запорожского и всея по обеим сторонам Днепра сущей Украины Малороссийской». Но в то время слово «Украина» не имело этнического значения и означало лишь окраину, в данном случае польскую. С разными географическими прилагательными то же слово применялось и к пограничным областям России, в том числе к далеким сибирским («даурская Украина»). В этническом значении слово «Украина» было введено в употребление лишь в XIX веке.

Понятие же «Россия» (ныне сведенное к границам РСФСР) до революции означало всю империю, и слово «российский» включало в себя всю многонациональную полноту.

Это терминологическое замечание приводится, однако, не для того, чтобы давать повод для дискуссии о правомерности того или иного определения, а чтобы была понятна излагаемая ниже традиционная позиция русской общественно-политической мысли по этому вопросу.

Так, эмигрантский мыслитель Г. Федотов еще в 1929 году использует старые названия, определяя взаимоотношения между ними. Несмотря на терминологическую устарелость, это дает нам первый структурный ориентир в поиске ценностей славянского единения. Сначала Федотов обращается к великороссам:

«Наше национальное сознание должно быть сложным, в соответствии со сложной проблемой новой России (примитив губителен). Это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским.

...Для малороссов или украинцев, не потерявших сознания своей русскости, эта формула получит следующий вид: малорусское, русское, российское». Так же многоярусно строится национальное сознание белорусов.

Это означает: «пусть не для нас одних русский север станет страной святых чудес», но и для юга России тоже. В свою очередь, Белоруссия и Украина должны восприниматься великорусским севером тоже как свои. Особенно это касается отношения к Украине: от решения этой проблемы «зависит само бытие России»,— считал Г. Федотов. «Задача эта для нас формулируется так: не только удержать Украину в теле России, но вместить и украинскую культуру в культуру русскую».

Он полагал в те годы, что молодая украинская нация еще не сформировалась окончательно, «и ее судьбы еще не предопределены, ...но можно работать над тем, чтобы ее самосознание утверждало себя как особую форму русского самосознания. Южно-Русское (малорусское) племя было первым создателем Русского государства, заложило основы нашей национальной культуры и себя самого всегда именовало Русским (до конца XIX века). Его судьба во многом зависит от того, будем ли мы (т. е. великороссы) сознавать его близость или отталкиваться от него, как от чужого (...) Эта задача (...) прежде всего выпадает на долю южно-русских уроженцев, сохранивших верность России и любовь к Украине. Отдавая свои творческие

силы Великороссии, мы должны уделить и Малой (древней матери нашей) России частицу сердца и понимания ее особого культурно-исторического пути. В борьбе с политическим самостийничеством, в обороне русской идеи и русского дела на Украине нельзя смешивать русское дело с великорусским и глушить ростки тоже русской (т. е малорусской) культуры...» («Будет ли существовать Россия?». «Вестник РСХД», № 1—2, 1929).

В то время становление национального самосознания украинцев, наверное, еще не было столь явным, как в наши дни. Сегодня слова Федотова можно было бы сформулировать с большим уважением к праву украинцев на самостоятельность, сохраняя ту же мысль о ценности единения. Независимо от того, как называть эту славянскую общность, ее ценность вполне ощутима. И особенно теми многочисленными россиянами, которые (как и автор этих строк) соединяют в своем происхождении разные ветви единого русско-славянского древа.

Г. Федотов писал и о следующей ступени здания: «расширить свое русское сознание... в сознание российское», поскольку Россия в любом случае будет включать в себя не только славянские народы (не из одних славян состоит и РСФСР). Из уважения к ним сознания российскости должно быть шире славянского. Эта тема выходит за рамки данной статьи, хотя проблема не менее важная. В этой связи следует отметить, что в СССР все больше проявляет себя и великорусский изоляционизм как стремление сосредоточиться на своих проблемах, залечить свои раны. В этом, видимо, сказывается своеобразный шок после чудовищного разрушения большевиками русской культуры (другой вид того же шока — шовинизм и перекладывание вины исключительно на инородцев). Так что ценность российского единства и в русской среде, к сожалению, несколько поблекла или подвергается шовинистической опасности...

Общий неделимый фонд

Думается все же, что единство всех трех ветвей, несмотря ни на что, сохранилось в достаточной мере, чтобы отличаться от взаимоотношений с другими республиками. Надежды связаны прежде всего с нашим общим неделимым фондом.

Общность происхождения. Навсегда останется общим для нас значение «Киева — матери городов русских»... В историческом масштабе русские, украинцы и белорусы сформировались сравнительно недавно, поэтому общие у нас и последующие приобретения в единой имперской истории: причерноморская Новороссия, Крым, Сибирь, которые как делить? А как решить (и надо ли?) проблему многих миллионов браков, которые назвать «смешанными» не поворачивается язык... Все это составляет как бы общность тела.

Общая культура — это общность души. В ней одинаково дороги нам свв. Кирилл и Мефодий, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Слово» Кирилла Туровского, знакомые каждому с детства былины о подвигах Ильи Муромца... Украинские сепаратисты справедливо считают это достояние своим; их неправда лишь в том, что они провозглашают его только своим, предлагая русским забыть, «откуда есть пошла земля русская». Столь же неделима и совместно созданная российская культура имперского периода, отказ от которой был бы обеднением для каждого из ее народов-творцов.

Предлагаю вспомнить несколько примеров, как это ощущали сами малороссияне. Наиболее яркий пример — Гоголь: «Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой».

Ректор Киевского университета М. А. Максимович в 1871 году ощущал «московскую Русь как родную сестру нашей Киевской Руси, как вторую половину одной и той же святой Владимировой Руси, чувствуя и сознавая, что как их бытие, так и уразумение их одной без другой недостаточны, односторонни».

Приведем еще имена малороссиян, ставшие неотъемлемой принадлежностью общероссийской культуры. «Таковы, например,— писал Н. Лосский,— в области литературы Капнист, Гнедич, переводчик «Илиады», (...) Короленко, Мордовцев; в области философии — профессора Т. Ф. Осиповский, С. С. Гогоцкий и особенно Юркевич, приглашенный из Киевского университета в Московский; в области других наук (...) — историк Костомаров, лингвист Потебня, математик В. Г. Имшенецкий, зоолог А. О. Ковалевский, минералог академик В. И. Вернадский, сын его русский историк Г. В. Вернадский, геолог Н. И. Андрусов, Данилевские, Петрушевские, Прокоповичи. В области живописи всем известны Лосенко, Левицкий, Боровиковский, Репин, гениальный Врубель...» В области музыки, добавим,— Глинка, Бортнянский, Березовский...

Вспомним «русского Сократа» Г. Сковороду (занимающего достойное место в истории русской религиозной философии) и таких выучеников Киево-Могилянской коллегии (позже академии), как Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Мелетий Смотрицкий, св. Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович — все они внесли большой вклад в совершенствование русской письменности и в создание общерусского литературного языка.

«Достаточно представить хотя бы перечисленные фигуры на знамени своего времени, чтобы понять их выдающуюся роль в развитии русской культуры»,— пишет украинский националист М. Ю. Брайчевский, желая подчеркнуть, что украинская культура «стояла на несравненно высшем уровне, чем в России». Тем более стоит ли отказываться от совместного творения, в которое украинскими деятелями было вложено столько таланта и сил?

Можно привести пример и того, как великороссы заботились о малороссийской культуре: первая «Грамматика малороссийского наречия» была составлена в 1818 году А. Павловским, который в предисловии объяснил свою цель — послужить укреплению «наречия сего близкаго по соседству со мною народа, сих любезных моих соотчичей, сих от единыя со мною отрасли происходящих моих собратьев».

В этом культурном наследии — общность души.

Религиозная общность — важнее всего. «Пусть разъединяет язык, разъединяет память и имя Москвы — соединят киевские святыни и монастыри святой Руси,— писал Федотов,— ...мы должны соединяться в религиозном возрождении. И сейчас подлинно живые религиозные силы Украины от Русской церкви себя не отделяют». В этой общности веры — единство главных духовных ценностей, уходящее в совместное принятие христианства.

Думается, осознание этого истока имеет огромное значение не только для сохранения российско-славянского единства, но и для верного направления дальнейшего развития каждого из наших народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. на эту тему: Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. Царинный А. (Стороженко). Украинское движение. Берлин, 1925. С предисловием кн. А. М. Волконского. Кн. Волконский А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920. Репринт в изд. Свободное слово Карпатской Руси. Нью-Йорк, 1981. Проф. Лосский Н. О. Украинский и белорусский сепаратизм. В журнале «Грани» № 39, 1958.

2. Глубоко уважая талант и личность А. Авторханова, не могу не отметить, что эта «ахиллесова пята» присутствует и в его книге «Империя Кремля». В ней, кроме того, игнорируются другие особенности украинского самосознания, отметить которые я попытаюсь в дальнейшем изложении своей статьи.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

СПАСИ И СОХРАНИ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ,
директор Русского музея

Я признаю все то, что происходило с церковью, противозаконным и безнравственным. Сегодня тоже мы живем в том обществе, где спокойно можно отнять все, заработанное человеком или предприятием. Именно поэтому я против очередного закона, который узаконит очередное беззаконие. А главное, узаконит новую порцию безнравственности, которой в нашем обществе и без того достаточно.

Потому что издают и создают у нас законы люди, которые с удивительной легкостью говорят от имени народа и всегда точно знают, как нужно все перераспределить, чтобы было справедливо. Знают, что народу нужно и чего народу не нужно.

В 17-м году, как известно, пришли люди, которые уверенно начали все перераспределять. Из дворцов переселяли в хижины, разрушали коллекции, отнимали, уничтожали семейные реликвии, которые собирались веками. Единицами двигала вера в социальное счастье. Но десятки и сотни — это были швондеры и шариковы, и они до тех пор не успокоились, пока всем не стало плохо. Они оставили только за собой право жить не в хижинах и пользоваться какими-то привилегиями.

Есть путеводитель по Шереметевскому дворцу, написанный еще в двадцатые годы, его автор радуется, что французская революция уничтожила дворцы, а наша не тронула. Такая вот наивная радость. А спустя несколько лет пришли новые люди и сказали: нам не нужны музеи дворянского быта, дворянский быт — неправильный быт. И нечего тут страдать, давайте все это — и Строгановский дворец, и Шереметевский, и многие другие — закроем.

Точно так же и с религией.

Пришли люди и сказали: религия — опиум для народа, давайте разрушать церкви, жечь иконы, а Владимир Ильич Ленин считал полезным расстрелять пару сотен священников. Сегодня пришло иное поколение людей, которые говорят все наоборот: «Народу нужна религия, народу нужна церковь». Очевидно, все это верно, народу нужны религия и церковь, но нельзя это делать «кампанией сверху».

Конечно, не мне учить церковь, но и вера, и религия возрождаются не в украшенных золотом и драгоценными камнями храмах, не по роскошно переплетенным Библиям с красивыми картинками, и даже не в скромных часовнях, а возрождается она прежде всего в душах людей.

Движутся же религия и вера двумя началами — смятением и гармонией. Пока что у нас смятения полно, а гармонии нет. Откуда взяться гармонии, если вчера все христианские заповеди заменил моральный кодекс строителя коммунизма. Сейчас снова все вдруг возвращается к христианским заповедям. А значит, в людях появляется иммунитет против вообще всяких заповедей. Суета и кампания — они не способствуют возрождению религии.

И другая опасность. У нас нет борьбы «за», у нас всегда борьба «против». И сейчас создается образ нового врага — музея. Дескать, музей — это такой скупой рыцарь, который, показывая лишь малую часть своей коллекции, остальное утаивает. И поэтому напрашивается вывод: нужно все вернуть церкви.

В пятидесятые годы была такая кампания: работников музея заставляли класть произведение искусства в портфель и ехать куда-нибудь на завод. Считалось, что народ тем самым приобщается. Сегодня мы как будто от таких вульгарных действий отказались. Но что-то в этом роде продолжается. Нам говорят: пусть работы из Русского музея, из Эрмитажа, из Третьяковки поедут куда-нибудь на Рязанщину, в Сибирь, на Дальний Восток, пусть люди приобщаются к искусству... Но почему-то Лувр не делает на «Марсельщине» передвижных выставок, и не везет на «Оклахомщину» передвижных выставок Метрополитен-музей. Наоборот, любой сельский труженик из окрестностей Марселя или с Оклахомы совершает паломничество в музей, к произведениям искусства.

На протяжении десятилетий музеи спасали произведения искусства не только из разрушенных храмов, разграбленных усадьб и покинутых дворцов. И не только иконы оберегали они от бурь и колебаний в верхних сферах.

Безусловно, экспроприация у церкви ее сокровищ была беззаконием, но если мы сейчас начнем безоглядно изымать у музеев экспроприированное, это тоже будет беззаконие. Почему тогда только церкви? Давайте вернем ценности коллекционерам или их наследникам. Давайте тогда идти до конца.

Во всех музеях цивилизованного мира хранятся произведения искусства, которые когда-то принадлежали церкви, находились в церкви. Ведь уже в XIX веке сама церковь начала думать о своей истории, о сохранении шедевров, которые могут погибнуть где-то в сельских приходах. Уже тогда закладывались основы будущих собраний музеев церковного искусства. И у нас задолго до революции появились собрания христианских ценностей. И они потом передавались в музеи. Возвращать и это тоже? Сегодня у нас в музее хранятся копии фресок, которых уже нет, как нет самих соборов. К тому же то, что сейчас собрано в музеях, это судьбы и труд сотен реставраторов. Сегодня только в наших мастерских работает более пятидесяти реставраторов. Вещи у нас хранятся под постоянным наблюдением. Есть даже такое понятие: «хроник». То есть больное произведение, которое нельзя трогать, а тем более перемещать. Его все время лечат.

Приказ «отнять и вернуть» не предполагает вопроса: «у кого?» А ведь, отнимая у музея, мы отнимаем у народа.

И Боровиковский, и Перов, и Нестеров, и Репин, и десятки других светских художников тоже работали для церкви. И их произведения находились в церквах, а сейчас находятся в музеях. Что ж, их тоже раздать? Как бы нам потом не раскаяться, что, возродив одно, мы разрушили другое.

Я за возрождение церкви и религии. Но за такое возрождение, которое не насаждается сверху, а нисходит, как дух. Если есть в обществе основы для возрождения, то союз музея и церкви может быть бесценным. Мы всегда помогали и помогаем церкви возрождать иконописное мастерство, возрождать прикладное искусство, мастеров, создающих предметы церковной утвари, помогали копировать произведения древнерусской живописи, восстанавливать прорехи. У нас есть люди, которые хранят и изучают секреты этого искусства.

А что касается возвращения, то по каждому произведению вопрос должен решаться отдельно. Нужно смотреть, в каком оно состоянии, как попало в музей, может ли церковь его сохранить. Возможности у церкви тоже не безграничны. Поэтому-то так важно, чтобы и церковь видела в нас не противников, а союзников в исполнении нашей общей по отношению к бесценным произведениям искусства заповеди: спаси и сохрани!

Продолжаем знакомить читателей с наиболее значительными эмигрантскими журналами. Сегодня вашему вниманию предлагается интервью с главным редактором журнала «Посев» (ФРГ) Александром Юговым.

ЧТО СЕЕТ «ПОСЕВ»

В воскресенье 11 ноября 1945 года в лагере беженцев из России у поселения Менхегоф близ города Касселя в Западной Германии вышел первый номер еженедельника «Посев». Тираж — двести экземпляров. Из-за нехватки бумаги два номера пришлось печатать на обратной стороне бланков одной немецкой фирмы. Сегодня тираж журнала — несколько десятков тысяч. О его существовании читатели хорошо наслышаны: не было такого издания в СССР, которое хоть разок бы не обругало «ставленников НТС».

— *Что означает название журнала «Посев»?*

— Сеем разумное, доброе, вечное.

— *А многие в СССР — КПСС, КГБ и т. д. — полагают, что вы сеете злое: антикоммунизм, национальную рознь...*

— Мы привыкли к пропагандистским клише о нашей работе, о «посеве без всходов». Но всходы есть! Может, поэтому в СССР нас не жалуют до сих пор и всячески порочат наши идеи и принципы.

— *А каковы они?*

— В двух словах об этом не скажешь. Обобщенно — это принципы солидаризма, исповедуемые Народно-трудовым союзом российских солидаристов. Ведь наш журнал — орган НТС, журнал общественно-политической мысли. Солидаристы считают, что сотрудничество, взаимодействие людей выше по природе, по своей первооснове, нежели классовая борьба, идеи классового, антагонистического разделения общества, то есть первоосновы марксистского учения.

— *Скажите, была ли неожиданной для вас нынешняя ситуация в России: Горбачев, перестройка, гласность?*

— Мы всегда считали, что тоталитарная система не может существовать долго. Она идет к пропасти, прежде всего в области экономической. Эти прогнозы я высказывал, например, в 1984 году в статье «Четыре причины ухудшения экономики СССР». И они сбылись.

— *Что ж, ваша работа, по-видимому, была не напрасна.*

— Да, мы работали не напрасно, хотя наши идеи, наши статьи, наши теоретические разработки все еще замалчиваются в СССР.

— *Насколько мне известно, «Посев» первым начал писать о Сахарове?*

— Во всяком случае одним из первых. Было это году в шестьдесят седьмом. И потом не раз обращались к его публицистическим трудам. Недаром в 1973 году Андрей Дмитриевич в интервью шведскому журналисту заявил (и это был мужественный поступок), что он благодарен «Посеву» за его деятельность.

В журнале работали разные люди из разных волн эмиграции, но линия журнала не менялась: мы всегда говорили правду. И всегда в этом опережали советскую прессу. К примеру, в советской официальной прессе правдивая информация о коллективизации появится только в конце восьмидесятых, а у нас — еще в годы сталинщины.

А вот что писал в нашем журнале 18 марта 1956 года В. Арсеньев: «Нынешний идеологический застой КПСС больше напоминает мертвящий холод сталинщины, чем период подчас бурных и страстных исканий, которые имели место при Ленине... Подлинный смысл возведения на пьедестал Ленина и его периода заключается в другом. Власти нужно, как это уже делалось ею неоднократно, ввести народ в заблуждение, чтобы выиграть время. Выиграть же время власти нужно для того, чтобы разрешить очень сложную задачу — или идти по пути подлинной демократизации (на что власть не способна), или вернуться к единоличной диктатуре (что при настоящих настроениях в народе и даже в партии очень затруднительно), или сохранить нынешнее положение (невыгодное своей неопределенностью и неустойчивостью)».

Извините за длинное цитирование, но кажется, что последние фразы сегодня более актуальны, чем 35 лет назад...

— Печататься в «Посеве» всегда было опасно для советского человека, наверное, и вашим сотрудникам грозила опасность?

— Да, можно назвать имена действительно людей героических, рисковавших жизнью. Многие из них погибли, многие стали жертвами террора КГБ. Так — это было в пятьдесят третьем году — большой резонанс в западной прессе получило дело Александра Рудольфовича Трушновича, который исчез при до сих пор не выясненных до конца обстоятельствах. Его похитили, завернув в ковер. Неизвестно, сразу убили или это был неудавшийся розыгрыш с якобы его перебегом. Слухи были разные, даже, мол, его видели в лагере вместе с Валленбергом. История Валленберга широко освещается в советской прессе, а вот о Трушновиче молчат. А между тем биография его необыкновенна. Серб Александр Трушнович в первую мировую войну перешел на сторону России, затем воевал на стороне белых в корниловском полку. Поскольку он был югославским подданным, ему удалось с семьей выехать в двадцатых годах на родину, где он стал активным деятелем нашего союза, а в конце сороковых годов вел работу в Западном Берлине.

Работа НТС в Западном Берлине была как кость в горле для советских органов. Именно в пятидесятые годы была совершена серия терактов против НТС и «Посева».

Например, Юрий Андреевич Трегубов был похищен КГБ. Впоследствии он написал книгу «Восемь лет под властью Лубянки». Сейчас пишет книги на немецком языке, стал немецким писателем.

В Австрии похитили Кремля, да, был человек с такой странной фамилией. Фамилия не русская, но был он русским человеком и, по некоторым сведениям, умер в лагере. Сын Кремля стал профессором одного из американских университетов.

Широкую огласку получила и попытка покушения на тогдашнего председателя исполнительного бюро Каловича. Гебист Николай Хохлов, посланный на это дело, в последний момент отказался его выполнять и перешел на сторону «противника». Он жив и сейчас, преподает психологию где-то в Калифорнии. Давно уже у него вышла книга «Право на совесть», весьма неплохая книжка, ее не мешало бы переиздать. Героиня этой книги любимая женщина Хохлова, кажется, ее звали Ядвига, благословила его на решительный поступок. Конечно, Москва не могла простить измены. И на одной из посевских конференций Николаю Хохлову подсыпали радиоактивный таллий. По-моему, это был первый случай такого применения препарата. Позже в советской прессе писали о женщине, которая травила детей-школьников таким порошком. В перерыве конференции восточногерманский резидент, работающий на КГБ, подсыпал Николаю Евгеньевичу этот страшный яд, но тот успел выпить лишь глоток. Его быстро отвезли в американскую клинику и, применив новейшие достижения медицины, спасли.

Террор против нас начался сразу после смерти Сталина. Известно, что некоторые распоряжения на убийства подписаны Маленковым и Хрущевым.

— Но сегодня вам уже не грозит такая опасность. Как теперь работается?

— Конечно, в переломные моменты истории становится интереснее и жить и работать. Интереснее, но и сложнее. Мы видим, как на родине повторяют наши идеи, наши мысли в документах, статьях, публикациях экономистов, историков, социологов. Поразительно, но повторяются даже программные положения НТС. В частности, именно наши постулаты в области экономической сферы и в области социальных отношений.

Мы писали о том, что перестройку надо начинать с сельского хозяйства — в ненакормленной стране не проходят никакие реформы, писали о том, что какую-то часть пути надо пройти в рамках тоталитарного режима.

Мы, естественно, не хотим ни взрывов, ни крови, все это нам приписывается советской стороной, но уверяю вас, это чистая ложь. Все наши помыслы, в особенности последних лет, направлены только к одному — к варианту максимально безболезненного перехода к рыночной экономике. А самая первая статья на эту тему была напечатана «Посевом» в январе 1972 года, и называлась она «Плата за эксперимент».

— Имелся в виду марксистско-ленинский эксперимент?

— Ну конечно. И тогда я писал, что без помощи Запада России в этом вопросе не обойтись, и теперь считаю так же, потому что Россия на своей шкуре экспериментировала за весь мир и расплатилась за весь мир. Я помню, что, когда мы опубликовали статью, наши оппоненты говорили: наивно, на это Запад не пойдет и эту помощь Россия не примет. А что происходит сегодня?

— Скажите, является ли секретом форма распространения «Посева»?

— До недавних пор мы распространяли журнал среди тех, кто попадал на Запад: моряков, туристов, артистов... Сегодня стало возможным просто ввозить журнал в СССР, посылать его по почте. Что требует больших финансовых расходов. А мы ведь не богаты. Это в рассказах КГБ у нас огромные деньги и нас содержат спецслужбы всех стран... Да вы и сами видите, как живут сотрудники «Посева». Небогато по здешним меркам. Мой пример еще не так типичен, потому что жена-француженка получила наследство. На него и купили сначала квартиру, а потом и этот дом.

— Хотелось бы узнать о вашей личной судьбе. Как вы попали на Запад?

— Это не так интересно. Уезжал из Одессы в 1971 году. За участие в демократическом движении мне грозила тюрьма. Меня открыто предупредили, что копится материал. Стоило подать заявление на отъезд — все оформили мигом. Тогда еще пути через Америку не было, все ехали через Израиль. Больше года проработал конструктором, потом так вышло, разошелся с женой и уехал сюда в Германию по договору. С тех пор здесь. Безвыездно.

— А в «Посеве»?

— С семьдесят третьего года. Писал, был ответственным секретарем. Штат у нас небольшой, всего несколько человек, объединенных любовью к родине — России.

Беседу вел
ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ,
редактор отдела русского зарубежья журнала «Родина»
Франкфурт-на-Майне — Москва

СОВЕТСКИЕ ТАНКИ В ПРАГЕ

Накануне интервенции

В манифесте «Две тысячи слов», подписанном группой представителей чехословацкой интеллигенции, есть такое, оказавшееся пророческим, место:

«Время, которое наступает,— это лето с каникулами и отпусками, когда нам, по старой привычке, на все захочется махнуть рукой. Но мы готовы держать пари, что наши милые противники летом не станут отдыхать, что они мобилизуют всех связанных с ними людей и захотят устроить нам уже сейчас бурные рождественские святки».

Уже с весны печать КПСС, а за ней газеты ГДР, Польши, Болгарии начали нападать на чехословацкий курс, вели резкую полемику с чехословацкой прессой, радио и телевидением. Нападки не прекращались во время встреч в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе, были приостановлены на несколько дней в середине августа и возобновились снова за два дня до вторжения в Чехословакию войск Варшавского Договора.

Коммунистическая пропаганда создавала, выдумывала и раздувала факты, которыми впоследствии могла бы быть обоснована интервенция.

Одним из таких, особенно обыгрывавшихся советской печатью фактов было обнаружение при загадочных обстоятельствах недалеко от западной границы Чехословакии «склада американского и немецкого оружия» (нескольких десятков пистолетов системы «Вальтер» и автоматов системы «Томпсон», а также полутора тысяч патронов к ним).

Расследование показало, что «склад оружия» — грубая провокация. Об «оружии» в чехословацкое министерство внутренних дел анонимно, по телефону, сообщил человек, назвавший себя западным немцем. Уже здесь произошла неувязка, показавшая, насколько эта провокация грубо сработана. Работники чехословацкой службы госбезопасности, тщательно обследовавшие указанное по телефону место, оружия не обнаружили. Несмотря на то, что чехословацкие власти сохранили инцидент в тайне, об оружии на весь мир раззвонила «Правда». Через несколько дней в министерство внутренних дел поступило повторное анонимное сообщение о складе оружия, и на этот раз оно было найдено в месте, которое безрезультатно обыскали два дня назад. Экспертиза установила, что немецкие пистолеты были довоенного, а американские автоматы — военного производства и могли попасть в советские руки во время или после войны.

Еще более пикантные результаты дала экспертиза упаковки оружия. Оказалось, что мешки, в которые оно завернуто,— советского производства, из московского ГУМа. С них наскоро удалены этикетки, и их перекрасили краской восточногерманского производства.

«Правда» от 30 июля опубликовала письмо, подписанное «99 рабочими» завода «Авто-Прага», фактически содержащее призыв к советской интервенции. Рабочие опровергли реальность этого письма.

Дело дошло до «правительственных нот» (явление в отношениях между дружественными коммунистическими государствами исключительное, показывающее, что все возможности межпартийных переговоров исчерпаны).

О подготовке военной интервенции свидетельствовала и крупная передислокация войск, со второй половины июля проводившаяся по всей территории стран Варшавского Договора под видом различных маневров.

Напомним, что советские войска, участвовавшие в июле в «штабных маневрах» на территории Чехословакии и так «медленно» выводившиеся из страны, заняли позиции вдоль чехословацких границ.

Сразу же вслед за окончанием «штабных маневров» «Известия» от 23 июля сообщили о новых, самых больших в истории Советской Армии маневрах вдоль западных границ СССР от Балтийского до Черного моря. В маневрах, как официально сообщалось, участвовали призванные в армию резервисты и мобилизованный гражданский автотранспорт, часть которого взяли из колхозов.

В разгар жатвы маневров обычно не устраивают, тем более в СССР, где сбор урожая ежегодно сопровождается штурмовщиной. Это насторожило всех, и советской печати пришлось разъяснять, что маневры специально назначены на это время года, чтобы проверить боевую готовность в ответственный период жатвы.

После отказа руководства КПЧ принять участие в Варшавском совещании пяти компартий (Румыния приглашена не была), между Чехословакией и СССР шли напряженные переговоры.

Чехословацкая сторона предлагала двусторонние переговоры, но отказывалась послать свою делегацию в СССР. Формально отказ обосновывался принципиальными соображениями: «если кто-то интересуется тем, как мы строим наше общество, он сам должен приехать в нашу страну». Фактически же чехословацкая общественность была против встречи на советской территории потому, что боялась, что Дубчека и его делегацию под нажимом заставят пойти на уступки.

Руководители КПСС согласились на встречу в Чехословакии с условием, что в ней примут участие Президиум ЦК КПЧ и Политбюро ЦК КПСС в полном составе. Они надеялись, что в ходе переговоров удастся отколоть и перетянуть на свою сторону чехословацких догматиков. Надежды эти оказались тщетными: из страха перед общественностью и народом догматики не решились открыто выступить против Дубчека. Президиум ЦК КПЧ в полном составе поддержал его на переговорах с руководством КПСС.

Встреча состоялась в трех километрах от советской границы, в словацком местечке Чиерна-над-Тиссой в зале маленького деревенского кинотеатра.

С советской стороны в ней приняли участие члены Политбюро Брежнев, Косыгин, Воронов, Мазуров, Пельше, Подгорный, Суслов, Шелепин, Шелест, кандидаты в члены Политбюро Демичев и Машеров, а также секретари ЦК Катушев и Пономарев. (В Москве остались лишь двое из членов Политбюро — Полянский и Кириленко.)

С чехословацкой стороны во встрече участвовали президент Чехословакии генерал Свобода, члены Президиума ЦК КПЧ Дубчек, Смрковский, Черник, Шпачек, Кригель, Пиллер, Риго, Колдер, Биляк, Барбирек и Свечка, а также кандидаты в члены Президиума Капек, Ленарт и Вацулек.

Встреча началась 29 июля утром и должна была по плану продлиться лишь один день. В действительности переговоры затянулись на целых четыре дня.

По требованию руководства КПСС место встречи должно было быть сохранено в тайне. Этого добиться не удалось. О месте встречи журналисты узнали в первый же день.

Переговоры происходили в такой напряженной атмосфере, что на третий день Брежневу сделалось плохо и он должен был оставить зал заседаний.

Подробности о переговорах были опубликованы в официальном теоретическом органе Союза коммунистов Югославии — «Коммунисте».

Согласно этой информации, на третий день переговоров дело почти дошло до полного разрыва, когда Шелест выступил с грубыми нападками на новую политику КПЧ и на ряд лиц из ее руководства. В ответ выступил Дубчек, перечисливший последние враждебные шаги руководства КПСС по отношению к Чехословакии. После чего чехословацкая делегация покинула зал заседаний.

Под угрозой разрыва руководство КПСС отступило.

Делегацию КПЧ пригласили вернуться в зал заседаний с тем, чтобы, забыв прошлое, совместно искать выход из создавшегося положения.

В заключительном коммюнике ничего не было сказано о принятых решениях, не повторено требование, предъявленное Чехословакии в Варшавском письме, и не упомянуто о расквартировании советских войск на чехословацкой территории. Было объявлено лишь, что 3 августа в Братиславе состоится вторая встреча, в которой примут участие, кроме делегаций СССР и ЧССР, делегации Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши.

Руководители КПЧ утверждали, что темы конференции в Братиславе — «европейская безопасность» и «сотрудничество в рамках Совета Экономической Взаимопомощи». Однако наблюдатели сомневались, что в Братиславе не будут обсуждать внутреннее положение Чехословакии.

4 августа опубликовали заключительное коммюнике Братиславского совещания, длившегося всего один день. В нем сказано почти то же, что и в Варшавском письме, но в других, более мягких формулировках.

Коммюнике написано на обычном коммунистическом жаргоне, которого не могли не понимать Дубчек и другие члены чехословацкой делегации. На что они надеялись, подписывая его? Надеялись уклониться от выполнения взятых на себя обязательств, вкладывая в содержание документа другой смысл? Или хотели просто выиграть время?

Как это началось

20 августа вечером Дубчек вел переговоры с особоуполномоченным Советского правительства в помещении ЦК КПЧ в Праге. Разговор с советским дипломатом успокоил Дубчека: тот еще раз заверил Генерального секретаря КПЧ, что руководство КПСС не намеревается предпринимать никаких насилий по отношению к Чехословакии.

Однако вскоре после этого Дубчека вызвал все тот же особоуполномоченный и командующий вооруженными силами стран Варшавского Договора маршал Якубовский. Вопреки только что данным заверениям они пытались уговорить Дубчека, чтобы тот выступил по радио и телевидению и объявил, что он вызывает армии стран Варшавского Договора на помощь для борьбы против контрреволюционеров в ЧССР. Дубчек отказался.

Примерно в это же время около 40 бывших чехословацких кагебистов, лишенных своих должностей новым правительством, рыскали по столице, проводя некоторые «подготовительные работы», а над пражским аэродромом появился пассажирский самолет Аэрофлота, пилот которого просил разрешения на посадку, утверждая, что терпит бедствие: у него кончилось горючее. Бедствие потерпел персонал аэродрома: из имевшего мирный вид самолета посыпались вооруженные пассажиры, быстро занявшие все ключевые позиции аэродрома, на который через короткое время начали снижаться военные транспорты, груженные десантниками и техникой — вплоть до танков. Все это устремилось на столицу Чехословакии — оказывать чехам и словакам «братскую помощь против контрреволюционеров».

В бой против «контрреволюционеров» устремились из ГДР и Польши. Всего в Чехословакию 21 августа вошло около четверти миллиона военнослужащих стран Варшавского Договора. Главное впечатление производило не столько количество солдат, сколько количество техники: танки шли за танками, зенитные орудия грозно глядели в небо, бронетранспортеры ревели, небо гудело от самолетных двигателей. А за всем этим, как шакалы за хищником, ловя носами запах крамолы, кинулись кагебисты. Дорогу им показывали машины советского посольства в Праге и некоторые местные коллеги.

Когда особисты добрались до помещений, где находился Дубчек, тот был у телефона и пытался установить размеры агрессии. Для Дубчека нападение на Чехословакию было, кроме всего прочего, и личной трагедией: он провел детство в СССР, но, как говорят знающие его лично, несмотря на это, не утерял наивной веры в возможность построения какого-то доброго, демократического коммунизма.

Чекист и два солдата с автоматами ворвались в комнату, отняли у Дубчека телефонную трубку и вырвали, для верности, телефонные провода из стены. С Дубчеком и с его ближайшими сотрудниками затем поступали грубейшим образом. Их заставили часами стоять «по стойке» лицом к стене, в наручниках, в самолете Дубчек связанный лежал на полу. Перебросили их сперва в Словакию, затем в Польшу, где держали в селе в мазанках, не давая им мыться, не водя на оправку, не давая им даже еды. По-видимому, их били. Все эти подробности говорят о том, что у Советского правительства даже и мысли не было о возможности возвращения руководителей ЧССР на их старые должности. Слух о том, что советские лидеры отдали распоряжение о созыве «ревтрибунала», который должен был приговорить Дубчека и его друзей к «высшей мере», не представляется преувеличенным.

План лидеров КПСС был прост: они были уверены, что, прогрохотав по Чехословакии таким количеством танков и таким числом самолетов над ней, им ничего не будет стоить создать марионеточное правительство.

Чудо на Влтаве

Диктатуры держатся на предателях. 21 августа в Чехословакии предателей не оказалось — вернее, их было так мало и они были такого ничтожного масштаба, что в плане государственном можно сказать, что их не было. Одновременно у чехов и словаков был порыв единодушия, стойкости. Они сделали самое важное — то, чего не были в состоянии сделать восставшие немцы в ГДР в 1953 году и чего не сделали героические венгерские революционеры в 1956 году. Венгры бросались на танки — чехословаки вели себя так, как будто танков нет. Они бросались пропагандировать танкистов, разъясняли им истинное положение вещей. На советский танковый удар они ответили морем листовок на русском, польском, болгарском, венгерском языках.

Чехословацкая армия оставалась в своих казармах, но армейские радиостанции в машинах, замаскированных под гражданские, организовали такую радиослужбу, которая, по словам западных специалистов, граничила с чудом. Радио вело передачи на всех европейских языках, обращалось к солдатам с призывами на их родном языке.

В Чехословакии вся белая, синяя и красная материя пошла на флаги и национальные значки. С теми, кому ее не хватило, делились соседи. Волна демонстраций охватила всю страну — в особенности Прагу и Братиславу.

Несмотря на то, что оккупационные власти заняли типографии и запретили печатание листовок и воззваний,— страна была переполнена и листовками, и воззваниями, и экстренными выпусками газет, которые печатались подпольно.

Оккупационные власти тоже распространяли листовки с заверениями, что «сегодня к вам на помощь пришли верные братья», и тому подобным бредом. Эти листовки чехи и словаки собирали и на белой обратной стороне печатали свои воззвания.

Единодушные действия всего народа дали положительный результат. Стало поступать все больше и больше сведений о том, что советские солдаты охвачены

недоумением и угрызениями совести. Все свободные чехословацкие радиостанции сообщили о самоубийстве в Праге советского офицера. Советскому командованию в некоторых местах пришлось воздействовать на солдат оружием, так как те отказывались выполнять приказы. Свободные радиостанции сообщали из Словакии, что в районе Кошиц советский капитан застрелил водителя, отказавшегося вести машину по территории Чехословакии.

Не имея аргументов против чехословаков, агитирующих солдат, оккупанты начали стрелять. Был убит юноша, вскочивший на советский танк и размахивающий чехословацким флагом (его снимок — сначала с флагом на танке, а затем на носилках — обошел весь западный мир). Было убито несколько юношей-агитаторов. Всего в Праге с 21 по 27 августа убито 22 человека (по другим данным, 25) и ранено 240. Первый погибший, 27-летний Станек Пржихода, был раздавлен советским танком (намеренно или случайно — трудно сказать). Его похороны вылились в многотысячную демонстрацию пражан.

Единодушие народа повергло в уныние тех немногочисленных предателей, на которых могли рассчитывать советские лидеры. Никто из них не решился возглавить марионеточное правительство (а если кто-нибудь и решился, чего мы сейчас еще не знаем,— то не смог набрать соучастников для правительства). Против кагебистского террора народ боролся удивительно умело и дружно. Номера машин кагебистов передавались по радио, и если такая машина попадалась на глаза жителям, то они расправлялись с чекистами и освобождали арестованных. Когда в стране появились кагебисты с поддельными чехословацкими паспортами, об этом по радио было сообщено немедленно. По радио же был дан совет: снять указатели дорог, улиц, номера домов, таблички с фамилиями. Совет был выполнен — говорят, что эта мера совсем спутала карты кагебистам. Даже чехословацкое МВД выступило в защиту народа. По приказанию министра Павела по радио был передан телефонный номер, по которому надо было звонить при появлении кагебистов советского толка. По звонку появлялись люди Павела, и им часто удавалось освобождать арестованных.

Когда из СССР был прислан поезд со специальным оборудованием для пеленгации свободных легальных радиопередатчиков, то об этом немедленно стало известно и радио обратилось с призывом к железнодорожникам — задержать поезд. В конце концов он так и не дошел до Праги, и оборудование было переброшено вертолетами.

Президент Л. Свобода — единственный из высшего чехословацкого руководства, не схваченный оккупантами,— договорился о поездке в Москву для переговоров с главарями КПСС. Ему удалось добиться освобождения и участия в переговорах арестованных 21 августа Дубчека, Черника и Смрковского.

Напряженные четырехдневные переговоры (первоначально Свобода собирался пробыть в Москве только один день) закончились единственным видимым результатом: 28 августа Свобода, Дубчек, Черник и Смрковский вернулись в Прагу и снова возглавили правительство и компартию оккупированной Чехословакии.

Распространено мнение, что Дубчека и его друзей спас президент Свобода. Престарелый президент действительно показал достойные удивления мужество и хладнокровие, но спасло лидеров Чехословакии поведение всего народа — без этого оккупанты не стали бы вести переговоров с президентом и не освободили бы арестованных.

Реакция в коммунистическом блоке

Руководство Румынии, у которой, как и у Чехословакии, имеется общая граница с Советским Союзом, резко осудило агрессию пяти стран Варшавского блока. Чаушеску протестовал против утверждения, что в ЧССР взяла верх «контрреволюция», назвал агрессию «самым позорным моментом в социалистическом движении», сообщил, что Румыния полностью поддерживает ЧССР. ЦК Румынской компартии резко осудил агрессию. Одновременно с этим румынские лидеры, не без основания, решили, что следующей целью агрессии после Чехословакии может стать Румыния, и начали демонстративно готовиться к обороне. В Бухаресте состоялись парады войск и новообразованной рабочей милиции.

Чаушеску встречался с Тито, чтобы договориться о взаимной помощи.

В Югославии агрессия вызвала бурю негодования — как в правящих кругах, так и в народе. Тито говорил о грязных руках, замаравших красное знамя, в Белграде состоялась двухсоттысячная демонстрация, югославские газеты осуждали нападение на Чехословакию более резко и темпераментно, чем западная печать. Симпатии народа к Чехословакии изливались на чехословацких туристов. Югославы останавливались и аплодировали каждому автомобилю с чехословацкой табличкой — чехословаки на окнах своих машин писали: «Спасибо Югославии!», загребские таксисты возили чехословаков бесплатно с вокзала в студенческий городок, где для них было организовано временное убежище...

Возмущение агрессией открыто высказывали даже жители ГДР, где Ульбрихт больше, чем в других социалистических странах, блюдет традиции Сталина. Трудящиеся ГДР подписывали (с указанием фамилии и адреса) письма с выражением симпатий к Чехословакии и передавали их в посольство ЧССР в Берлине. Повсюду раздавались протесты против недостаточной информации о событиях в ЧССР. Были демонстрации, во время которых были арестованы в числе других два сына известного либерального коммуниста проф. Хавемана.

В Пекине осудили нападение на Чехословакию, сравнили его с гитлеровскими преступлениями и с «американской агрессией во Вьетнаме», утверждали, что агрессия совершена в сговоре с США. Чехословацких «ревизионистов во главе с Дубчеком» КПК осудила за то, что они призывают народ к спокойствию в то время, когда следует стрелять. Пекин призвал чехословаков к восстанию и обещал им полную поддержку Китая.

Положение оккупантов

Как это ни звучит парадоксально, но положение «оккупантов» в Чехословакии более тяжелое, чем положение оккупируемых.

Если само нападение на Чехословакию, по оценке экспертов, было проведено быстро и хорошо, то затем стали сказываться пороки системы. Снабжение оккупационных частей организовать не сумели, и советские солдаты остались без продовольствия, без горючего и даже без воды. Размещение войск тоже было организовано из рук вон плохо: на местах лагерных стоянок нет ни подходящих жилищ, ни минимальных санитарных условий.

В первые дни оккупации некоторые части по нескольку дней вообще не получали никакой пищи, солдаты варили древесную кору, собирали грибы, с голоду врывались в продовольственные магазины, отбирали корзинки с продуктами у гражданского населения, конфисковывали зонтики, чтобы укрыться от дождя, и водку, чтобы согреться.

Теперь уже зима на носу, а казармы для советских солдат до сих пор не выделены. И дело тут даже не в доброй воле чехословацких властей. В страну введено от 500 до 600 тысяч солдат. На такое количество войск не хватило бы казарм даже в том случае, если бы распустили всю чехословацкую армию. Все свободные помещения заняты под штабы, а также всевозможными контрольными и кагебистскими органами. Из-за нехватки мест в казармах в этом году задержан очередной призыв в чехословацкую армию. И вот советским солдатам остаются землянки в лесу, палатки, слякоть и грязь.

В первые дни оккупации среди чехословацкого населения чувствовались сильные антирусские настроения. Однако по мере контактов с солдатами озлобленность к ним пропадала. Люди поняли, что виноваты не солдаты, которых обманом и принуждением заставляют выполнять преступные приказы. Между чехами и словаками и советскими солдатами и офицерами начали налаживаться дружеские отношения и взаимопонимание. Именно это заставило командование отдать приказ об изоляции солдат от местного населения.

Закон о ликвидации цензуры, принятый два месяца тому назад, отменен. Создана служба информации и печати. Новый ее директор выступил по телевидению, успокаивая общественность.

Чехословацкая общественность стала единодушно выполнять предписания в духе «бравого солдата Швейка»: журналисты вместо «оккупанты» стали писать «иностранные войска», вкладывая в новый термин старый смысл.

В ответ на упреки советской прессы о том, что нормализация положения в Чехословакии невозможна без критического анализа чехословацкой прессой прошлого, редакторы стали перепечатывать полностью статьи из советских, восточногерманских и польских газет, полные диких, невероятных измышлений о Чехословакии, которые способны оказать лишь обратное действие на читателей.

Объявлено о роспуске организаций, охарактеризованных советской стороной, как «контрреволюционные»: клуба активных беспартийных, клуба «231», комитетов по основанию социал-демократической партии. Советская печать запестрела упреками, что роспуск этих организаций осуществлен чисто формально, что на деле они продолжают собираться и не прекращают своей деятельности. Тогда парламент приступил к выработке нового закона о собраниях, способного пресечь нелегальные собрания.

Однако надо думать, что и этот закон не поможет, если не удастся сломить народ.

«Посев» № 9—10, 1968 г.

РОССИЯ НЕСУЩАЯ

Письмо русским рабочим по поводу польских событий

Автор предлагаемого вниманию наших читателей публицистического обращения Вадим Янков — математик, историк и эссеист. Его перу принадлежат работы по истории Древнего Египта и Месопотамии, историко-философские и социологические статьи в изданиях русского зарубежья.

«Письмо русским рабочим...» написано незадолго до того, как 13 декабря 1981 года в Польше было введено военное положение, и распространялось в списках. В июле 1982 года письмо прозвучало по радиостанции «Свобода», а вскоре было высоко оценено нашим родным государством: арестованному 9 августа того же года В. Янкову оно было вменено в вину наравне с хранением и передачей знакомым статей Сахарова, Солженицына, Амальрика, Копелева, Зиновьева, Буковского, журнала «Континент»... Приговор гласил: Янкова Вадима Анатольевича, 1935 года рождения, совершившего «тяжкое особо опасное государственное преступление» (ст.70, ч. 1 УК РСФСР — антисоветская агитация и пропаганда в целях ослабления Советской власти), признать виновным и назначить наказание в виде лишения свободы на 4 года колонии строгого режима и 3 года ссылки. Домой он вернулся в 87-м, когда освобождали узников совести...

Сегодня много говорят об угрозе диктатуры, о том, что события в нашей стране развиваются по польской модели 1981 года. Каждый день мы слышим о все новых митингах и забастовках, на пороге — возникновение массовых политических движений. В этих условиях размышления В. Янкова о том, что же нужно русским рабочим, чтобы они «смогли стать силою, очеловечивающей нашу страну», оказываются как нельзя более кстати.

Текст письма печатается по публикации «Архива Самиздата», № 4615. Мы лишь позволили себе — с согласия В. Янкова — сократить ту часть письма, где излагается общая канва польских событий, и авторское послесловие к нему, а также исправить некоторые очевидные технические погрешности оригинала.

Имеют ли польские события, длящиеся уже больше года и неизвестио сколько еще времени имеющие длиться, отношение к вам, русским рабочим Советского Союза (русские рабочие — главный адресат этого письма, но большая часть его содержания относится и к рабочим других частей страны)?

Я говорю здесь не о внешнем отношении — такое-то, коиечно, есть — в конце концов, все в мире взаимосвязано: события ослабили и без того слабую польскую экономику, советское руководство вынуждено тратить средства на ее поддержание, а это отражается на вашей жизни. Или же у советского руководства ие выдержат нервы, и оно попытается положить событиям конец насильственным способом, а это может вызвать непредвиденные, в том числе военные, последствия, а такие последствия, ясно, имеют отношение к любому гражданину СССР. Но все это я здесь буду называть внешним и хочу противопоставить ему отношение внутреннее, основанное иа родственности проблем польских рабочих и ваших проблем, их положения в Польше до начала событий и вашего положения. Мне представляется, что такое отношение существует и что знание польских дел было бы важным для нас, для понимания вами своей собственной жизни. Разъяснению моей точки зрения и посвящено иастоящее письмо.

* * *

<...> Меия могут спросить, почему я имеино так, а не иначе излагаю смысл польских событий. На основании передач западного радио? Но ведь в советских газетах, радио, телевидении дается совсем другая интерпретация и сами события рассказываются по-другому. <...> Что же в таком случае делать? Брать информацию из различных источников, сравнивать между собой то, что они сообщают; в случае разногласий размышлять над тем, откуда эти разногласия могут взяться, что может быть их причиной, и из всего этого материала реконструировать самому некоторую целостную картину. Ее виутренняя согласованность и ее согласованность с информацией, которую мы признали достоверной, и будут некоторой гарантией нашей в ней уверенности.

Хотя все это кажется с первого взгляда слишком ученым занятием, одиако в принципе в этом нет ничего загадочного, потому что *истина и ложь несимметричны* и не похожи друг на друга. Истина относится к тому, что есть, а потому не может себе противоречить; ложь же отиосится к тому, чего нет; поэтому она противоречит и истине, и себе самой; она расползается при продумывании. Важно лишь серьезное и твердое желаиие узнать истину. <...>

<...> Рассмотрим, однако, советскую пропагандную версию польских событий. Прежде всего о причинах и действующих силах в этих событиях. Здесь мелькали намеки и на сионизм (в Польше с 1970 года практически нет евреев), и на западногерманский реваншизм (можно подумать, что поляки Гданьска решили отторгнуть от Польши город, в котором они живут), но самая постоянная тема следующая: «антисоциалистические элементы» («враги социализма», «беззастенчивые авантюристы и провокаторы» — это из письма рабочих автозавода Лихачева), состоящие на службе у ЦРУ и НАТО, «оседлали» «Солидарность», которая вообще выражает интересы функционеров, а не входящих в нее рабочих. Подробнее, кто такие «антисоциалистические элементы», не сообщается, но упоминаются некоторые интеллигентские группы типа КОС, КОР и «Конфедерации независимой Польши». <...>

Но люди из этих комитетов и не выступают как руководители рабочих. Они играют роль экспертов-советников по экономическим, правовым и другим вопросам. Не они принимают решения и не они определяют цели «Солидарности», хотя они, как активная интеллигентная сила и как профессионалы в своих областях, участвуют в обсуждении этих целей.

Функционерский характер «Солидарности», в частности Гданьского съезда,— тоже миф. Естественно, что самая массовая в Польше организация не может существовать без иерархии и без аппарата. Одиако «Солидарность» — свежая организация, проникнутая духом демократизма, самоуправления, без «демократического централизма» коммунистических партий, прикрывающего на деле полную власть партийных верхушек. Их представители избираются процедурой подлинного голосования на местах, выбираются из нескольких кандидатур после долгого и живого обсуждения и взвешивания, а не подбираются сверху, чтобы потом быть оформленными мертвым голосоваиием внизу. Создаваемая так иерархия продолжает быть зависимой от своих избирателей и тесно с ними связанной. То, что советская пропаганда называет «антисоциализмом» и «антисоветизмом», идет от самого низа, от миллионов польских рабочих. <...>

* * *

Такова сегодняшняя Польша. Теперь же я хочу, чтобы вы честно ответили себе на следующий основной вопрос: разве ее проблемы не являются и вашими проблемами? Ведь и те и другие вырастают на почве одной и той же государственной ситуации. Польская доавгустовская государственно-политическая система была построена (в основном) по образцу советской и могла только повторять ее внутренние пороки и противоречия.

<...> Теоретически страна мерно и уверенно взмывает к солнечным далям коммунизма (оставив за собою третий из отпущенных ей — Лениным в 1920, Сталиным в 1946, Хрущевым в 1961 году — двадцатилетних сроков построения коммунистического общества или его основ), пребывая сейчас в эпохе развитого социализма. Практически же общество и государство сохраняют основные черты той организации, которая была им дана в первой половине 30-х годов, не претерпевая никаких изменений в принципе (т. е. в схеме распределения власти, бюрократической организации, принципов управления хозяйством и страною), но, разумеется, претерпев массу изменений в характере.

Изменилось очень многое — степень развития промышленности и сельского хозяйства, соотношение городского и сельского населения, психология людей, само правление смягчилось за эти 50 лет до невероятности (т. е. по меркам 30-х годов). И красной нитью среди всех этих изменений проходит следующее — общество постоянно растрачивает тот запас трудовых навыков и трудовой дисциплины, которые были свойственны населению до 30-х годов — русскому и украинскому крестьянству в первую очередь — и которые были основой того, что в уродливых политико-экономических формах государствеиного социализма (не говоря уже о принудительном труде 30—40-х годов) хозяйство страны в целом продолжало экстенсивно развиваться, и после таких катастроф, как коллективизация или война, каждый раз происходило некоторое возрождение жизни.

А поскольку это развитие продолжается на наших глазах, то возможности государственного социализма исчерпываются, в то время как внешние дела, проводимые часто без надлежащего учета последствий (как в случае войны в Афганистане), требуют от государства все большего напряжения сил. В какой-то момент (через два года? через двадцать лет?) расхождение между возможностями системы и требованиями к ней могут привести к катастрофическим последствиям. И вот эта приближающаяся гроза может заставить правящий слой вступить на путь преобразования страны. Очень вероятно при этом, что реформаторами окажутся умные циники, а не ослепленные «идеалисты».

Такие реформы будут по возможности преследовать цель в максимально возможной степени сохранить структуру власти, ее концентрацию в руках партийной верхушки, ее использование партийной и другой элитой на местах и в центре; так что скорее всего каждая реформа такого рода будет служить только временным решением, откладывающим основные проблемы до будущих времен <...>. *В любом случае возможное* (если оно вообще возможно) *улучшение — это изменение практики, а не принципа власти.* Конечно, помещик, гуманный, умеющий организовать работу своих крепостных и направить их жизнь, умеющий поддерживать их благосостояние и заботящийся об их душе, неизмеримо выше жестокого самодура, издевающегося над нищими крестьянами. *И все же его власть над ними незаконна с моральной точки зрения.*

Обратимся теперь к интеллигенции. Но что, собственно говоря, она такое? Во всяком случае не единый живой организм (да и вы, рабочие, не образуете сейчас таковой), имеющий общие нужды и общее дело. Это просто конгломерат людей, не очень ясно выделяемых степенью образования и рассеянных по разным местам в обществе — от государственных и партийных чиновников до свободных художников. <...> С какого-то момента (где-то между 1965 и 1968 годами) из интеллигенции выделился весьма немногочисленный слой, осмелившийся выступить открыто («демократическое движение»). Вот его, а равно и гораздо более широкий слой сочувствующих, я буду в дальнейшем для краткости называть интеллигенцией, прекрасно сознавая всю неточность этого словоупотребления. <...>

Главный результат движения — создание внутри интеллигенции новой системы информации, независимой от информации централизованной. Это означает и особые пути распространения такой информации (посредством личных контактов, заслуживающих доверия), и иные ее источники (например, книги, пищущиеся здесь свободно, передающиеся на Запад, печатаемые там, а потом возвращающиеся в страну и размножающиеся в машинописных копиях). А значит, и возник круг людей, значительно более широкий, чем подставившая себя под удар когорта, хотя и непомерно маленький на фоне грандиозной страны круг, в котором общественные вопросы подвергаются и устному, и письменному обсуждению.<...>

Силы существенно ограничить власть правящей элиты демократическое движение не имело.

Польский опыт показывает, что *единственный способ добиться такого ограничения — это всенародная оппозиция власти партийной верхушки. И единственно кто сможет эту оппозицию создать — это вы сами.*

На самом деле то, что произошло и происходит в Польше — это совершенно новое явление в мировой истории. Перемены в обществе происходят обычно, когда правящему меньшинству противопоставляет себя другое развитое, активное и сильное меньшинство (судьба страны тогда решается в ее столице, ибо там и происходит основное противоборство). В античные времена, когда государство могло совпадать с городом, был возможен и другой ход событий — все население города противопоставляло себя правящему меньшинству. В Польше, видимо, в первый раз в истории все население большой страны осознало себя как единое целое и выступило против правящего меньшинства, все население проявило себя активными и зрелыми. Это похоже на чудо, и, чтобы понять, как такое чудо стало возможным, полезно опять вернуться к польским событиям и взглянуть на них попристальнее.

В прошлом (в 1956, 1970, 1976 годах) польские рабочие уже выступали с протестами против тех или иных действий властей, но если тогда их выступления зачастую превращались в стихийные и буйные события, то в 1980 году поляки проявили незаурядные выдержку и самодисциплину. Все действия были четко продуманными, сдержанными, трезвыми (трезвыми и в прямом смысле слова: вино не допускалось на территорию бастующих предприятий). Такое самообладание — совершенно необходимое условие подобной борьбы; невыдержанность могла бы привести к кровавым эксцессам и сорвать все дело; августовские же события прошли без какого-либо кровопролития. <...>

И, как мне кажется, вы, русские рабочие, не способны пока еще на такую сдержанность. В прошлом во времена волнений Россия всегда проявляла себя бессмысленно жестокой и кровавой; на поверхность быстро всплывали уголовные и полууголовные слои, тогда как именно они и должны быть нейтрализованы в настоящей борьбе. В рабочих волнениях хрущевского времени вроде бы проявлялось то же самое, хотя эти события и не описаны с документальной точностью. Да и трудно ждать сдержанности от пьяной массы, которую видишь по вечерам на улицах городов (я здесь не хочу сказать, что все вы пьяницы, но эта масса увеличивается из года в год, и за счет кого же это может происходить?).

Вашей жестокости соответствует жестокость властей, применивших, например, оружие против новочеркасских рабочих (это как раз известно точно и от очевидцев). Да и неудивительно — ведь правящий слой очень народен по происхождению, у вас имеется с ним большая общность в психологии, несмотря на противоположность интересов.

В таких условиях польский путь для вас закрыт. Восхищаясь польскими рабочими и надеясь, что их примеру последуют рабочие других восточноевропейских стран, я считаю, что, вступи вы на путь

массовых забастовок с политическими требованиями,— и не получится в итоге ничего, кроме большого кровопролития. Для того чтобы в России стало возможным то, что случилось в Польше, нужно, чтобы вы воспитали себя в сторону *большей трезвости* (включая и буквальную трезвость), *сдержанности и гуманности*.

Кстати, о гуманности. Сколь многие из вас, участвуя в разговорах о ком-то вам неприятном (президенте Рейгане, вставшем поперек взяточнике, Солженицыне, непосредственном начальнике), бросаются словами: «Его расстрелять бы!» Это все слова, разумеется, возможностей-то нет; но как легко они смогут стать действительностью, если вспыхнет вокруг стихия бунта! Вот когда эти слова не будут доходить у вас до языка, когда их будет обгонять мысль о ценности человеческой жизни — даже жизни плохого человека, только тогда вы будете морально готовы к борьбе за себя.

Пойдем дальше. Польские рабочие проявили удивительную стойкость и удивительное понимание своего единства и противоположности своих интересов интересам правящей касты. Просто поразительно, как в условиях, похожих на советские (впрочем, не совсем похожих — режим, особенно после событий 1976 года, был по необходимости чрезвычайно мягким; мы еще к этому вернемся), они осознали себя как единую силу; как из людей, рассеянных по городам и поселкам Польши, родилось одно целое, отделившее себя от партии и государства (и уже сейчас оформившееся как «Солидарность»). Этому должно было предшествовать какое-то смутное «мы», противоположное миру правителей. И вот этого «мы» как раз не хватает вам. Ваше «мы» обнимает в себе государство с тиранической властью в нем партийной верхушки. В государстве вам отказано в самоуправлении, вас держат как наемных рабочих при необговариваемых условиях найма, вас оглушают потоком лжи и спаивают водкой (я это не утверждаю категорически, но ведь такое ощущение, что, кроме основной функции — возвращать банкам деньги, водка служит и для прямого опьянения), я уж не говорю о том, что у вас нет гражданских и политических прав — вам ведь не дают и получить понятие о них; и вот как компенсацию вы имеете «мы», объединяющее вас с государством, и переживаете, как свои, успехи и неуспехи правящей касты — овладение Анголой или Эфиопией, провал в Португалии или Египте. Это — замена псевдожизнью, псевдоинтересами той возможной полной и свободной жизни, которой у вас нет (осталось, конечно, кое-что: в лучшем случае рыбалка, охота, горы; в худшем — домино или та же водка), но это же — *ваше проклятие*, держащее вас в рабстве у касты. И пока вы не освободитесь от этого «мы», пока вы не обретете «мы» новое, пока не почувствуете себя единым целым, хоть и рассеянным по стране, но готовым действовать сплоченно и дружно, сознавая общность своих интересов, ценность свободы и самоуправления,— до тех пор ничего начинать и не стоит.

Поляки в прошлом тоже не отличались ни выдержкой, ни единством. То, что они в 1980 году проявили качества, которых им недоставало, например, в веке XVII, связано с различными обстоятельствами.

В первую очередь важным оказалось то обстоятельство, что Польша практически является однонациональным государством: нет наций господствующих и угнетенных, не осталось этнических групп, на которые можно было бы излить гнев народа, взвалив на эти группы вину за общественную неустроенность. То ли дело в Советском Союзе — конгломерате всевозможных народов, где налицо спектр самых разнообразных межнациональных конфликтов, взаимного недоброжелательства и скрытых преследований. Русские на окраинах относятся свысока к местному населению, считая, что те, взваливая работу на русских, сами снимают сливки. Окраинные народы не любят русских за то, что их становится все больше, и за то, что они занимают контрольные позиции (например, пост *второго* секретаря местного ЦК или обкома). Продолжаются местные традиционные распри, уходящие в религиозный раскол (например, между азербайджанцами и армянами) или же в различие образа жизни. В таких условиях рабочим всего Советского Союза трудно ощутить себя единою силою.

Впрочем, этого и не нужно. Нужно признать взаимное право на свободу каждого из народов и вести борьбу (если это вообще станет возможным) не как одна армия, а как множество союзных отрядов. Многонациональные государства имеют право на существование (более того, в каких-то отношениях они даже превосходят однонациональные), но только такие государства, которые образованы и продолжают существовать по подлинно свободному согласию народов, в них входящих. Целью каждого из народов СССР должно быть создание своего национального государства и, возможно, его союз с другими такими государствами, *если это получится*.

И в первую очередь такую цель должен поставить себе русский народ и вы, русские рабочие. Опять же ваше подлинное «мы» должно отделиться от «мы» государства, в котором вы стали основой насильственного объединения (власть опирается в основном на русских, разве что и на других славян, тщательно прослеживая, чтобы повсюду в стране русские занимали ключевые позиции, и именно так оплетает вас сетью великодержавного национализма). Настоящий русский патриотизм должен состоять не в стремлении властвовать над другими народами, не в ненависти к ним и не в стремлении возвести на них вину за собственные неурядицы, а в желании создать на началах свободы и гуманности русское однонациональное государство.

Вторым важным обстоятельством является польский католицизм. Поляки, несмотря на тридцать пять лет господства атеистов, остались глубоко верующим народом.

<...> Опираясь на взаимную близость к католической общности, поляки и укрепили свое новое «мы». В программе «Солидарности» высказана преданность ее членов (то есть почти всех польских рабочих) «принципам христианской этики».

В вас религия разбита. И вместе с нею утеряно что-то очень ценное, интимная связь ваша друг с другом и с добром. Может быть, в этой нерелигиозности и причина вашего безволия, вашей податливости перед властью. У вас нет теперь *независимого источника добра*, вот и остается искать взамен добра подлинного суррогаты — в пьяном разгуле и в призрачном государственном «мы».

Я — человек нерелигиозный (во всяком случае, в смысле церковном) — вынужден сказать: вряд ли наладится жизнь в России, пока от общения за бутылкой, за домино и за рыбалкою вы не перейдете к общению в церкви. И хотя в прошлом и в настоящем православная церковь не всегда проявляла качества гуманизма, терпимости и стойкости, но вы сами можете их в нее принести. В конечном счете вы не имеете права забывать, что православному прошлому вы обязаны тем лучшим, что в вас есть,— элементами этики, начатками любви, сердечности, справедливости. Русский народ имел свое настоящее лицо, только будучи народом православным.

Наконец, последнее, что еще остается рассказать про Польшу. Рабочие все же выступали не в одиночестве; они выступали в сотрудничестве с интеллигентским оппозиционным движением. Это сотрудничество было особого рода, оно не выражалось в каких-то совместных действиях, оно выразилось в том, что за годы, предшествовавшие 1980-му, рабочие благодаря разъяснительной работе интеллигенции основательно разобрались в том, что происходит в Польше, чего следует в ней добиваться и как это нужно делать.

Фундаментальной гранью были события лета 1976 года. Тогда — после очередной попытки повысить цены — снова вспыхнули рабочие волнения. В Радоме дело дошло до демонстраций и до разгрома Радомского обкома. Радомские волнения были жестоко подавлены, хотя кровь действительно не проливалась, войска не были применены, а действовали только милиция и силы безопасности. Зато судебные и физические расправы имели место, и в довольно жестокой форме. Повышение цен, впрочем, было отменено.

В это-то время и был создан КОР — Комитет защиты рабочих, т. е. интеллигентская организация. КОР собрал и опубликовал информацию о радомских

и других событиях, проследил судьбу арестованных рабочих. И КОР сделался для рабочих центром притяжения. Стало ясно, что интересы интеллигентской оппозиции и интересы рабочих одни и те же. Рабочие поняли: о том, что думает интеллигенция, что она предлагает, как ей представляется положение в стране, нужно знать и им тоже. И они (т. е. самые активные из них) сделали важное для себя дело — организовали собственные каналы информации — неподцензурную печать и пути ее распространения. По Польше потекли потоки неподцензурной литературы — книги, журналы, газеты, предназначенные не только для интеллигентов, но в первую очередь для рабочих и крестьян. Четыре года поляки могли читать и размышлять о важных для них вещах — о положении в стране, о возможностях изменить это положение, о путях этого изменения, но не только об этом. И когда в июне 1980 грянул гром, польские рабочие были хорошо подготовлены — они выступили с четкой программой и — *добились успеха* (в самих событиях интеллигенты принимали ограниченное участие, часть членов КОР вообще была подвергнута аресту, некоторым все же удалось приехать на место событий и влиять на них в роли советников-специалистов, но не более — рабочее движение быстро выдвинуло своих активистов, способных самим разобраться в ситуации).

Всему этому не нужно удивляться. XX век требует от человека не слепой преданности какому-то началу — религии, партии, вождю, а развития и применения мыслительных способностей, требует знания и понимания. Обстановка вообще бывает сложной, многофакторной, пониманию ее мешают не только отсутствие положительных сведений и отягченность предрассудками, но и политика сознательной фальсификации, потоки целенаправленной пропаганды, стремящейся манипулировать человеком. Интеллигент, если у него есть воля к истине, может самостоятельно вскрыть фальшь целенаправленной пропаганды и найти независимые источники информации — у него есть нужные мыслительные и критические навыки. Люди же, таких навыков не имеющие, должны получить нужную информацию извне, т. е. *от интеллигентов*, с тем, чтобы потом самостоятельно в ней разобраться. И уж конечно дело независимой интеллигенции разрабатывать понимание мира и жизни, создавать их описания и концепции. Это просто профессиональная обязанность интеллигентов; если они ее не выполняют, то они не более чем платное орудие пропаганды.

В СССР интеллигенция, способная дать независимое понимание положения в стране и мире, как уже говорилось, существует. За более чем 20 лет создано многое — и в освещении ее настоящего, и в освещении ее истории — и научной литературы, и художественной. Действия властей, особенно за последние годы, привели к изоляции или эмиграции большого числа людей, внесших свой вклад в понимание жизни страны. В эмиграции Солженицын, Некрасов, Аксенов, Максимов, Жорес Медведев, Есенин-Вольпин, Синявский, Турчин, Чалидзе, Зиновьев, в эмиграции погиб Андрей Амальрик; в лагерях Орлов, Якунин, в ссылке Сахаров — все это писатели и ученые (часто бывшие специалистами в естественной или технической области, но ставшие специалистами и в других областях — праве, социологии, истории). Их деятельность проходила на фоне демократического движения, часто они сами были его активистами, и расправа с движением была расправой с ними.

Что же делали вы? Я понимаю, что вы неоднородны и среди вас можно найти всяких людей, от слепо повторяющих задолбленные газетные штампы до горячо сочувствующих гонимым интеллигентам. Но в целом вы ведете себя как инертная слепая масса, ведете себя так, как будто судьба Сахарова и Солженицына, *судьба их книг и их взглядов* вам совершенно безразлична. Но если даже вы не хотите их защищать, то вы, по крайней мере, должны заинтересоваться тем, что они говорили, как представляют они себе мир и страну, какой выход видят и предлагают они.

Ибо понимание может к вам прийти только оттуда, а пока вы не усвоили этого, пока вы бьетесь в пропагандной сети, пока водка, футбол и телевизор вам кажутся важнее того, что может сказать вам независимая мысль, не ропщите на судьбу — вы добровольно покорились ей и будете скользить к пропасти вместе со страною и режимом.

Чтобы возвыситься до понимания, нужно ваше дело. И этим делом может быть создание широкой неподцензурной сети — как это было сделано в Польше. И инициатива должна исходить не от интеллигенции — она сделала, что могла, создав демократическое движение и его литературу,— а от вас самих. На вашей стороне численность и близость к производству. Конечно, это трудно, но такую трудность преодолевают, например, баптисты или литовские католики благодаря стойкости духа и серьезному отношению. Когда по заводам и селам потекут потоки неподцензурной литературы — книги, журналы, газеты, брошюры,— тогда вы поймете и узнаете многое, недоступное вам сейчас, но тем не менее важное для вас.

Что можете вы, например, узнать из такой литературы?

Вы узнаете, что такое права человека и гражданина, прочтете Всеобщую декларацию прав человека, принятую ООН,— декларацию, которая *рекомендована Объединенными Нациями для преподавания ее в школе* и которая в СССР труднодоступна (т. е. издана в специальных изданиях малыми тиражами); прочтете комментарий к ней и поймете, нужно ли вам все это.

Вы узнаете, в какую сеть международных соглашений вовлечен Советский Союз и какие ваши права (на бумаге) защищены этими соглашениями. Вы поймете, что значит правовое государство, т. е. государство, в котором закон стоит над властью; что значит справедливый и независимый суд.

Вы прочтете массу книг по истории, в частности по советской истории; узнаете, что, собственно, происходило в такие ключевые годы, как 1917, 1929, 1932, 1949. Вы узнаете многое необходимое и об истории других стран.

Вы познакомитесь с мемуарной литературой и с художественной, обобщающей исторический опыт, литературой, имеющейся в списках или изданной на Западе.

Вы познакомитесь с современным положением в нашей стране и в мире вообще, поймете, как функционирует советская политическая система (не думайте, что вы уже и так ее знаете по опыту; в этом опыте имеется, конечно, нечто незаменимое, вы вплотную соприкасаетесь с советской жизнью, и все же в таком опыте не хватает мысли и обобщения, не хватает цельного видения) и как функционирует и развивается ее экономика. И вы познакомитесь с жизнью других стран и получите широкий материал для сравнения и сопоставления.

Вы узнаете прогнозы развития, которые пытаются делать специалисты (конечно, среди них будут и ошибочные), и пути, которые они предлагают.

Вы получите представление об этнических и религиозных учениях, о способах, которые предлагаются современному человеку, чтобы спасти его от одиночества и духовного обнищания.

Словом, вы получите такую широкую картину мира и истории, какой вы до сих пор не обладаете, получите теории, пытающиеся разобраться в этой картине, получите критерии оценки действительности и рецепты действия. Эти картины, теории, критерии и рецепты часто будут одни другим противоречить, и уж ваша личная задача распознать что-нибудь одно как истину, взять близкое вашему сердцу и согласное с вашим разумом.

Повторяю вкратце, что я хотел сказать.

Вам, русским рабочим, не хватает вполне определенных качеств, которые нужны, чтобы вы смогли стать силою, очеловечивающей вашу страну. Эти качества не даются сразу, но нужно тянуться к ним, нужно стараться выработать их в себе. И эти качества таковы:

человечность, сдержанность, самодисциплина;

осознание самих себя как единства в противовес власти, единства на социальной, разумно национальной и, быть может, религиозной основе — все это в сочетании с человечностью; самосозна-

ние, национализм, религиозность должны быть не исключительными, исполненными глухою враждой по отношению ко всему другому, а позитивными — признающими другие социальные слои, нации и религии с их автономной жизнью; знание и правильная ориентация в существующем и, как их зародыш, воля к этому знанию и этой ориентации.

А чтобы восполнить эту нехватку, я предлагаю путь практический — создать своими руками систему чтения и образования, независимую от государственной системы.

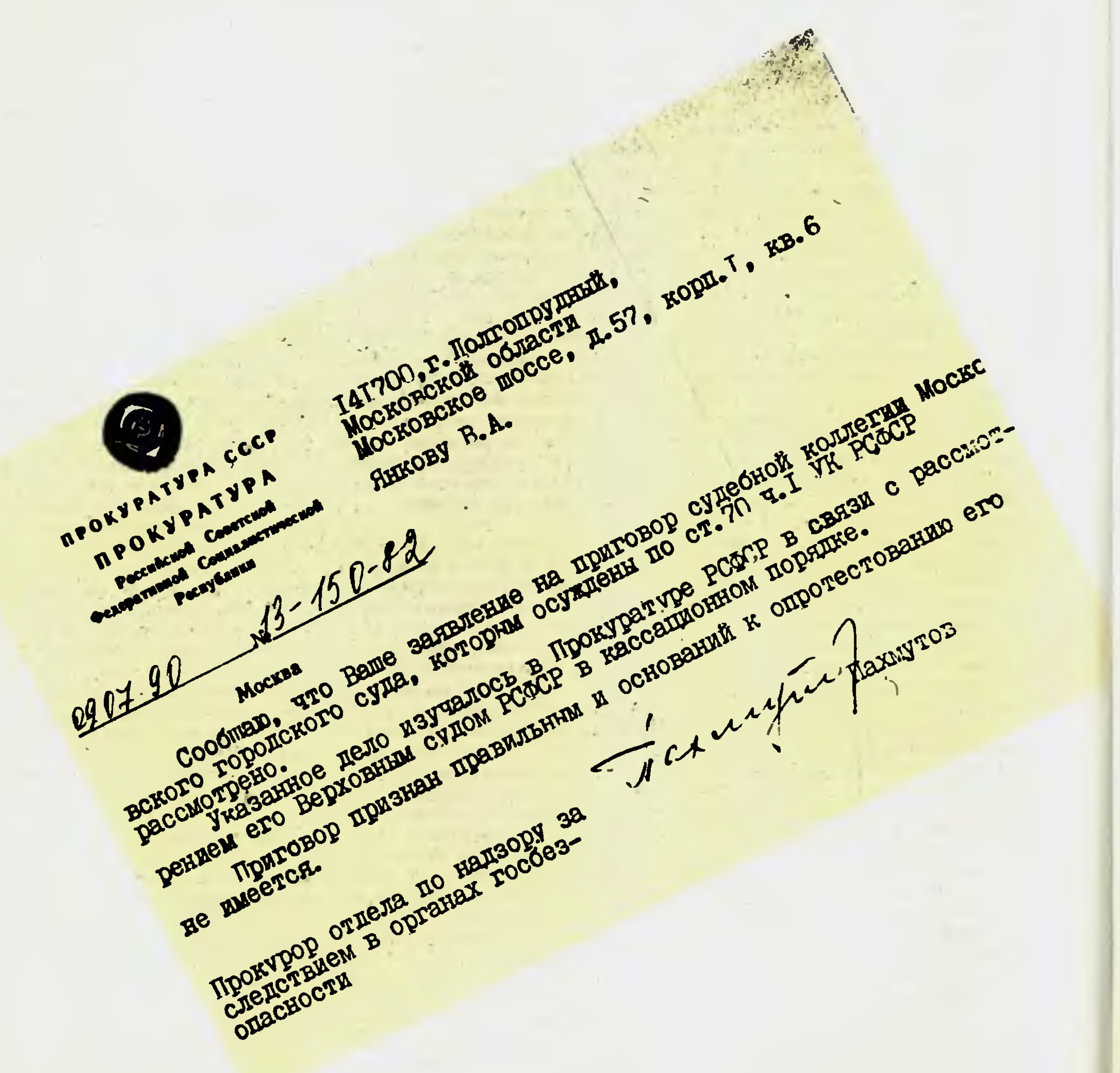
Должен сказать, что если вы приобретете эти качества, то они пойдут на пользу и вам, и всему народу, независимо от того, как сложатся события. В дальней перспективе это может сыграть положительную роль даже в отношении правящего слоя, хотя он и будет всеми репрессивными мерами препятствовать такому процессу. В самом деле, если правящий слой не найдет в себе силы осуществить реформы или же эти реформы окажутся неэффективными (что очень вероятно в силу общей косности правящего слоя, косности, свойственной и вам), то страна может прийти к катастрофе еще в нынешнем столетии. Разгорится пламя слепого, отчаянного, не просветленного человечностью и мыслью сопротивления, и кто только не погибнет или не потеряет своего места в жизни в очередной всероссийской мясорубке! Но пока, надеюсь, такая перспектива еще далеко впереди; какое-то время еще остается, только нужно его активно использовать, а не пассивно выжидать, созерцая течение событий.

ВАДИМ ЯНКОВ

Ноябрь 1981 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

«У меня была надежда, что если бесчеловечность будет побеждена в сердцах людей, то она в конечном счете будет бескровно побеждена и в масштабах общества»,— писал Генеральному прокурору СССР В. Янков, добиваясь пересмотра приговора по своему делу, неправосудного, как он доказывает, даже по нормам начала 80-х годов. Государство, однако, предпочитает разговаривать с В. Янковым (и не с ним одним) другим языком. Подтверждение тому — ответ из Прокуратуры РСФСР от 9 июля 1990 года, фотокопию которого мы прилагаем.

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

09.07.90 № 13-150-82

Москва

147700, г.Долгопрудный,
Московской области
Московское шоссе, д.57, корп.1, кв.6
Янкову В.А.

Сообщаю, что Ваше заявление на приговор судебной коллегии Московского городского суда, которым осуждены по ст.70 ч.1 УК РСФСР рассмотрено.

Указанное дело изучалось в Прокуратуре РСФСР в связи с рассмотрением его Верховным судом РСФСР в кассационном порядке.

Приговор признан правильным и оснований к опротестованию его не имеется.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Пахмутов

Николай Яковлевич Петраков, известный в стране академик, директор Института проблем рынка АН СССР, народный депутат СССР, оценивает шаги государства в радикальной экономической реформе, рассказывает о себе, о Горбачеве и других личностях, с кем шел «в связке» или пересекался на жизненном пути.

ОПАЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ

— Как вы, Николай Яковлевич, относитесь к расхожему мнению: дескать, Горбачев свою историческую миссию выполнил, как политик и государственный деятель себя исчерпал и теперь, в силу объективных обстоятельств, долго у власти не удержится?

— Удержаться у власти — это не только от одного Горбачева зависит. Ему, по своему уровню политика и государственного деятеля, в принципе удержаться у власти нетрудно, как и нетрудно, я считаю, коренным образом изменить ситуацию в стране.

— Николай Яковлевич, сколько помнится, вы всегда бессменно носили один выходной «костюм» — серьезного и последовательного ученого-экономиста рыночного направления. Но вы же не Гарвардский университет заканчивали, не Кембридж, очевидно, как и все студенты вашего поколения, изучали политэкономию социализма, готовились стать Сократом в философии идей планово-распределительной экономики. А молились рынку... Так это что ж, в вольнодумство ударились смолоду?

— Я отношу себя к поколению «детей XX съезда». В 1956-м, когда состоялся двадцатый съезд КПСС, я учился на втором курсе экономического факультета МГУ. Мне и сокурсникам повезло: наступил период не то чтобы переоценки ценностей в обществе — период вопросов и размышлений.

Заглядывая в букинистические магазины, я обнаружил там на прилавках выходившие в стране в 20-е годы и по счастливой случайности не сожженные книги: Карл Каутский, Эдуард Бернштейн, Роза Люксембург — оказалось, даже в марксистской ветви существуют большие разночтения и нет такого единодушия во мнениях, как это нам преподавали в университете. Выяснилось, в деканате можно взять бумагу и с нею получить доступ в спецхран Библиотеки общественных наук. Там мне удалось прочитать работы экономистов, которые в 1922—1924 гг. делали денежную реформу в стране.

Появившиеся в 1959 году мои первые работы, выполненные на студенческой скамье, отражали прогрессивные идеи и передовые умонастроения: дальше так жить нельзя, экономика в кризисе — почти как сегодня вся страна. Кое-кто уже тогда отчетливо стал понимать, что административно-командная система зашла в тупик.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству, потом нашумевший сентябрьский Пленум. Я принимал активное участие в подготовке их материалов как молодой ученый. Уже тогда я окончательно пришел к выводу, что только рыночная экономика имеет право на существование и, по сути, альтернативы рынку нет.

— Времена, помнится, были разные: имя Петракова то появлялось на страницах печати, то пропадало на годы. Диссидентов судили, высылали из страны. Как и где пережидали лихолетье вы, ученые-«рыночники», инакомыслящие от экономики?

— После событий «пражской весны» 1968 года, сыгравших негативную роль в развитии процессов демократизации в Чехословакии и во всей Восточной Европе, начался откат и в нашей стране, и очень сильный. В публикации газеты «Правда» за 10 ноября 1971 года меня назвали «рыночным социалистом», по тем временам это звучало примерно как отступник, ренегат, идеологический диверсант. Я удостоился высокой чести: изобличал меня на страницах газеты лично сам главный цензор страны Стукалин, взявший в качестве исходного материала для выводов мою статью, опубликованную в журнале «Новый мир» № 8 за 1970 год. Приходилось ждать неприятных последствий...

В беседах на Старой площади угрожали: дескать, если не покаюсь — будут неприятности по службе, не покорюсь — под вопросом моя дальнейшая научная деятельность. Ничего, выстоял, хотя в душе образовался, как говорят, «сухой остаток». Самое неприятное, я тут же попал в «черные списки» издательств — там перестали публиковать мои книжки.

Почему Петраков не вошел в правительство Рыжкова

— Слава Богу, Николай Яковлевич, дурные времена позади, с идей рыночной экономики не только сняты все табу, но они затребованы теперь перестройкой и стали элементом государственной политики. Пробил ваш час. Однако мы не увидели вас, известного в стране ученого, ни в составе правительства Н. Рыжкова, ни среди министров кабинета В. Павлова. Не приглашали? А может быть, вы избрали для себя некое усредненное амплуа: одной ногой — в науке, другой — в политике?.. И модно, и удобно — правительство и Президента критиковать...

— Я никогда не был политиком, о политической карьере не помышлял. Вот как развивались события. Грянула перестройка. Наступил 89-й год, начались преобразования нашей политической системы, подошли альтернативные выборы. Я не собирался участвовать в этом процессе. В политике, полагаю, неплохо разбираюсь, но все-таки всегда предпочитал публично высказывать суждения и оценки в той области, где чувствую себя профессионалом.

В избирательной кампании я не участвовал. Каково же было мое удивление, когда одним днем, вернувшись из краткосрочной командировки, узнал, что коллектив института выдвинул мою кандидатуру кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР — по линии Академии наук. Но тут же и выяснил, что все закончилось пшиком... Собравшийся келейно президиум АН СССР проигнорировал кандидатуру А. Сахарова да и вообще субъективно сформировал весь список выдвиженцев. Тогда грянул настоящий бунт, началась новая кампания выдвижения, и опять всплыло мое имя. Подумал и решил: раз в коллективе настаивают, видят меня в депутатской мантии — прятаться в кусты недостойно. При всей противоречивости чувств, я не снял свою кандидатуру. Прошел.

С чего началась моя политическая жизнь? На первом Съезде народных депутатов СССР мне слова не предоставили. Среди экономистов, кому удалось выйти на трибуну, оказались Шмелев, Попов, Емельянов, Арбатов — вот и все. Однако меня все-таки включили в планово-бюджетную комиссию Верховного Совета СССР, назначили заместителем председателя на общественных началах.

В это время меня пригласил к себе председатель Совмина СССР Николай Иванович Рыжков. Беседа длилась два часа, говорили на разные, в основном экономические темы. Николай Иванович предложил мне пост председателя Государственного комитета цен. Я поблагодарил за доверие, отказался и объяснил, почему не могу принять высокий пост.

Если мы действительно идем к рынку, говорил я Рыжкову, комитет цен нужно ликвидировать вообще. В крайнем случае можно создать в структуре правительства контрольно-арбитражную комиссию, которая бы рассматривала споры между потребителями и поставщиками или, допустим, следила бы за выполнением антимонопольного законодательства. На что Николай Иванович сказал: в принципе — верно, но дело-то все в том, что рынок — это реальность будущего, а сегодня главное — стабилизировать экономику, и на этом этапе придется устанавливать и контролировать цены сверху, планировать выпуск продукции через госзаказ.

— Николай Иванович,— заметил я,— вы рассуждаете о рынке так, как в студенческие годы нам преподавали коммунизм: он-де в заоблачных далях, но когда-нибудь наступит. Рынком надо заниматься немедленно.

Что любопытно, традиционный стандарт мышления сохранился и в новом Кабинете министров, который возглавил В. Павлов. В одном из первых высказываний премьера после его назначения на высокий пост прозвучало знакомое: дело, мол, не в системе — в людях, в толковых администраторах...

Экономистов 17—20-х гг. понять можно. Слушать администраторов 80-х — смешно. В сказке Волкова «Волшебник изумрудного города» персонажу, поскольку он надевал зеленые очки, окружающий мир казался изумрудным. Ныне у нас зеленых очков нет, и все видят: кругом известка.

Никуда мы не денемся, придем к рынку — вот что всегда поддерживало мои жизненные силы и вселяло оптимизм.

В команде Президента

— Николай Яковлевич, тот, кто наблюдал вас в Кремле, когда вы вели заседания планово-бюджетной комиссии, не мог не подумать: зачем влез в депутатскую деятельность Петраков? Для крупного ученого обсуждать проблемы методом народного веча, когда кругом энтузиасты, мало что понимающие в экономике,— нерациональная трата времени и сил. Вы считаете по-другому?..

— Работа в планово-бюджетной комиссии мне казалась интересной. Депутаты — полный антипод нашим чиновникам, энергия бьет ключом, хотя в экономике они действительно дилетанты. Но я видел, им хочется во всем разобраться. Они хорошо воспринимали то, на что чиновники реагировали со страхом: не положено, нельзя, исключено... У многих моих сотоварищей были девственные, в смысле экономического образования, мозги, но зато их при этом не связывали придуманные нашими идеологами путы. И поэтому наша комиссия быстро самообразовывалась, самообучалась. Общие трудности сплачивали нас.

При обсуждении государственного бюджета на 1990 год комиссия натолкнулась на стену. В чем дело? От нас скрывали бюджет. Точнее, показывали цифры, на основании которых невозможно было сделать нормальный анализ. Скажем, расходы на оборону. Вот цифры, но сколько составляют расходы на зарплату офицеров, на технику, ее ремонт, эксплуатацию — этого нам, депутатам, вроде бы знать не полагалось.

Или гражданские отрасли. Тут использовался чиновниками прием, рассчитанный на некомпетентность комиссии. Дают нам, допустим, цифры капвложений в сельское хозяйство, капитальное строительство — все в куче, разбирайтесь, мол, если сможете. «Почему столько?» — интересовались мы. В ответ: мы-де с этими цифрами уже через весь Госплан проползли, хотите видеть исходные данные — приходите. Некоторые дотошные депутаты шли в Госплан. А там перед ними вываливали десятки томов: если вы такие умные — читайте.

Короче говоря, бюджет был вынесен министром финансов Павловым на обсуждение. В бюджете уже тогда просматривался популизм: в частности, были неоправданно завышены расходы на социальные программы. Также правительство запросило «скромную» эмиссию в 10 млрд. рублей, а потом она фактически в 2,5 раза превысила план. Совершенно безумные государственные инвестиции!..— обо всем этом говорилось на II Съезде народных депутатов СССР.

В это время в правительстве сформировалась некая команда под руководством академика Абалкина. Леонид Иванович пригласил к себе довольно много молодых экономистов, как, впрочем, и не молодых. И начали они создавать программу по переходу к рынку. Хотя я сам лично не участвовал в работе, но был в курсе дела, поскольку под началом Абалкина находились мои коллеги и кое-кто из друзей.

Пиком коллективных рыночных поисков стала состоявшаяся в Колонном зале Дома союзов 13 октября 1989 года всесоюзная научно-практическая конференция. Абалкин выступил с докладом, а я с «легкой критикой» в числе первых. С моей точки зрения, в концепции Абалкина совершенно напрасно реформа банков отодвигалась на 2—3 года, а о приватизации вообще ничего не говорилось. Тем не менее концепция производила приятное впечатление, вполне можно было начинать действовать. Увы!..

Когда в декабре 1989 года Рыжков докладывал Съезду народных депутатов СССР первую программу правительства, я слушал его и ничего не мог сразу понять. Где же концепция Абалкина, которую мы обсуждали в октябре? Она фактически пропала. Председатель Совмина СССР предлагал модель развития хозяйства страны, в которой опять плановые разделы резко доминировали над рыночными. Я понял, перестройка снова топчется на месте.

— В начале 1990 года вы стали помощником Президента СССР, вошли, так сказать, в «плотные слои» высшей политики. Как вы, ученый-экономист, мотивировали для себя смену жизненного качества?

— Декабрьский Съезд народных депутатов СССР уже подходил к концу, и вот тогда ко мне обратился Михаил Сергеевич. Он написал сначала записку, а потом пригласил за кулисы и предложил стать его помощником по экономике. Я спросил, знает ли он о моих взглядах. Он ответил, что знает: я — рыночник. Действительно, к этому времени Горбачев провел несколько совещаний с экономистами, я на них выступал и одновременно вынес для себя ощущение, что, возможно, Горбачев хочет сам плотнее заняться экономикой, желает влезть в нее основательнее и глубже. Вроде бы это ему подсказывала и ситуация в стране: времени было потеряно много...

Что значит потеряно? Концепция перехода к рынку была сформулирована еще на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Перечитайте резолюцию Пленума — там есть слова о рынке и конкуренции... Возможно, в наши дни, с позиций сделанных шагов документ звучит наивно, как декларация, но ведь верно и то, что именно в 1987-м было сказано: надо идти к рынку! По состоянию на декабрь 1989-го мы в этом направлении практически не продвинулись ни на шаг.

Создавалась видимость движения к рынку. Вышло, к примеру, чуть ли не двенадцать постановлений о совершенствовании работы Госбанка, Минфина, Госплана... Но кто готовил, скажем, документ о реорганизации Госплана — чиновники Госплана, Минфина — его же сотрудники. Постановления не имели прямого действия, общество получало очередные декларации...

Да, у меня сложилось впечатление, что особый интерес Горбачева к экономике стал проявляться с лета 1989-го, я подумал: не исключено, он собирается сделать попытку «потянуть одеяло» на себя. И я принял его предложение.

Как я обосновывал для себя свое решение? Идет борьба, начинают выстраиваться рыночные структуры, а я в кусты — писать книги и критиковать? Это мне казалось неправильным по отношению к самому Горбачеву, которого я всегда глубоко уважал. Я видел, сколько он сделал, начиная с 1985 года. А что я скажу коллегам? Сыну, когда вырастет и спросит: «Папа, что же ты не использовал такой великолепный шанс?» Профессионально не использовал — я еще раз употребляю это слово. Всю сознательную жизнь я относил себя к сторонникам рынка, считал, что именно здесь пролегает столбовая дорога возрождения нашей экономики. Не попробовать реализовать идеи, которые тебя увлекали всю жизнь,— преступление по отношению к самому себе, думал я.

Помнится, еще в молодые годы мне пришел на ум один любопытный жизненный образ. Я оказался в компании молодых офицеров, мы прекрасно провели вечер. А потом размышлял: каждый из моих новых знакомых — кандидат на роль «несостоявшегося человека».

Вот в послевоенное время молодой человек пришел в военное учи-

лище, стал кадровым офицером, прошагал свое, стал, может быть, полковником или генералом. Пора уходить на пенсию. А войны-то не было, пока служил. И слава Богу, что не было. Но это для нас. А он — генерал в отставке — прожил целую жизнь, но так и не узнал про себя: какой же он офицер? Как он повел бы себя во время настоящих боевых действий? Может быть, он безумный трус или, наоборот, человек удивительного мужества, не говоря уже о других профессиональных данных — не исключено, способен выиграть великую битву и вписать свое имя в историю. Однако все «битвы» прошли для него на ящиках с песком или игрушечных макетах.

Шел 1988 год, в стране началось идеологическое наступление на идею рынка. Я тогда с горечью думал: а не окажусь ли я «игрушечным солдатом» и несостоявшимся человеком? Ведь это трагедия: всю жизнь заниматься рынком и не «пощупать» его руками...

Итак, я принял предложение Президента и со 2 января 1990 года стал работать в команде Горбачева. Работал с ним вплоть до 16 января 1991 года.

Один на один с Горбачевым

— Николай Яковлевич, вот вы в течение года общались с Михаилом Сергеевичем... Выглядит лидер перестройки и «вблизи» крупномасштабной исторической личностью? Или это нам так кажется на расстоянии?

— Прежде всего отмечу: с Горбачевым приятно работать. Моя должность позволяла довольно часто и подолгу, не урывками, с ним общаться — последнее обстоятельство я считаю существенным.

Оглядываясь назад, хотел бы подчеркнуть: непосредственное общение с Михаилом Сергеевичем — это самые приятные минуты за все время моей работы в должности помощника главы государства. Понимаете, я попал в чужую для меня среду. До этого годами жил в научной сфере, рос в академической науке, где принят определенный стиль взаимоотношений между людьми. Конечно, я понимал, что, соглашаясь на работу в Кремле, приношу в жертву многое, в том числе и часть жизненного и душевного комфорта. Не говорю уже о чисто физическом объеме работы... Кстати, Горбачев работает очень много. Может быть, я бы даже сказал, зря. Потому что он работает, как спринтер, практически не оставляя себе времени для отдыха и отвлечения на негосударственные дела. А такие отвлечения, с моей точки зрения, крупному государственному деятелю тоже нужны...

Горбачев никогда не ставит барьеров между собой и человеком, с которым он обсуждает дела. Не говорит «сверху вниз». Внимательно слушает, в том числе и критику, даже иногда резкую критику. Мне кажется, он незлопамятен, когда человек «переходит границу». Лично я, правда, ее не переходил и при таких ситуациях с другими не присутствовал. Очень быстро схватывает проблему и вживается в нее. Не боится сказать: «Не знаю, объясните». Это, так сказать, мои общечеловеческие впечатления.

Что касается масштаба личности... Да, и вблизи Горбачев смотрится как масштабный политик. Здесь у него определенно проявился талант крупного политического деятеля очень высокого класса. Один из инструментов политики — это искусство компромисса, и Горбачев, на мой взгляд, в совершенстве им владеет, хотя, может быть, не всегда использует свои профессиональные возможности...

Я не думаю, чтобы Горбачев исчерпал себя как политик. У него как раз, на мой взгляд, очень большой потенциал, только вот захочет ли он им воспользоваться? Тут можно гадать много и долго.

Теперь о моей профессиональной области: в чем состояли сложности или нестыковки подходов — моих и Горбачева? Он как политик пытался проецировать искусство компромисса на экономику, а это такая сфера, где компромисс в принципе невозможен. В экономике можно выбирать только между вариантами. Но скрестить варианты — это часто означает получить отрицательный результат.

Горбачеву, между тем, все время казалось, что в экономике все-таки можно добиться компромисса и создать нечто такое, что устроило бы различные социальные слои и группы общества. Хотя, повторяю, здесь можно лишь выбирать...

Если вам, допустим, предстоит сделать операцию, вы можете выбирать лишь между хирургами. Можете сказать: я тому хирургу доверяю, а этому нет. Вы даже можете ознакомиться с планом операции. Но если вы говорите хирургу: я вам доверяю, но вы мне сделайте операцию по плану другого хирурга,— это прозвучит как нелепица, белиберда. Так и в экономике: здесь одна позиция жестко цепляется за другую; что-то выпало из общей схемы — можно в итоге получить катастрофический результат.

Помните, как шло обсуждение программы Шаталина — Явлинского «500 дней»? Попытка найти компромисс в конечном счете привела к созданию «Основных направлений» — документа аморфного и по своей природе, и по своей терминологии. Я сразу сказал, что «Основные направления», которые Верховный Совет СССР принял в октябре 1990 года, ниже всякой критики. Все написано правильно, но тот, кто возьмется выполнять программу — если документ можно назвать программой,— тот и будет диктовать свои условия.

Эстафету Рыжкова подхватил премьер Павлов. Он сегодня осуществляет ту ценовую реформу, которую сам, своими руками, сделал еще в 1987—1988 годах. Три года прошло, однако он ничего не изменил. И в то же время, если спросить Павлова, он скажет: недозволенного не делаю, я иду точно в русле «Основных направлений», а это официально утвержденный, проголосованный документ.

Наконец, мне кажется, по своему характеру и интеллектуальному строю Горбачев не диктатор. Шеварднадзе в своей известной речи не назвал его диктатором. Он сказал: может быть диктатура... Что имеется в виду? Сам Горбачев может невольно подготовить ситуацию, когда расчистится место для диктатора. Вот этого, пожалуй, я больше всего боюсь в нынешней ситуации. А то, что сам Михаил Сергеевич возьмет на себя роль диктатора, в это не верю.

И второе. Он может не решиться на очень энергичные политические повороты и новые политические компромиссы. Этого я тоже боюсь. Хотя, повторяю, Горбачев способен на энергичные шаги и компромиссы. Весь вопрос в том, захочет ли реализовать эту свою способность?! Когда политический лидер отступает под напором альтернативных сил, здесь возможны две тактики: слиться с этими силами или наоборот — резко развернуться. Горбачев резко разворачивался — так случалось неоднократно.

— Как вы, Николай Яковлевич, относитесь к расхожему мнению: дескать, Горбачев свою историческую миссию выполнил, как политик и государственный деятель себя исчерпал и теперь, в силу объективных обстоятельств, долго у власти не удержится?

— Удержаться у власти — это не только от одного Горбачева зависит. Ему, по своему уровню политика и государственного деятеля, в принципе удержаться у власти нетрудно, как и нетрудно, я считаю, коренным образом изменить ситуацию в стране. Я думаю, он до сих пор довольно уверенно держит в своих руках рычаги управления страной, хотя некоторые его критики утверждают обратное: Горбачев не владеет ситуацией. Почему же?

Владеет. Именно так выглядит реальность на сегодняшний день.

Что дальше? Все зависит от того, как будут развиваться политические события в государстве, во что выльется противостояние политических сил и как распорядится своим талантом политика сам Горбачев. И другое уточнение требуется: то, что лидер владеет ситуацией — вовсе не означает, что он в состоянии контролировать все и вся. У нас считалось: самое лучшее, что может быть,— плановое хозяйство, из центра с руки планировать все, вплоть до последнего винтика. А ведь ошибались!

Советник, с которым перестают советоваться, становится «архитектурным излишеством»

— С некоторых пор ваше имя стало появляться в прессе в разделах скандальной политической хроники: Шаталин, Шеварднадзе, Яковлев, Петраков покинули команду Президента, разочаровавшись в нем... Никаких заявлений в печати вы, забирая свои рабочие вещи из Кремля, кажется, не сделали. И все-таки: не рассорились ли вы с Михаилом Сергеевичем?

— Я подробно изложил, почему пришел в команду Президента, поэтому мне легче объяснить, почему я вышел из команды.

Где-то со второй половины октября 1990 года я почувствовал: происходит сильный прессинг, накат на Президента — со стороны консервативных или, как утверждал Шеварднадзе, реакционных сил. Сначала — незаметно для глаз публики, потом все это выплеснулось в печать: Алкснис, Юрий Белов из Ленинграда... Некоторое время ультиматумы Горбачеву предъявляли демократы: он-де должен создать левоцентристский блок, должен снять Рыжкова, должен сам уйти в отставку и т.д. Правые помалкивали. А в конце октября — в ноябре они тоже взяли на вооружение эти же самые приемы, с той лишь разницей, что за их ультиматумами стояли не уличные демонстранты, а реальные и мощные силы — представители военно-промышленного комплекса, аграрии, партаппарат. Последние, не соединись они с ВПК и «красными помещиками», особую силу после XXVIII съезда КПСС вряд ли имели бы. А вот все вместе силой стали. Партийных функционеров шокировало, что вся тяжесть решений в государстве переместилась в Президентский совет. Политбюро оказалось на задворках. Нарастала резкая критика партии...

Я пытался использовать все свои возможности, чтобы на уровне Президента сохранить линию движения к рынку, но потом понял, что с каждым днем, неделей могу все меньше влиять на ситуацию. Идет откатка к чисто административным методам хозяйствования — под предлогом страховки от развала хозяйственных связей между областями, регионами, республиками. А развал происходил потому, что разорилась денежная система, мы «профукали» валюту, отпустили экономику на бартер. Предприятия останавливались по разным причинам, и решения тоже требовались разные. А свелось все к общему знаменателю: давайте вернемся к системе госзаказа, к системе сохранения хозяйственных связей на уровне 89—90-го годов, обяжем предприятия заключать договоры по старой схеме. Извините, где здесь свобода предпринимательства, свобода выбора партнера, где технический прогресс?!

Начались подлоги и в политике цен. Была выдвинута версия: предприятия не заключают договоры потому, что их руководители якобы не знают, какими будут оптовые цены в промышленности. Вышедший указ Президента разрешал устанавливать договорные свободные цены, имея в качестве ориентира цены 1988 года, за некоторыми исключениями. Но исключения составили несколько страниц текста, в них 85 процентов изделий жестко предписывалось реализовать по ценам 1988 года. Так вместо ожидаемой либерализации цен была проведена реформа цен по схеме Павлова-88. Утверждена схема в конце 1990 года, а начала действовать в январе 1991 года. Шел жесткий отход от рынка...

Уже с конца октября 1990 года все мои возможности влиять на указы Президента по экономическим вопросам практически свелись к нулю. О некоторых указах я узнавал из газет. Звонили коллеги: что же, мол, ты, Николай Яковлевич, ворон ловишь... И пришел к выводу, что советник, чьи советы перестают слушать, становится «архитектурным излишеством» и я не имею больше морального права занимать этот пост. О чем и написал Горбачеву. Страничку текста отправил ему 30 декабря 1990 года — с изложением причин, почему считаю необходимым принять мою отставку.

На следующий день, 31 декабря, у нас с Михаилом Сергеевичем состоялся длительный разговор по телефону. Горбачев сказал: ты сгущаешь краски, отставку не принимаю. Я настаивал на отставке. Поздравили друг друга с Новым годом и расстались — каждый при своем мнении.

После этого все продолжалось внешне обычно. Я получал поручения, выполнял кое-какие задания, участвовал в различных совещаниях. А потом грянули события в Вильнюсе 13 января. Представители общественности, и я в том числе, собрались в редакции «Московских новостей» у Егора Яковлева и составили заявление-декларацию, где осуждали то, что началось в Литве. Номер газеты вышел 16 января. В этот же день, где-то в половине четвертого, я позвонил Горбачеву. Мы с ним поговорили, и моя отставка была принята.

С прошлым расставайтесь достойно

— Ваш вузовский однокашник, бывший член Президентского совета академик Шаталин напечатал в «Комсомольской правде» статью. Судя по всему, он идейно и фактически отмежевался от КПСС и, вероятно, от социалистической идеи, которая разочаровала не одного его. А как вы поступили со своей партийностью и со своим политическим прошлым, не присмотрели ли для себя иную партию — какого-нибудь демократического толка?

— Вообще говоря, по своей природе, как уже теперь понимаю, я человек сугубо беспартийный. Я устал от партийной дисциплины, от принуждения. И, кстати, когда наблюдаю за демократами, в их поведении обнаруживаю элементы необольшевизма.

С собственностью творится что-то невероятное. Плохо или хорошо, мы считали собственность общенародной, особых прав претендовать на нее не было ни у кого. И вдруг: собственность российская, собственность украинская, собственность московская. А дальше? Собственность КПСС. Собственность профсоюзов... Это что за собственность? Откуда она возникла?! Из чего? А если существуют такие формы собственности, то почему, допустим, выходящие из КПСС люди не получают свою долю? Кому должен принадлежать ЗИЛ: Попову, Силаеву или Павлову? А я думаю, завод должен принадлежать не территории, а какой-нибудь акционерной компании. Ведь экономическое пространство в нормальном хозяйстве едино, в нем переливают капиталы, а не делят заводы по какому-то особому праву.

Необольшевизм у демократов проявляется и в снисходительности к профессионализму, компетентности. В российском правительстве не удержались ни Явлинский, ни Федоров. Эта система отторгает профес-

сионалов. Все — с наскока! Лично я не хочу играть в политические игры, потому что это опять подчинение большинства меньшинству. У меня есть своя политическая позиция, я хочу и буду ее высказывать — наверное, этого достаточно. А к политической борьбе я не склонен просто в силу своего характера. Если мой профессионализм полезен и нужен обществу, я с удовольствием готов использовать его на благо Отечества. Готов уйти на тяжелую работу, трудиться без выходных...

В КПСС я вступил в 1964 году после XXII съезда партии, когда мне казалось, что со сталинизмом полностью покончено. Уйдя от Президента, снялся с партийного учета. И все — больше не встал на учет... Однако я не советовал бы журналистам искать в моем поступке «стандартный смысл». Для некоторых людей выход из партии — самый безопасный способ протеста. Люди гордо выходят, когда это никому ничем не грозит. Я понимаю, когда это делают Шаталин, Попов, Марк Захаров или Егор Яковлев — у них серьезная мотивировка. Это действительно гражданский акт, может быть, связанный с риском: их могут оплевать, освистать, назвать предателями. А когда человек рассуждает: надо как-то бороться, давайте я выйду из партии... Если бы он это сделал в 1986, не говоря уже о 1984-м! Сейчас же тех, кто сдает свои партбилеты, считать героями не приходится — это смешно. Их можно спросить: почему вступали? Подобный вопрос я могу задать другим, так как сам могу объяснить, почему я вступал в КПСС. Это произошло в тот период, когда людям моего поколения казалось, что линия XX съезда уходит, и мы надеялись, что еще можно вернуть страну на путь определенной демократизации и полезных реформ.

Думаю, из партийности не стоит делать проблемы. Проблема в другом. Если говорить о течениях, на мой взгляд, они должныбыть мощными. Альтернативой КПСС могло бы стать мощное демократическое движение, построенное не на жесткой дисциплине, а на определенном социальном единении. Интересную палитру политической жизни мы бы получили в случае разделения партийных структур. Ведь партия Полозкова, РКП, возникла искусственно, создана явочным порядком, ее документы сильно расходятся с документами КПСС. Фактически мы имеем две коммунистические партии — левую и правую, и я уверен, вопрос об их размежевании скоро возникнет.

Из КПСС вышли 1,5—2 млн. людей, но разве это потеря для монстра?! Многие люди продолжают оставаться в партии по инерции, а многие и потому, что действительно придерживаются социалистического выбора. По-моему, самое главное и сложное сейчас: программа действий по возрождению страны и общества — что делать сегодня, через месяц, через год. Когда люди поддерживают Горбачева, или Ельцина, или Полозкова, они прежде всего оценивают их программу действий.

У нас в обществе среднего класса как такового нет, а в политической жизни инерционная масса может решать очень многое. От ее имени могут делаться хорошие и плохие дела. У нас молчаливое большинство, и оно имеет свое мнение, свою позицию. Люди не ходят на митинги, не скандируют «долой» того или другого лидера, не жгут демонстративно свои партбилеты. Но поступают они по совести, и это доказал референдум. Молчаливое большинство — выше всех политических надстроек, это и есть наш народ.

— Николай Яковлевич, ныне шутят: чтобы вступить в рынок, надо приехать на Цветной бульвар в Москве, где расположен Центральный рынок. Вот и вы, всю жизнь одержимо следовавший своей идее, тоже увидели ее воплощение в своеобразном жизненном варианте. Вы стали недавно директором Института рынка АН СССР. Как стартовали?

— Стартовая площадка, довольно традиционная для институтов, которые создавались или создаются в Академии наук. С миру — по нитке... Сотрудников подбираем из других институтов по принципу добровольности и профессиональной пригодности. В дальнейшем, думаю, сделаем ставку на интересующуюся нашими научными проблемами молодежь. Видим три главные цели. Во-первых, разработка путей перехода страны от нерынка к рынку — на Западе такого опыта нет, там рынок существовал всегда. Затем: взаимодействие рыночных и нерыночных элементов в нашей системе, то есть как в условиях рынка обеспечить социальные ганатии населению, что это такое вообще. Наконец, интеграция внутреннего советского рынка в мировой — это, я считаю, одна из ключевых проблем нашей экономики, нашего будущего, нашей судьбы.

Еще один штрих к образу «игрушечного солдата»

— Вот вы всю жизнь мечтали через рынок сделать богатой и процветающей страну. А сами? Богаты? Какой нажили материальный капитал и есть ли наследники, кому потом его можно будет передать?

— Мне 54 года, женат, двое детей: дочери семнадцать лет, сыну — семь. Я всегда зарабатывал нормально, не жаловался на бедность. Рост постоянных доходов всегда сопровождался ростом дороговизны жизни. Поэтому я не разбогател. Живу хорошо, не знаю, что будет теперь, после повышения цен. Словом, не считаю каждую копейку, хотя и накоплений не имею.

— В вашем кабинете над рабочим столом висит фотопортрет пожилого человека с вдумчивыми, печальными глазами. Не учитель ли ваш? А кто, собственно, ваш учитель в науке?

— Портрет — это Виктор Валентинович Новожилов, один из тех молодых ученых, кто проводил денежную реформу в стране в 1922—1924 годах. В тридцатые годы был отовсюду изгнан, но, к счастью, избежал ареста. Лауреат Ленинской премии, в следующем году будем отмечать 100-летие со дня его рождения. К своим профессиональным и духовным учителям я отношу и Леонида Витальевича Канторовича. У него и некоторых других я учился мужеству и человеческой позиции.

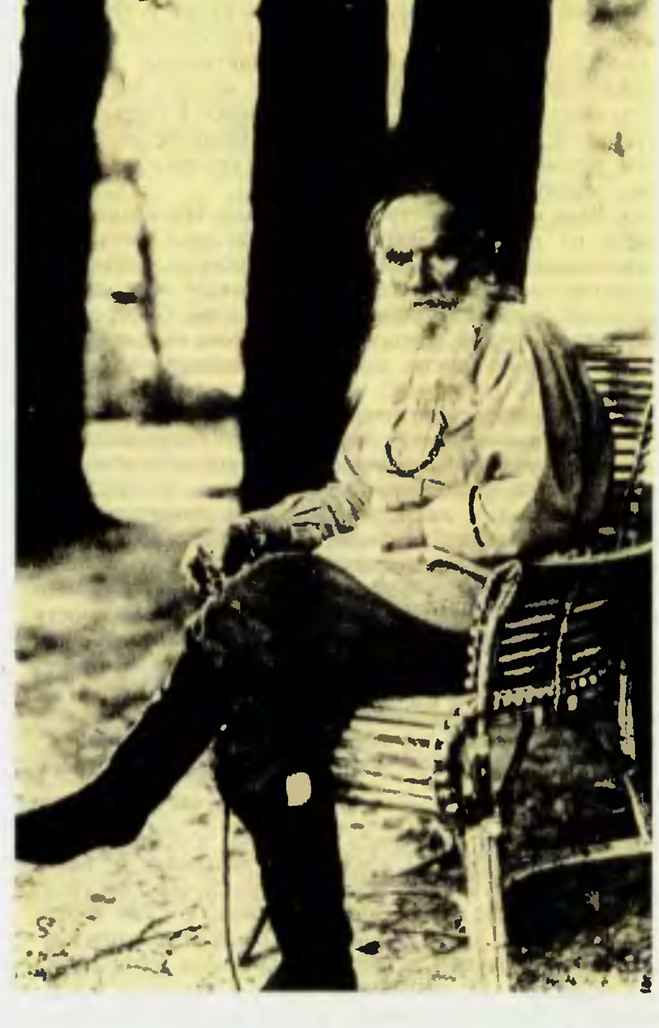
— Ваш рассказ-притча о профессиональном военном, который всю жизнь воевал на игрушечных макетах, подсказывает еще один вопрос. До настоящего рынка ни мы, ни вы пока не дожили. Не считаете ли вы себя поэтому челвеком, выражаясь старомодно, «потерянного поколения»?

— Потерянного?.. Пожалуй, мы принадлежим к поколению неиспользованных возможностей, так как многие из нас не реализовали свои способности. Общество расточительно, оно с довольно большим пренебрежением относится к интеллектуальному потенциалу людей, не создает условий для того, чтобы талант раскрывался максимально. Потерянное поколение — понятие другое: это растерянные люди, не знающие, куда брести. Мы знали. Люди, с которыми я работал или дружил, имели четкую профессиональную и политическую ориентацию. Судьбу не выбирают, ее создают своими руками. Мне тоже не все удалось. Ну что ж, о прожитом не плачу...

Беседу вел
ЮРИЙ МАКАРЦЕВ
10 апреля 1991 г.
Москва

ВЛАДИМИР ПОЛЬ*

ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ

И мне привелось встречаться и говорить несколько раз со Львом Николаевичем Толстым. Большой русский художник Николай Николаевич Ге, которого я имел счастье знать в юности, собирался проездом в Москве представить меня Л. Н. Толстому, но случай сделал так, что я попал в дом Льва Николаевича до приезда Ге, почитателя и единомышленника Толстого. Я видел Л. Н. в разнообразной обстановке — у него в рабочем кабинете, в доме в Хамовниках в Москве, у общих знакомых, ходил с ним несколько раз по улицам Москвы и даже однажды попал с ним в «общие бани» на Девичьем Поле...

•

Должен сказать, что свидание с Толстым всегда оставляло особенное впечатление по себе — встречи с гениальной натурой не только в смысле творческом, но и с человеком, одержимым гением энтелехии. Его совесть диктовала ему требование стать высшим выражением того, чем человек по своей природе может быть. Он отыскивал в человеке атрибуты высшего существа и развитие их считал основным элементом эволюции, пути которой он старался определить, непрестанно совещаясь со своей внутренней совестью, которую отождествлял с Богом.

Помню, он сказал:

— Да вы не думайте об исправлении человечества в целом, пусть каждый работает лишь над самим собой и ищет в себе, в своем сознании то, из чего рождается понятие добра, и тогда всем будет лучше. Старайтесь, чтобы от ваших поступков другим людям и даже зверям было лучше, а не хуже. Если все так будут поступать, каждый за себя, то и все человечество в целом исправится.

— Но как же найти в себе эту точку сознания, о которой вы говорите, Лев Николаевич?

— А вы следуйте чудесному совету Конфуция. Он говорит, что если что-нибудь не ясно, то это следует выяснить. А что трудно творить, следует делать с великой настойчивостью. Сделайте первую ступень сами, не ждите, пока какие-то «все» укажут вам путь. Даже если в театре крикнут «пожар», то, прежде чем бросаться за всеми к выходу, подумайте сами, нужно ли это делать. Если бы Ной был «как все», то и он утонул бы во время потопа.

Это требование постоянного устремления к поискам

* Поль Владимир Иванович (1875—1962). Русский музыкант, композитор, пианист, педагог, художник. В 20-х годах эмигрировал из России. Основатель, директор и профессор Русской консерватории в Париже, один из директоров музыкального издательства «М. П. Беляев в Лейпциге» (позднее в Бонне). Автор работ по теории и истории музыки. Советский читатель знакомится с этими мемуарами впервые.

внутреннего блага человека Л. Н. ставил перед всеми людьми. Это невольно, часто со смущением, чувствовал всякий говоривший с ним, всякий, кто способен был реагировать на излучения, исходящие из всего существа духовно напряженного человека, непрестанно контролирующего свои примитивно-инстинктивные, наивно-реалистические реакции на явления жизни. Эта черта постоянно прорывалась в нем. Помню, Сулержицкий (художник, последние годы жизни бывший талантливым режиссером Художественного театра) рассказал мне, вернувшись из Ясной Поляны:

— Шли мы лесной тропой со Львом Николаевичем. Вдруг на дорожку впереди нас выскочил заяц. Лев Николаевич весь радостно, с юношеской живостью, встрепенулся, воскликнул: «Заяц, заяц!» — и сделал непроизвольное движение руками, как бы быстро снимая с плеча ружье, которого с ним, конечно, не было. И тотчас как-то грустно поник и тихо прошептал: «Злая забава».

Но я решаюсь заметить, что совесть, определявшая для Льва Николаевича ценность всякого поступка, была для него явлением несколько упрощенным и абсолютного порядка, свойством прирожденным, не подлежащим развитию, а лишь раскрытию, и присущим всем людям в одинаковой степени, какова бы ни была ступень их развития умственного. Нужно слушаться лишь голоса своей совести, а совесть сама знает, что хорошо и что плохо. Л. Н. сказал однажды, что и уверенность и неуверенность — чувства, одинаково побуждающие нас к действию, только в противоположных направлениях. Если, например, мы не будем уверены в существовании непогрешимой совести, то мы будем поступать так, как если бы совести не существовало вообще, нигде на свете, и зло никогда не будет искоренено в мире.

В Оружейном переулке, в Москве, у Смоленского бульвара, на недурном рояле моих знакомых В. было легко и приятно играть. В этот зимний вечер 1898 года, перед чаепитием, меня усадили за рояль, и я уже грохотал последнюю часть концертного этюда Рубинштейна, когда кто-то ринулся из гостиной на звонок, раздавшийся в передней. Не прекращая игры, я услышал чей-то возглас: «Пусть продолжает, у него это хорошо выходит»,— и вслед за этими словами в комнату вошел Лев Николаевич Толстой, которого я, конечно, сразу узнал, хотя видел впервые. Наскоро закончив пьесу, я вскочил и очутился перед острым взглядом Толстого. «Что это вы играли?» — спросил он. Я ответил: «Этюд Рубинштейна».

— Этюд? — вдруг строго сказал он.— Значит, упражнение, пустота, не душевное, это не нужно играть.

— Но, Лев Николаевич, ведь это так только названо этюдом, а на самом деле это пьеса, ну как этюды Шопена,— смущенно оправдывался я.

И так же неожиданно, как он меня отчитал, Л. Н. вдруг смягчился и, улыбнувшись, сказал:

— Тогда это другое дело, сыграйте-ка его еще раз, я с начала не слышал, а пока я слушал из передней, мне нравилось.

В тот вечер Л. Н. приходил к В., чтобы повидаться с казачьим офицером Х., как мне показалось, весьма революционно настроенным...

Когда Лев Николаевич вышел, мы все пошли его провожать.

По дороге Л. Н. спросил меня, чем я теперь занят. Я объяснил, что сейчас, по совету С. И. Танеева, изучаю контрапункт по немецким книгам Беллермана, и снова получил отповедь.

— Контрапункт — это гадость, Бетховен — злодей, это он завел в музыке ненужную сложность, которая извратила самую сущность музыки, подменив простое, песенное содержание контрапунктическими измышлениями, сочиняемыми по заказу.

По молодости лет я подумал, что Лев Николаевич говорил так, паря высоко над всеми музыкальными науками, потому что уже изучил и осудил их. И я пытался оправдаться тем, что я-то ведь контрапункта еще не знаю, а когда его изучу, то, может быть, тоже увижу, что это гадость, и тогда откажусь от него, между тем, как не изучив его, могу оказаться неграмотным музыкантом.

И снова Л. Н. вдруг быстро смягчился и приветливо сказал:

— Вы правы, пожалуй, продолжайте изучать ваш контрапункт, да и Танеев будет доволен.

Прощаясь со мною, Толстой предложил мне зайти к нему через несколько дней и взять для прочтения корректурный оттиск его статьи об искусстве, которая должна была появиться в журнале «Вопросы философии и психологии». Я, разумеется, был очень счастлив и в назначенный день был в доме Толстых в Хамовниках у Девичьего Поля.

Лев Николаевич встретил меня в своем простом рабочем кабинете, куда меня проводил лакей по путаным ходам большого помещичьего дома в Хамовниках.

— У меня только что был Репин,— сказал Л. Н.,— какой это талантливый человек! А главное, у него правильное отношение к живописи как средству выражения, а не самоцели. Вот и Ге Николай Николаевич такой же. Да, кстати, посвятил ли вас Ге в секреты Распайля? Да? Ну, тогда все в порядке.

Секреты Распайля — это «домашний лечебник» французского химика и политического деятеля прошлого века. Художник Ге был сторонником и пропагандистом этой системы лечения, и в этом уже Л. Н. Толстой был последователем, в чем не трудно убедиться при чтении дневников гр. Софьи Андреевны, постоянно прибегавшей к лечению «по Распайлю» недомоганий Льва Николаевича. Очень возможно, что Распайль и был тайной причиной известного недоверия Л. Н. к медицине и врачам.

Воспользовавшись упоминанием имени Н. Н. Ге, я спросил, каково мнение Л. Н. о последней большой картине Ге «Распятие». Эта картина была снята с передвижной выставки по распоряжению высшей власти, но я ее видел в мастерской художника.

Вот ответ Л. Н.:

— Когда Ге объяснил мне картину, то все было хорошо. Но в самой картине мысль художника выражена не ясно. Простой зритель без разъяснений не поймет многое. Как, например, он догадается, что череп у подножия креста Распятого символизирует предшественников Христа и что третье лицо драмы — второй, нераскаявшийся разбойник, отсутствующий на картине,— это вы сами, смотрящий на картину зритель. И как понять без объяснений, что первый, раскаявшийся разбойник, изображенный рядом с Христом, не кричит от страха перед собственной смертью, а содрогнулся от ужаса, видя, что Тот, Кто только что открывал ему новый мир, уже умер. Гораздо лучше рисунки, иллюстрации Ге к моему рассказу «Чем люди живы». Там все трогательно и убедительно.

Засунув руки за пояс своей длинной рабочей блузы, Л. Н. ходил по комнате и говорил:

— Вот вы сочиняете музыку. Старайтесь писать так, чтобы то, что вы пишете, доставляло людям утешение и радость. А за поучительными примерами и хорошими образцами не надо непременно к знаменитостям обращаться. Знаменитости слишком много по заказам пишут, холодным, надуманным способом, пользуясь лишь одной техникой. Посмотрите картины Орлова. Он совсем не знаменитый художник, а как у него все хорошо выходит, когда он зарисовывает жизнь простых мужиков, как это у него все продумано.

Признаюсь, теперь мне кажется, что в этом и других, указанных Л. Н. случаях я охотно заменил бы слово «продумано» словом «надумано», но тогда я трепетал, со всей полнотой испытывая чувство предстояния перед живым пророком-обличителем. Да, кажется, и все, соприкасавшиеся с ним, не исключая его домашних, чувствовали себя как бы рассматриваемыми насквозь, когда на них глядели спрятавшиеся под густыми бровями глаза Л. Н.

Лев Николаевич вдруг спросил меня, сколько мне лет, и узнав, что «больше двадцати, но я, к сожалению, еще ничего не сделал», рассмеялся и утешил:

— Не все ли равно, двадцать три или тринадцать! Успокойтесь, вы еще успеете поработать. А прогресс всегда делали старики, а не молодежь. Чем больше живешь, тем больше ответственность перед Хозяином, пославшим нас на работу. Вот я уже в восьмой десяток переваливаю, дела еще лет на триста, а жить осталось каких-нибудь тринадцать лет. И как это странно, что упорно работающие люди всегда умирают раньше, чем им следовало. Точно они нужны Хозяину «там». И во всем так — в любой квартире не хватает одной комнаты и всякий чемодан на один вершок меньше, чем надо.

Лакей вошел в кабинет и доложил, что графиня просит в столовую к чаю.

— Прочтите и дня через три верните мне,— сказал Л. Н., вручая мне обещанный оттиск его статьи об искусстве.

Мы перешли в большую комнату, где за чайным столом уже собралась семья Л. Н. и несколько гостей. Разговор вращался вокруг последней работы Л. Н., и граф Г., обращаясь к Толстому, рассказал, что его друг, профессор В., тоже тридцать лет думал об искусстве и пришел к заключению, что красота — это порядок в разнообразии. Сказано это было по-французски, на что Л. Н. возразил по-русски: «Ну и дурак, не стоило тридцать лет об этом думать, можно было гораздо раньше прочесть это определение у философа Мендельсона, да заодно узнать у него, чем отличается красота от совершенства».

Гость, не обратив внимания на резкий отзыв о его друге, стал просить Л. Н. об экземпляре статьи об искусстве с автографом автора. Л. Н., поморщившись, пробормотал: «После, после».

Очень приветлива и любезна с вечно новыми посетителями была Софья Андреевна.

— Это ужасно,— сказала она как-то, указывая на английскую газету,— у нас в доме ничего нельзя сказать, не обдумав вперед. Все выносится чужими людьми наружу, в искаженном виде, и создает ложное представление о нашей семье. Вот, был у нас англичанин, провел вечер и присылает свою статью, думая сделать любезность, а сам Бог знает что написал. Просто хоть запрись и никого не принимай.

Кажется, и Л. Н. иногда не выдерживал и терял терпение, несмотря на то, что он считал «самым важным человеком в мире того, с кем в данную минуту говоришь». Представителю фирмы зубного эликсира «Одоль», добившемуся свидания с Толстым и просившему его принять в дар пять флаконов «Одоля» и разрешить писать в объявлениях, что «гр. Толстой употребляет «Одоль», Л. Н. ответил, скрестивши руки на груди: «Скажу вам от души, что, во-первых, у меня зубов нет, а во-вторых — ваше посещение мне... (пауза) крайне неприятно».

О более занятном случае мне рассказал Сулержицкий. К Л. Н. явился щеголеватый молодой человек, просто желавший посмотреть на Толстого под предлогом получить наставление о том, «как надо жить».

Л. Н. улыбнулся и направил молодого человека к Чехову. А. П. Чехов сообразил в чем дело и послал к знающему истину о жизни Горькому. Горький тоже сообразил и направил к Сулержицкому. Сулержицкий же послал любопытного просто к черту.

Я принес Л. Н. прочитанную мной корректуру статьи об искусстве и застал у него пришедших раньше меня Сулержицкого, Е. И. Попова и еще двоих.

Л. Н. в разговоре вспомнил, что сегодня суббота, и неожиданно предложил идти с ним в баню, на Девичьем Поле.

— Там и поговорим,— сказал он,— древние греки любили вести беседовать на высокие темы в бане. Должно быть, этому способствовало улучшенное кровообращение вследствие теплоты и очищения организма.

В горячей комнате Л. Н. намылил свою мочалку и, обратившись ко мне, сказал: «Потрите мне спину, а потом и я вам потру». Я с готовностью начал водить намыленной мочалкой по спине Л. Н. и тут обратил внимание на то, какое у него было крепкое, молодое тело под седой старой головой. Пока я исполнял свое задание, в горячую комнату вошел новый, толстый человек, который ткнул меня в плечо и повелительно изрек: «Эй, банщик, когда кончишь старичка, займись мной». Это услышал другой, настоящий банщик, мывший рядом кого-то. Он обиженно заметил толстому человеку: «Банщики — это мы. А это граф со своим банщиком пришли, с ихними. Они всегда так».

После мытья все направились к бассейну, и Л. Н. первый прыгнул в довольно прохладную воду. Он нырял, как водяной, и, когда опускался в воду, его волосы и борода распластывались по воде, делая его похожим на гауптмановского «брекекекса».

Вдруг он уставился на меня, заметив, что я один, из всех нас, не решаюсь прыгнуть в воду, находя ее холодной. Осмотрел меня и строго сказал:

— Экой вы худой декадент! Прыгайте!

С отчаянием, не смея ослушаться, я прыгнул.

Наконец, мы вытираемся и одеваемся. Желая сказать приятное Л. Н-чу, я начал было восхищаться «Анной Карениной» и «Войной и миром», но Л. Н. оборвал мои излияния:

— Все это не нужно и не хорошо. Там я только страсти описывал.

— Но что же тогда вы считаете лучшим? — смутился я.

— Лучше это народные рассказы, ну вот, «Два старика» и другие, там не страсти, а добрые чувства. Они нужнее человеку, чем страсти.

По выходе из бани я пошел один со Л. Н., другие почему-то не могли. Оставшись со мной, Л. Н. вспомнил о музыке, снова подчеркнул важность мелодии и, между прочим, сказал буквально следующее: «Даже в романсе мелодия есть самое главное, а текст не важен, можно петь хоть на «тру-ля-ля».

Говоря затем о важности работы над собой в искусстве, Л. Н. сказал мне то, что я слышал и от Н. Н. Ге.

— Когда работаете, захватывайте поменьше, но держите крепко, что достанете, и так идите шаг за шагом. Самое главное, приучиться искать истину там, где ее верней всего можно найти — это в самой душе, в ней есть и два оберегателя правды: Разум и Совесть. Вообще, нужно жить так, как человек плывет. Плыть нужно не переставая и каждый момент брать с боем, усилием, как Царство Небесное. Мы ведь здесь временно, и нужно не спешить.

Л. Н. остановился и сказал: «Мне стало холодно, побежим немного, чтобы согреться». Он сошел с тротуара на улицу и по снегу быстро побежал вперед. Одетый в новую, неудобную еще шубу, я едва поспевал за Толстым в коротком, потертом тулупе. Когда наконец Л. Н. перешел на обычный шаг, я уже совсем задыхался.

— Вот теперь я согрелся, опять кровь пошла,— сказал Л. Н.

Я тоже согрелся, но на другой день от купанья в бассейне и бега в шубе у меня уже был жар. Я простудился.

В последний раз в жизни я видел Л. Н. мертвым в Астапове, куда я выехал, получив в Москве телеграмму от Сергея Львовича Толстого с просьбой привезти скульптора, чтобы снять гипсовую маску с Л. Н...

Публикация, подготовка к печати
ИГОРЯ ХАБАРОВА

НАТАЛЬЯ СЕВЕРИН

ГЕРОИ ПРЕДРАССВЕТНОГО ЧАСА

2. Демократы

Каждому журналисту нужно время от времени порывать со своей кастой и погружаться в атмосферу совсем иного дела. В дни, когда у нас начался бум многопартийности, я дала себе задание вступить в новую партию. В политике тогда заблестела звезда антикоммунизма. Социологические исследования говорят, что крах КПСС, ее развал и распад чуть ли не главный символ 90-го года. Самой смелой партией, вступившей в борьбу с коммунистами, была Демократическая партия России (ДПР). Я слышала, что за причастность к этой партии, несмотря на изменения в 6-й статье, людям достается. Это правда. И мне пришлось уйти из журнала ЦК комсомола...

Полгода я была свидетелем того, как создавалась ДПР, работала в ее газете. И в конце концов — при искреннем желании вписаться, при всем родстве взглядов — стать партийным человеком в том понимании, в каком это требовалось, не смогла. Сейчас, когда порыв утих, оказалось, что из записавшихся в партию окончательно на учет встала лишь треть. Значит, таких, как я, много.

И дело не в страхе или в смене убеждений. Дело в стиле отношений, роде занятий, которые предлагают человеку почти все новые партии.

Прием в партию шел просто. В кабинете Октябрьского райсовета сидели несколько человек и записывали желающих пополнить ряды ДПР в амбарную книгу.

Идя в ДПР, многие не придавали значения тому, что партию создал довольно странный триумвират. Известный строитель орденоносец Николай Травкин, бывший инструктор ЦК КПСС Георгий Хацеиков и шахматный чемпион Гарри Каспаров. И не случайно, что сразу же после учредительной конференции партия раскололась. После того как Травкин решил быть единоличным лидером, ленинградская организация основала Свободную демократическую партию России. Каспаров объявил о создании фракции.

Но все это поначалу не казалось уж столь значительным.

Илья Заславский выделил для ДПР и ее газеты «Демократическая Россия» две маленькие комнаты в доме рядом с Советом.

Финансовый скандал в ДПР для многих разразился неожиданно. Выпустив два номера «Демократической России», Георгий Хацеиков вышел из-под надзора партии вместе с газетой и издательством, превратился в свободного коммерсанта. В двух комнатах, где помещались враждующие теперь издательство и руководство партии, обстановка сделалась грозовой. Журналистам и издателям их богатый хозяин выплатил зарплату, партийцам — нет. Пока вожди ссорились, зарплату «травкинцам» не выдавали довольно долго. И людям, начинавшим вместе, неловко было смотреть в глаза друг другу. На правлении партии Георгия Хацеикова освободили от должности заместителя председателя, правда, он остался ее членом.

Издательство выехало с Шаболовки. Но еще несколько раз штурмовало партию. Были срезаны все телефоны, с грохотом вывезена мебель. Однажды я застала партийцев на мешках, в пыли, безо всякой связи с миром. Надо отдать им должное: они невозмутимо продолжали работу с посетителями.

Тем временем сердобольный народ начал слать на счет партии пожертвования. Некто даже прислал 10 тысяч, извиняясь, что не может больше. Постепенно ДПР обзавелась и мебелью, и своей новой (надо сказать, хорошей) газетой.

В те дни атмосфера в партии была свежей и веселой, несмотря на нищету и удары судьбы. Возможно даже, это был ее лучший период... В ряды приезжали записываться со всей России. Люди честно признавались: «Программы у новых партий — как близнецы, но нас привлекает личность Травкина».

Николай Ильич действительно личность уникальная. Он может работать по 20 часов в сутки. Об этом рассказывают легенды. Написана, говорят, даже такая книжка — «Легенды о Травкине». У него есть возможность часто бывать за границей. Но он выбирает русские провинции, самые глухие, самые заброшенные. Все гонорары от статей и лекций Николай Ильич перечисляет на счет партии. Иногда просто приносит их и сдает в кассу. Этому человеку действительно нужно мало. Немногие умеют так увлечься идеей. Он живет на нерве. Он обладает даром харизмы. Умеет зажечь людей, превратить их в своих единомышленников. Все так...

Но Травкина обвиняют в необольшевизме, в узурпации власти, в том, что он окружил себя исключительно бывшими коммунистами. И хотя нападки, как правило, грубые, склочные, с налетом интриганства, в них, признаться, есть резон.

Среди тех, с кем мне приходилось общаться, некоммунистами были единицы. И непартийный стиль общения в ДПР выглядел весьма легкомысленно на фоне тех, кто прошел школу партийной «солидности и основательности». Я всю жизнь пытаюсь понять, что стоит за этой солидностью, и не могу.

Как-то пришлось беседовать с польским священником ксендзом Леоном, духовным наставником Валенсы, о явлении, которое можно назвать «коммунистической ментальностью».

Ксендз считает, что именно от этого заболевания лихорадит сейчас демократические режимы Восточной Европы, где к власти пришли «перестроившиеся» коммунисты, сменившие вывески своих партий.

Да, можно швырнуть партбилет в райкоме, можно вполне искренне выступить с публичным отречением, но коммунистическая ментальность уже стала второй натурой. Человек, возможно, старается жить по-новому, думать по-новому, но вместо этого все время воспроизводит глубоко засевшие в его сознание клише. Эта коммунистическая болезнь, искалечившая миллионы, считает ксендз, будет мучить еще не одно поколение.

Не знаю, можно ли назвать то, что я видела, необольшевизмом. Но алгоритм партии сложился в первые же месяцы. Стала заметна одномерность, ограниченность действий. Моментами партия напоминала мне какой-то орден. Мрачный и замкнутый. Орден простонародья... Такие черты есть и в других партиях, где ставка сделана на жесткую иерархию, суровую дисциплину, максимальную идеологизацию, тяжеловесную структуру. Это ведь очень опасная игра на фоне почти всеобщей коммунистической ментальности! Она захватывает людей и возвращает их в прежнее состояние (только с новыми лозунгами). В результате мы снова видим партию, подавляющую личность. И психологический тип людей здесь подбирается сообразный. С ориентацией на подчинение, на вождя. Довольно известный тип функционеров без фантазии. Ступенчатое построение позволяет сохранять «военные тайны», отделяет «вождя» от исполнителей. Заместители и помощники добросовестно создают вокруг него ореол священства, недоступности. Возле политических «звезд» вьется много «мальчиков при», часто в должности коммерческих директоров. Они занимаются «проверкой кадров», могут донести — это называется «доложить», могут затеять интригу. Неужели «вожди» так доверчивы, что всего этого не замечают? Или им нравится это послушание, этот культ? В результате «рядовые» начинают привычно бояться лидера, как 10, 20 лет назад. Никакой критики, живого слова.

В партиях усердно соблюдают конспирацию. Подозрительность тоже иногда может показаться патологической. Всюду ищут провокатора, «подсадную утку». Понятно, что это наше общее заболевание. За 70 лет у нас было столько добровольных агентов, сколько не видывала царская охранка. Поиски шпиона доходят до абсурда. На съезд «Демократической России» пришлось специально вызывать Елену Боннэр подтвердить, что один из лидеров движения друг Сахарова, а не агент КГБ.

Когда в прошлом году я взяла интервью у одного из шахтеров Кузбасса, приехавшего в Москву, ему попало от коллег. Он даже перестал появляться на пресс-конференциях. Нарушил дисциплину — дал интервью без разрешения.

Конечно же такие факты невольно давали пищу для сомнений, но не вступать в ДПР окончательно я решила после учредительного съезда.

Он был проведен стремительно, без Каспарова, который участвовал в борьбе за мировую корону. К съезду был подготовлен устав, но не было программы. Все было, очевидно, сделано для того, чтобы Николай Травкин остался единоличным лидером. Предчувствие подтвердилось: то, что я увидела, очень напоминало мне выборы Горбачева Президентом в Верховном Совете.

После съезда я разговорилась на трамвайной остановке с рабочим лет пятидесяти, спокойным, уравновешенным человеком. Он был явно собой недоволен.

— Я голосовал за Травкина,— сказал он,— но мои симпатии к нему уменьшаются. В свое время ему легко далась карьера. Вот и сегодня свои собственные выборы вел сам, не дал выступить альтернативному кандидату. Неужели не понимает, что ведет себя не как политический лидер, а как начальник главка...

Угрюмость «новой структуры» заметил Алесь Адамович, который очень симпатизирует Травкину:

— Большевизм погубил все потому, что он был абсолютно лишен чувства юмора. Мне кажется, в партии нужно специально создать отдел юмора. Особенно важно, чтоб юмором владел председатель...

Василий Селюнин считает, что резерв ДПР — интеллигенция и не сумевшие себя реализовать бывшие члены КПСС. Со вторым я согласна. Может, и нужна такая партия — раскаявшихся коммунистов. Но интеллигенция еще один «демократический централизм» просто не выдержит. Нормальному человеку, который управляет собой сам, «железная рука» не нужна.

В ДПР конечно же есть интереснейшие личности: Геннадий Бурбулис, Михаил Толстой... Но их в партии не видно, они — в парламенте.

Присматриваясь к новым партиям, я все больше сомневалась: зачем они нужны, скажем, обывателю, у которого проснулось гражданское чувство? Структурироваться ради структуры?

Впрочем, никто толком не знает, что должна у нас делать демократия. Двадцатый век начинался и заканчивается для России одинаково. Замкнулась историческая парадигма. В 1905 году насчитывалось 50 партий, в 1917-м — 70, сейчас в России уже более 40. По мнению доктора исторических наук С. Кулешова, в России никогда не существовало политических партий в подлинном смысле этого слова. Были движения, и массы шли не столько за программами, сколько за обещаниями и лозунгами. Доктор исторических наук А. Сахаров считает, что демократии вообще не было. Воли было много. Свобода была. А демократии не было... Развала было много, игры честолюбий... Но это не связано с демократией, которая характеризуется уважением к другому...

Интересно, что идея «твердой руки» возникла в 17-м году в среде демократов. Член ЦК трудовой народно-социалистической партии Н. Чайковский писал: «Во имя целости страны приходится иногда жертвовать жизнью нескольких людей, и нельзя останавливаться перед крайними мерами...»

Правые сомкнулись с левыми, как, похоже, и сейчас. Неразбериха и хаос увеличились. Страна досталась большевикам, а историкам осталось гадать: что это все значит? Может, дело и правда, как считал Н. Бердяев, в «женственности» русской души?

Итак, традиций нет. Демократической культуры тоже. И вот уже на демократическом газоне произрастают удивительные мутанты. Грустно об этом думать, но это, к сожалению, так. Как известно, идет бурное накопление первоначального капитала. Происходит оно уродливо и дико. Особенно в нашей стране «беззаконного социализма». Купоны стригут и с политики, да еще какие! И уже непонятно, где происходит спасительное создание экономической базы для демократии, а где идет лихая спекуляция на демократическом имидже.

Для меня самая показательная история такой спекуляции — судьба газеты «Демократическая Россия». Читатель «клюнул» на нее мгновенно. Ее усердно обозревали «голоса». Все решили, что появилось наконец полноценное демократическое издание. На самом деле этот печатный орган, начиная с третьего номера, к политике не имел никакого отношения. Выходя миллионным тиражом, он стал обыкновенной кормушкой и прибыльным предприятием. Газету делала семейная фирма журналистов Скуратников — муж, жена и сын. Собирали тихонечко информацию по Москве, где что лежит, «сшивали» газету... Журналистов со стороны не привечали, а то и выпроваживали, наклеивая ярлык «десант КГБ». «Десантников» становилось все меньше. Газета делалась все хуже. А объяснение было самое простое — пока народ увлечен имиджем, семейный подряд может заработать и без помощников. До сих пор мне непонятно, зачем акционером этой уведенной у Травкина газеты стал Юрий Афанасьев. Если этим людям придется сотрудничать в коалиционном правительстве — то как смотреть друг другу в глаза?*

Инициаторы перестройки невероятно рады, что плюрализм достиг у нас фантастического размаха. Чем больше партий, тем они безопаснее.

То, что ДПР, например, раскололась на три ветви,— на совести лидера. На ошибках учатся. И, как видно сейчас по движению «Демократическая Россия», люди больше доверяют коллегиальному руководству. Это движение набирает силу. И, между прочим, не только из-за активности его лидеров.

Вначале демократия была разрешена сверху. Сейчас она начинается заново. Снизу. В местных Советах, где раньше колебались — нужно или не нужно примыкать к какому-либо движению, к партии,— чуть не полным составом вступают в «Демократическую Россию».

Почему в «Демроссию», а не в ДПР или Республиканскую партию? Потому что в движении незаметно культа подчиненности, преклонения перед лидером. Депутаты прекрасно понимают, что все эти структуры — переходного периода. Логичнее в таком случае — движение. Оно дает больше свободы действий, инициативы. А что касается дисциплины, то российский референдум показал, что она — дело совести, а не надзора.

Чего бы стоило демократическое движение без слов Афанасьева об «агрессивно-послушном большинстве» на Съезде депутатов СССР? А выступление Гавриила Попова о создании фракций? В тот момент страна их, можно сказать, отпевала. Нет, живы! И произвели революцию в сознании миллионов людей.

Начало см. «Родина» № 4

* Сейчас в газете появились хорошие журналисты, судьба ее меняется.

Оказалось, что страх, наш вечный страх перед системой, перед репрессиями, преодолим. А система не так сильна, чтоб снова себя воспроизвести...

Но она взяла на вооружение иную тактику.

Сейчас ходят упорные слухи, что межрегиональная группа признала свою беспомощность и собирается самораспуститься. Слухи эти ложны.

Демократы затравлены «ярлыками», перестроечным новоязом. Это известный способ парализовать инициативу, стравить новых политиков с народом, с их избирателями. Особенно он процветал в 30-е годы. Сейчас никто не скажет «помесь свиньи и лисицы» — грубо. Но появились другие лингвистические изобретения. «Сепаратист», «деструктивная сила», «политикан, тешащий свои амбиции», «рвущийся к власти экстремист».

Я однажды задумалась над выражением «митинго́вая демократия». Нормально. Демократия на митинге. И что с того?! Новоязовцы, апеллируя к дремучим инстинктам, не перешагнули интеллектуальный уровень 30-го года.

Рейтинг демократов колеблется. Историк Рой Медведев видит причину в том, что они, как положено пришедшим к власти, за 100 дней не проявили себя. Во-вторых, мол, демократы почему-то особенно удачно проводят акции протеста. Будничная работа идет вяло.

С первым никак нельзя согласиться, потому что за 100 дней нельзя исправить то, что было наверчено за 70 лет. Невозможно было передать людям в собственность средства производства — для чего демократы и пришли к власти. Да и какая власть в стране, где если и есть какой нормальный закон, так нет механизма его исполнения. Где все волевым порядком решает до сих пор КПСС...

А вот со вторым можно согласиться. Правда, с оговоркой. У нас нет полной информации о работе демократов в Советах. А работа там больше года ведется серьезная. С ошибками, конечно, но сделано много.

Упрек в бездействии «в мирное время», скорее, можно бросить партиям и некоторым движениям. И митинги нужны. Особенно в те моменты, когда, как было после речи Ельцина на ЦТ, чаша весов заколебалась. Увидев миллионный митинг на Манежной (каждый девятый москвич пришел), в Кремле сбавили обороты.

Нужны политические демонстрации, пикеты. Но особенно нужны умные политические решения. В какие-то острые моменты демократы работают вхолостую. Это было после январских событий в Литве, когда сорвалась объявленная политическая забастовка. Растерянность в те дни окрестили отсутствием «воли к власти».

Мне кажется, тут другое. Демократы вообще упустили из виду национальные движения и теперь просто не знают, что предпринимать в случае, подобном прибалтийскому. Конгресс демократических сил в Харькове, который должен был наверстать упущенное, прошел вяло. Хотя общие действия согласились обсуждать такие крупные народные фронты, как Рух, Белорусский народный фронт, «Демроссия», российские партии, представители Прибалтики. Может быть, этому конгрессу суждено все-таки сплотить национальных демократов? Если в республиках поймут, что борьба за суверенитет в одиночку невозможна. Номенклатура связана буквально живой цепью, которая тянется через все земли. Демократы же по-прежнему выясняют, кто главный в этой новой интернациональной структуре. Похоже, им нужен генеральный секретарь, чтоб успокоиться.

Всего три процента рабочих участвовало в харьковском конгрессе. Я не апологет народовластия в форме диктатуры пролетариата. Но рабочее движение тоже упущено. Политические лидеры вроде полковника Петрушенко всюду твердят, что именно «Демроссия» стоит за шахтерскими забастовками. Нет. Приезжавшие в Москву шахтеры твердо заявили, что не собираются никуда «вливаться». Они переросли и партии, и движения, поскольку находятся у средств производства, могут использовать эти экономические рычаги.

Наконец, рабочее движение поддержал народ. Тот самый телезритель, которого ЦТ уже долгое время убеждает, что шахтеры — «шкурники», что они тянут одеяло на себя в нашей «бедной, разрушенной демократами стране». 175 тысяч рублей собрали на одном митинге! 30 тонн — «передачка» от москвичей. 427 тонн продовольствия послали литовские «сепаратисты».

Мне показалось, что рабочее движение не очень приветствует нынешних демократических лидеров. Возможно, не нравится прошлое некоторых из них. Люди из шахты не склонны прощать принадлежность к номенклатурному слою. Они также хорошо замечают эгоцентризм новых политиков, барственность, кастовость одних и демагогию других.

ВЦИОМ как-то опубликовал интересную статистику за три года. От 55 до 70 процентов опрошенных жалуются на то, что печать мало пишет о правах человека. Кому ж эти права защищать, как не партиям и движениям, не их прессе?

В ту же ДПР сунулись «палаточники» из городка у Кремля. Просили чем-нибудь помочь. Ничего не получилось. Как мне объяснили: потому что у палаточников нет прописки, они не избиратели, а партия готовится к выборам.

Плохи будут дела на выборах у такой партии.

И тут мы подходим к главному, на мой взгляд, недостатку демократического движения. Демократы, как это всегда было в России, борются за народ как за некую абстракцию. Отдельного человека «из толпы», «из очереди» в демократических структурах просто не видят. В упор.

Мне приходилось — и не раз — видеть работу народных фронтов Прибалтики. Помню первые месяцы Эстонского народного фронта. В штате всего четыре женщины — для технической работы. Остальные — на общественных началах. Там сразу поняли, что агитация и пропаганда — средства, отжившие свое. Мысль новых политиков работала в «человеческом измерении». Когда случилось землетрясение в Армении и оказалось, что правительство ничего не делает, эстонцы послали эшелон с продовольствием, немедленно отправили на помощь своих хирургов.

И когда наступила блокада Литвы, а потом «кровавое воскресенье», именно Рух послал в Прибалтику эшелон с продовольствием. Эстонский народный фронт в первые месяцы своего существования, несмотря на скудные средства, послал на Рождество по 25 рублей семьям малоимущих. В том числе и русским. Вот это — борьба за избирателя. Может быть, именно такие, человеческие, теплые шаги (конечно же рядом с политическими акциями и т. д) в опросе по поводу суверенитета республик привели к победе сторонников свободной Балтии?

Но кто же у нас будет заниматься этой кропотливой, не очень яркой, но очень эффективной работой? Среди нынешних демократических партийных вождей таких просто и не видно. Не хочется говорить, что эти смелые люди уже сыграли свою роль. У них есть перед обществом свои немалые заслуги. Но, видимо, на смену им должны прийти другие политики. Профессионалы. Из тех, кому сейчас 30 или 40. О них говорят: «дети застоя», «потерянное поколение». Это неправда. Их детство выпало на 60-е годы. А в детстве впитывают главное, из чего складывается личность. В годы застоя они научились саперной осторожности. Но при этом на своих кухнях (уже исторических) позволяли себе быть людьми совершенно свободными. И почти без коммунистической ментальности.

Такие политики (рабочие, а не скаковые лошадки) появляются сейчас в российском парламенте. (Похоже, здесь нарождается новая политическая школа.) Они готовы к длительному марафону. Конечно, им не хватает широты и романтичности «шестидесятников», они более прагматичны. Это профессионалы, а не смутьяны-поэты. Никаких особых эффектов, горений личности от них ждать не надо. Да и пройдет время публичных горений. Они потащат воз... Если у «шестидесятников» хватит мужества помочь им, поддержать их, может быть, в ущерб себе, уступить дорогу, когда настанет время.

СЕМЕН ЭКШТУТ,
кандидат философских наук

ЧУРБАН-ПАША

Историки не интересуются графом А. А. Закревским, и в наши дни он был бы обречен на полное забвение, если бы о нем изредка не вспоминали в комментариях и примечаниях к собраниям сочинений Пушкина и Баратынского: Закревский был мужем графини Аграфены Федоровны — «беззаконной кометы в кругу расчисленном светил», адресата их любовной лирики. В статье Семена Экштута делается попытка рассказать о жизни и мировоззрении человека, сумевшего еще в 1820 году почувствовать начало кризиса самодержавной власти — утрату ею «духа единомыслия». Всю свою дальнейшую жизнь этот «грубый и неотесанный», по словам Герцена, солдафон посвятил тому, чтобы восстановить утраченное «единомыслие».

Итак, лики минувшего.

Мрачное и тягостное для России царствование Николая I было настоящей «тридцатилетней войной против просвещения и против здравого смысла» (П. В. Долгоруков). Тот, кто жил и мыслил в эти годы, редко находился в гармонии с окружающим миром. Даже семья не давала длительной и прочной отгороженности от государственной власти: правительство не гнушалось «скверным и бесчестным образом» проникать в «тайну семейственных отношений» (Пушкин). Много было «духовных драм»: приходилось мириться с печальной судьбой идеалов в условиях всепроникающей государственности.

Главный идеолог николаевского царствования министр народного просвещения граф С. С. Уваров свою задачу видел в том, чтобы «отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории». «Теории» готовили стране неизбежную революцию.

Лишь безусловное единомыслие на всем обширном пространстве Российской империи могло этому помешать. «Если явилась бы необходимость, я приказал бы арестовать половину нации ради того, чтобы другая осталась незараженной»,— заявил Николай шведскому послу в первые дни после подавления восстания декабристов.

Ожесточенная борьба с любыми проявлениями либерализма стерла для современников и будущих историков всю предшествующую жизнь графа Закревского. А ведь без понимания существа идейной позиции Закревского трудно представить не только важные моменты борьбы самодержавия за армию в годы движения декабристов, но и постепенный распад союза между властью и просвещенными людьми.

Незнатный мелкопоместный тверской дворянин, Арсений Закревский не получил серьезного образования (писал с ошибками) и, не обладая выдающимися способностями, не имея при этом придворных связей и не воспользовавшись ничьей протекцией, сделал блестящую карьеру. «Для успехов у Закревского было нечто гораздо лучше высокого ума: в нем были осторожность, сметливость и какая-то искусная вкрадчивость, не допускающая подозрения в подлости» (Ф. Ф. Вигель). Он принимал участие во всех без исключения войнах, которые вела Россия в 1805—1814 годах, причем в начале Отечественной войны 1812 года возглавлял разведку 1-й Западной армии. Был дважды ранен и дважды контужен, в тридцать лет получил почетное звание генерал-адъютанта императора (во времена Александра I это звание давалось редко и считалось высокой наградой, мечтой многих титулованных генералов). Аустерлиц, Прейсиш-Эйлау, Батин, Бородино, Люцен, Бауцен, Дрезден, Кульм, Париж — не на штабных картах изучал военное ремесло, не понаслышке знал жизнь солдат.

С 1815 по 1823 год Закревский — дежурный генерал Главного штаба, глава инспекторского и аудиторского департаментов (это был один из наиболее влиятельных постов в русской армии). Закревский руководил всеми делами по личному численному составу армии, военно-судебным ведомством и готовил материалы для доклада царю.

Этот боевой генерал жил по славному правилу: «Или грудь в крестах — или голова в кустах». По его собственному признанию, он имел пламенное желание быть полезным службе. Сторонник суворовских методов обучения войск, Закревский справедливо полагал, что солдат следует обучать для боя, а не для парада. Когда полковые командиры стали усиленно насаждать плацпарадную муштру в гвардейских полках, он с нескрываемым неодобрением написал об этом начальнику штаба 2-й армии генералу П. Д. Киселеву: «...полагаю, что с сего времени гвардия будет во всех отношениях упадать, кроме ног, на кои особенное обращают внимание. Скажи же по совести, что ноги без головы куда же годятся».

Бессмысленные с военной точки зрения парады и учения дежурный генерал Главного штаба с солдатской прямотой называл «дурачествами». «Снимите глупости»,— предлагал он офицерам освободиться от мешавших шпаг после окончания парада, что было явным нарушением «мундирной иерархии». За несоблюдение установленной формы одежды гвардейских офицеров подвергали аресту и даже переводили в армию. Имея массу возможностей запустить руку в казенный карман, Закревский сохранил свою честь незапятнанной, осуждая тех офицеров и генералов, которые вели себя недостойно по отношению к подчиненным. И тем не менее был убежден, что солдат должен постоянно бояться «поставленных над ним начальников». Впрочем, не следует спешить с осуждением этих взглядов. Вспомним, что писал по этому поводу Пестель: «Я считаю, солдат всегда должен быть безгласен и совершенно безгласен». Налицо совпадение взглядов людей, один из которых был повешен Николаем I, а другой стал столпом самого мрачного периода николаевского царствования.

Восстание Семеновского полка в 1820 году стало чрезвычайным происшествием на вершине российского военно-административного Олимпа. Гвардия — вооруженная опора трона — оказала в лице Семеновского полка неповиновение командованию. Подобного в истории русской армии ранее не бывало. Восстание имело множество последствий, которые сказались на различных сферах общественной жизни и судьбах многих людей. Власть, верхушка правящего класса утратила «единомыслие». Генерал-адъютант Закревский раньше многих определил главный итог восстания. Начался кризис власти. «Единомыслие, которое бы должно всех направлять к одной благонамеренной цели, не существует»,— печально констатировал 21 января 1821 года Закревский в письме начальнику Главного штаба императора князю П. М. Волконскому.

Герой нашего повествования был безусловным сторонником очищения армии от офицеров, с его точки зрения, «людей бесполезных и заразительных», подобных «первому декабристу» майору Раевскому. Он считал, что в армии не должно быть места людям с независимым и свободным образом мыслей, полагал, что царю следовало бы строго наказать офицеров Семеновского полка, настойчиво просил Киселева остерегаться общества Пестеля и постоянно «присматривать» за Сергеем Волконским.

Сам Закревский всегда точно и добросовестно исполнял волю государя, отличался «умеренностью и аккуратностью», однако «бессловесным» слугой не был: смело высказывал Александру по ряду вопросов свою точку зрения, не всегда совпадавшую с царской. Будущего фельдмаршала И. И. Дибича — аракчеевского ставленника и интригана — Закревский осуждал именно за то, что тот «государю потакает во всем отлично-хорошо и сим возьмет очень много... он немец — эти люди редко пропадают». Друг и многолетний корреспондент А. П. Ермолова и Д. В. Давыдова, он разделял с этими прославленными генералами неприязнь к немцам, весьма поощряемым царем.

«Без лести преданного» Александру всесильного графа А. А. Аракчеева Закревский открыто ненавидел: не опасаясь перлюстрации своих писем, называл его «Змеем», «единственным государственным злодеем», «Чумой» и «вреднейшим человеком в России». Под этими словами подписались бы и Пушкин с Рылеевым, с ними согласились бы все молодые «якобинцы» — члены тайных обществ! Насаждавшиеся Аракчеевым по приказу царя военные поселения Закревский считал большим злом для государства: «Всякий желающий может там красть сколько хочет,

и следов не найдешь...» Большинство декабристов согласились бы с этой мыслью дежурного генерала Главного штаба. И. Д. Якушкин отмечал «неимоверные грабительства в военных поселениях». Г. С. Батеньков специально обращал внимание Следственной комиссии на те огромные материальные и людские издержки, которые понесла страна при создании военных поселений: «Военные поселения стоят очень много: суммами, землями, лесами, работою и народом».

Мы далеки от мысли превратить Закревского в высокопоставленного «декабриста без декабря», хотя существует ряд свидетельств «единомыслия» генерал-адъютанта Александра I и членов тайных обществ.

Впоследствии, когда Николай I включит Закревского в состав Верховного уголовного суда по делу декабристов, тот сумеет от этого уклониться: уедет в Москву «по домашним обстоятельствам» и останется там до завершения работы суда. Вряд ли его поступок был случаен. Исключительно гуманно он отнесся и к декабристам, направленным для заключения в крепости Финляндии, где он был генерал-губернатором.

Вскоре после восстания декабристов в одном из доносов, поданных в феврале 1826 года Николаю I, будут суммированы все компрометирующие сведения против Закревского. Составитель доноса попытается представить его как одного из значительных лиц в империи, которые на словах осуждали членов тайных обществ, но фактически им потворствовали: «Все сии аристархи, без сомнения, не были членами пагубных клубов, но знали их и были важными орудиями к направлению варварских замыслов». К числу «аристархов» (комментаторов, толкователей и критиков действий царя) автор доноса относил Н. С. Мордвинова, А. П. Ермолова, П. Д. Киселева. Этих людей, «уже известных всей России», декабристы намеревались включить в состав Временного революционного правительства. Закревский и другие «аристархи» позволяли себе обсуждать, комментировать и критиковать те действия Александра I, которые, с их точки зрения, противоречили интересам России. (Именно на это обстоятельство и обращал внимание автор доноса.) Реакционная внешняя политика царя, отказ в помощи восставшим грекам не пользовались в обществе поддержкой. По словам декабриста Г. С. Батенькова, «министры не весьма ей сочувствовали и даже страшились». Подобное поведение видных представителей правящих верхов не могло не повлиять на членов тайных обществ. О характере этого влияния хорошо сказал декабрист Д. И. Завалишин: «...все рассказы и скандальные анекдоты, подкопавшие окончательно прежнюю популярность Александра I, выходили от лиц, нисколько не принадлежавших к разряду тех, которых называли либералами, а между тем эти «свои», эти мнимые преданные не могут себе и представить, до какой степени воспламеняли они этими рассказами именно самые чистые и искренние молодые умы и сердца, до какой степени возбуждали негодование и способствовали к превращению общелиберальных стремлений в революционное движение».

В последние несколько лет царствования Александра I даже «всей России притеснитель» граф Аракчеев был в числе недовольных. На фоне широкой и разнородной оппозиции полиции было трудно выявить именно членов тайного общества. Они оставались для царя «врагом невидимым». Александру I уже не нужны были реформаторы, он «прежде всего искал исправных делопроизводителей, бдительных и строгих соблюдателей насущного порядка» (Вяземский П. А.). Добиться «единомыслия» людей мыслящих царь не смог, тогда он стал заменять их людьми, лишенными каких-либо собственных мыслей. Закревский невольно предсказал судьбу многих незаурядных людей.

* * *

Жертвами правительственных репрессий становились после 1821 года офицеры и генералы, не принадлежавшие к тайному обществу, но хорошо известные своим независимым поведением, которое именно в эти годы стало отождествляться царем с политической неблагонадежностью. Александр I не мог не обратить внимания на характерную особенность революционной тактики Союза благоденствия, отмеченную в доносе Грибовского: «Из войск положено было набрать самое большое число приверженцев в гвардии; в армии же иметь на своей стороне только несколько полковых командиров, решительных и на все готовых, дабы побуждением их и примером гвардии слепо увлечь всю армию».

Закревский хорошо знал А. Н. Сеславина: в одно и то же время они были адъютантами военного министра Барклая де Толли.

Один из прославленных партизан 1812 года, принимавший участие «в 74 больших и малых сражениях», в которых он был девять раз ранен, генерал Сеславин гласно порицал аракчеевские порядки в армии. После нескольких неудач по службе он был не только уволен в 1820 году, но и отдан под тайный надзор полиции.

Блистательно воевавший в Отечественную войну 1812 года друг и многолетний корреспондент Закревского Д. В. Давыдов приобрел славу «отца партизанской войны». Несмотря на это, Александр I решительно отказал Денису Давыдову в командных должностях. Своим вольнодумством и нескрываемой ненавистью к военной бюрократии Давыдов до самой смерти вызывал настороженное отношение властей. После ряда вынужденных перемещений по службе — переводили с одной третьестепенной должности на другую — в 1821 году 37-летний генерал-майор был назначен «состоять по кавалерии». В те времена это означало полуотставку и явное нерасположение властей. «Я никогда не пользовался особым благоволением царственных особ, коим мой образ мыслей хотя и монархический, не совсем нравился...» — утверждал он в своих сокровенных записках. В течение двух лет генерал А. П. Ермолов несколько раз обращался к царю с просьбами направить Давыдова на Кавказ, где шла война с горцами. Всякий раз Александр I отвечал резким и унизительным для болезненного самолюбия Давыдова отказом, чем и вынудил его в начале 1823 года выйти в отставку. Вероятно, его переписка перлюстрировалась, и какие-то резкие письма были перехвачены властями. Давыдов, избегая репрессий, сознательно прекратил официальную переписку с друзьями и стал отправлять письма только по оказии.

Какая горькая ирония истории! Не прошло и десяти лет после окончания наполеоновских войн, а два самых знаменитых партизана 1812 года — Давыдов и Сеславин — оказались не только вне рядов армии, но и подвергнуты тайному полицейскому надзору!

В 1815 году Денис Давыдов жизнерадостно восклицал:

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский!
С вами век мне золотой!

1823 год стал переломным для многих судеб: этим годом следует датировать начало сильного идейного кризиса, охватившего, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, почти всю мыслящую часть русского общества. Кризис переживали не только Пушкин, Грибоедов, Пестель и многие декабристы, но и ряд крупных генералов и государственных деятелей. Совпадение во времени весьма знаменательное, хотя причины были разными: члены тайных обществ стали сомневаться в возможности осуществления в России «бескровной» военной революции. В то время как Александр I лице-

мерно жаловался на нехватку людей, многие ощутили вдруг свою ненужность России.

Лишними в государстве почувствовали себя люди, еще вчера верой и правдой служившие царю и отечеству, занимавшие наиболее значительные места в русской армии. Несколько генералов осознали, что царю нужны не соратники, смеющие «свое суждение иметь», а требуются «бессловесные» исполнители. С поста начальника Главного штаба его императорского величества был смещен в 1823 году князь П. М. Волконский. Он не блистал талантами полководца. Но, убежденный сторонник суворовских методов обучения войск и прекрасный военный администратор, Волконский заложил основы Генерального штаба русской армии, прославился мужеством: в битве при Аустерлице со знаменем в руках возглавил атаку одного из полков и был ранен.

Преемником Волконского стал барон И. И. Дибич — сын прусского офицера. Генерал Дибич отличался непомерным честолюбием, сопряженным с постоянной склонностью к интригам. В битве под Аустерлицем он был легко контужен в правую руку и переложил шпагу в левую. «Подвиг» не имел ни малейшего практического значения: в атаку Дибич не ходил (вспомним аналогичный эпизод с немцем Бергом из романа «Война и мир»: Дибич послужил Толстому прототипом для создания образа Берга). В декабре 1825 года Дибич предупредил Николая I о готовящемся выступлении декабристов (он узнал об этом из доносов Шервуда и Майбороды) и энергично руководил арестами на юге.

Своего поста лишился и генерал Закревский. Он был отправлен в почетную ссылку: против своей воли стал генерал-губернатором великого княжества Финляндского. Закревский хотел выйти в отставку, но это не удалось. В продолжительный заграничный отпуск уехал генерал П. Д. Киселев — начальник штаба 2-й армии. Об отставке думал знаменитый генерал А. П. Ермолов.

П. М. Волконский: *«Всего больнее то, что у нас со всем желанием быть полезным нельзя в том успеть, и что всегда найдутся мерзкие и завистливые твари, которые разными происками откроют способ все расстроить и даже уничтожить». 18/30 ноября 1823 года, Париж.*

П. Д. Киселев: *«Я истинно люблю и предан государю, а потому душевно жалею, что состав ближайших советников не тот, который бы мог положить твердые основания государственным улучшениям... При большем зле требуются и большие средства, а здесь все половинчатое». 15 апреля 1823 года.*

«...Душа охладела, потому, что кажется принято за правило обезохочивать людей усерднейших!» 1 ноября 1825 года.

А. А. Закревский: *«Мне кажется, порядок дел в нашем государстве никогда не улучшится и потому трудно служить честным людям, которые думают не об личных выгодах, а о благоденствии своего отечества». 31 января 1823 года.*

А. П. Ермолов: *«Я не шутя ожидаю смены, которая, может быть, и потому нужна, чтобы дать место кому-либо из клиентов людей могущественных!» 30 июля 1825 года.*

В. И. Штейнгель: *«Я, как и всякий человек, знал себе цену, чувствовал свои способности, чувствовал, что мог бы быть полезен для отечества и для службы в особенности; но видел себя униженным, заброшенным, без всякой существенной вины моей...»*

А. А. Бестужев — Николаю I: *«Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности...»*

Император добивался «единомыслия», не прибегая к арестам и суду, целенаправленно очищал армию от лиц, скомпрометировавших себя политической неблагонадежностью и либеральным образом мыслей: их увольняли в отставку, лишали самостоятельных командных постов, за малейшие упущения по службе переводили из гвардии в армию, годами держали в отдаленных воинских частях, расположенных на окраинах империи.

Еще в двадцатых годах нашего века историк С. Н. Чернов аргументированно доказал, что борьба за армию (за ее офицерские кадры и солдатскую массу), которую в 1821—1823 годах вели, с одной стороны, правительственный лагерь, а с другой — тайные общества, задолго до восстания на Сенатской площади завершилась победой правительства. Александру удалось устранить от активного участия в политической жизни участников Московского съезда Союза благоденствия 1821 года.

Александр I выиграл у тайных обществ битву за армию, что поставило под вопрос саму идею «бескровной» военной революции в России.

«Силы наши у вас в обществе — одна видимость, нет решительно ничего надежного»,— вынужден был с грустью констатировать в ноябре 1824 года Матвей Муравьев-Апостол, незадолго перед этим побывавший в Петербурге и на маневрах гвардии. Он видел многочисленные примеры преданности армии царю. История Семеновского полка была совершенно забыта.

Но победа Александра I была пирровой победой. Да, власть утратила безусловную поддержку идейной части дворянства, желавшей служить отечеству. В русском дворянском обществе появились лишние люди, занимавшие не только нижние, но и верхние ступени табели о рангах. Служба царю была отчуждена от службы отечеству, что породило сильный духовный кризис ряда высших генералов, привыкших к их нераздельному единству. Их горечь по этому поводу смыкалась с негодованием членов тайного общества. Назревал кризис власти.

* * *

С ближайшим окружением Николая I у Закревского с самого начала нового царствования сложились довольно напряженные отношения.

«У нас *СТОЛБЫ* государства нимало не заботятся о пользе России, а думают об интригах и чтобы ему было всех лучше, а я действую прямым путем и несправедливости ни для какого лица и просьбы не сделаю. Жаль Россию»,— писал Закревский Киселеву 21 марта 1829 года. Графа А. Х. Бенкендорфа он откровенно презирал. Будучи министром внутренних дел, Закревский обнаружил вопиющие нарушения закона, допущенные одним жандармским штаб-офицером, и официально сообщил об этом шефу жандармов. «В ответ получил бумагу дерзкую по неуместным угрозам, а в сущности своей заключающую правило, якобы жандармские офицеры никогда не бывают виноваты, хотя бы оклеветали честного человека». Закревскому нельзя отказать в гражданском мужестве: зная, что за каждым его шагом по приказу Бенкендорфа следят агенты Третьего отделения, он не побоялся навестить в Москве своего старого друга — опального генерала Ермолова, которого царь подозревал в связях с декабристами.

Отставка Закревского в 1831 году с поста министра внутренних дел была вызвана не столько полным крахом предпринятых им попыток вести полицейскими методами борьбу с эпидемией холеры (как это обычно считается), сколько многочисленными и настойчивыми интригами Бенкендорфа и Чернышова — палачей декабристов. Целых семнадцать лет Закревский оставался не у дел. В 1848 году, уже после смерти Бенкендорфа, он был вновь принят на службу и стал московским военным генерал-губернатором.

Изменились условия и обстоятельства жизни, и он изменился — стал верным исполнителем воли государя. Свое поверхностное образование, низкую общую культуру и непонимание многих социальных проблем Закревский попытался компенсировать удивительной настойчивостью в насильственном введении «единомыслия» в Москве и искоренением «крамолы» среди либералов. Ветеран наполеоновских войн превратился в Чурбан-пашу. Только тогда он стал, как вспоминал Б. Н. Чичерин, «настоящим типом николаевского генерала, олицетворением всей наглости грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти».

В мировоззрении Закревского было нечто, роднившее его с людьми типа Аракчеева и Витта. Он неоднократно пытался решать сложные социальные вопросы военно-бюрократическими методами: особенно это проявилось в его бытность министром внутренних дел и московским военным генерал-губернатором. Но при этом абсолютно лишен цинизма, который с момента утраты правящей верхушкой «единомыслия» стал почти обязательной принадлежностью государственного человека. Всегда послушные исполнители, способные легко менять направление своих мыслей в зависимости от перемены правительственного курса, в царствование Николая заменили людей с «лица необщим выраженьем»: «умеренность и аккуратность», «раб и льстец», будут «приближены к престолу» и достигнут «степеней известных». Особенно ценился тот, кто привык «не рассуждать, но исполнять и способный приучить других к исполнению без рассуждений» (С. М. Соловьев).

В министерстве внутренних дел Закревский завел специальные журналы, где строго фиксировалось время прибытия чиновников в департамент и время их ухода со службы. Чиновники-экзекуторы следили за дисциплиной и обо всех нарушениях докладывали лично министру. Вот почему граф, которого Александр I какое-то время подозревал в либерализме, а Николай — в связях с оппозиционными кругами (Закревский даже находился под надзором «всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей» Третьего отделения), сделал блестящую, хотя и совершенно бесплодную для страны карьеру.

Талейран любил говорить: «Я прощаю людям, которые не разделяют моего мнения; я не прощаю им, если они имеют свое».

Николай Палкин был более последователен: «Он был деспот и по натуре, и по привычке, деспот в полном смысле слова. Он не терпел никакой независимости и не видел всякое превосходство... В каждой отрасли и сфере он считал себя знатоком и призванным руководителем. Никто ни в чем не должен был с ним соперничать, и все должны были перед ним преклоняться и трепетать» (Б. Н. Чичерин). Николаю I удалось добиться «единомыслия» важнейших частей государственного аппарата, но в стране ему достичь этого не удалось. Сверхзадача осталась нереализованной. В 1859 году, когда Чурбан-паша был уволен в отставку, директор Пробирной палатки, действительный статский советник и разных орденов кавалер Козьма Прутков сочинил «Проект: о введении единомыслия в России». Мог ли предположить генерал-адъютант Закревский, в январе 1821 года обнаруживший утрату правящими верхами «духа единомыслия», что он неожиданно для самого себя заглянул в будущее? Только в 1863 году (в год смерти Закревского) на страницах «Современника» появятся полные сарказма прутковские строки о необходимости, «особенно в нашем пространном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства».

Граф Закревский преуспел — он должен по праву занять в истории принадлежащее ему место субъективно честного и бескорыстного государственного деятеля, начисто лишенного цинизма, неоднократно стремившегося решить назревшие социальные проблемы при помощи мелочной регламентации всех сторон жизни общества и искренне верившего, что в слепом повиновении высшей власти и в страхе перед ней — панацея от всех бед и залог всех успехов.

Граф Арсений Андреевич Закревский был одним из тех, кто помог императору «подморозить» Россию.

Леонид Федорович Зуров (1902—1971) родился в г. Острове Псковской губернии. Детство его пришлось на самые трагические перипетии российской истории. Совсем юным он добровольно вступил в Северо-Западную армию, противостоящую лучшим германским дивизиям. «Для пятнадцатилетних плеч была тяжела винтовка»,— скажет Зуров позже в автобиографическом сборнике «Кадет» (1928).

В одном из боев он был ранен. Едва оправившись от ранения, Зуров снова занял место в строю. Однако политическая ситуация за это время изменилась коренным образом. Русские штыки, еще вчера смотревшие на запад, повернулись в противоположное направление. Зуров сражается в составе армии генерала Юденича, участвует в «походе на Петроград».

Поздней осенью 1919 года Юденич был вытеснен в Эстонию, здесь участники белого движения были интернированы. С этого момента для Зурова началась его эмиграция.

Из Эстонии Зуров перебирается в Латвию, в Ригу, где нашли приют многие российские изгои.

Ранний отрыв Зурова от родной среды частично был вознагражден неожиданным обстоятельством.

Дело в том, что после размежеваний, произошедших вследствие революции и гражданской войны, за пределами СССР остались культурно-исторические островки старой России. Они стали «святыми местами» для многих русских эмигрантов. Это Валаам, Харбин, Афон, самобытный Печорский (Изборский) край, отошедший в 1919 году к Эстонии и находившийся в ее составе до 1940 года. В этом уголке вместилось несоразмерно занимаемой территории большое историческое, культурное, архитектурное, духовное богатство России. В Изборске, например, находится легендарная «Труворова могила», а в Печорах расположен крупный Псково-Печорский монастырь XV века — подлинный исторический заповедник, полностью сохранивший не только весь архитектурный ансамбль, но и неколебимый монашеский быт.

Вот здесь, по сути, рядом с местом своего рождения, и оказался Л. Зуров. В 20—30-е годы он часто приезжал сюда, участвовал в археологических и этнографических экспедициях, в работе по реставрации памятников архитектуры и т. п. Многолетняя эта связь с кусочком родимой земли и способствовала становлению его как художника с чертами яркой индивидуальности, с собственным языком.

В 1929 году в жизни Зурова наступил переломный момент. После годичной переписки с И. А. Буниным он получил от последнего приглашение перебраться во Францию и поселиться — на первых порах — у него в доме.

Одной из причин, побудившей будущего нобелевского лауреата приблизить к себе малоизвестного молодого писателя, каких в эмигрантской среде в ту пору были многие десятки, стала, возможно, книга Зурова «Отчина», вышедшая в 1928 году в Риге. Прочитав ее, И. А. Бунин сказал: «Подлинный, настоящий художественный талант — именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает...» Как бы там ни было, но 23 ноября 1929 года Л. Ф. Зуров поселился в доме Буниных и больше никогда от них не съезжал.

Во Франции Зуров продолжал заниматься литературой, выпустил три книги: «Древний путь», «Поле», «Марьянка». Сочинения свои он писал чрезвычайно медленно, без конца переделывая. В этом смысле его можно считать прилежным учеником Бунина. Он, как и Бунин, хорошо чувствовал любую неточность, малейшую фальшь. Леонид Федорович говорил: «Когда вещь уже напечатана на машинке, тогда и начинается самая большая работа. Надо с ножницами в руках работать, проверять слово за словом... много вырезать, кое-что добавлять, сверять тексты, наклеивать и т. д. И снова перепечатывать, и опять поправлять».

С уверенностью можно сказать, что и предлагаемые рассказы претерпели самую безжалостную авторскую правку, оставившую читателю лаконичные по форме, емкие по содержанию, характерные зуровские тексты.

ГОРОД

I

На грани снежного поля, в сиреневатом дыму легким силуэтом наметился город: фабричные трубы, острые верхушки церквей и желтое пятно — купол православного собора. Вынырнули черные низкие домишки, заборы; пророкотал, дунув прохладным ветром, слившись в одну полупрозрачную черту, встречный поезд, и когда отшвырнуло его последний вагон, потянулись, заглушавшие шум колес, длинные змеи поездов, стоявшие на запасных путях.

В третьей от паровоза теплушке находились: портупей-юнкер, вольноопределяющиеся Михайлов и Львов и два коня. И люди, и кони были голодны.

На одной из остановок Михайлов, накинув шинель, раздобыл у пехотинцев полведра кипятка, и проснувшиеся добровольцы, посмеиваясь, начали его пить без сахара и заварки, зачерпывая манерками, обжигаясь и дуя на пальцы.

Под стук колес все дальше и дальше уходил фронт, сон пропал, от коней шло тепло, бегущие перед глазами, видные в слегка отодвинутую дверь снега, рождали чувство спокойствия. После крепкого, освежившего тело сна всем стало легко и славно, и каждому казалось, что приближающийся город несет какую-то долгожданную радость.

В третьем от паровоза вагоне запели. Юнкер тенором, а вольноопределяющиеся молодыми, неокрепшими голосами.

* * *

Шел декабрь. В ноябре после недолгой стрельбы, месячной ночью они ушли из родного города. Завизжал мерзлый снег, в пустынных полях запели колеса, и заколяневшие деревенские дороги увели их от родных церквей.

Для пятнадцатилетних плеч была тяжела винтовка. Вольноопределяющийся Львов был самым младшим в полку. Его любили, звали Львенком, и каждому солдату было знакомо его озябшее лицо, гимназическая шинель с вшитыми погонами, черная лохматая папаха, закрывавшая глаза, и винтовка, казавшаяся очень большой, не по росту. Он вышел в легких сапожках гамбургской кожи, и на четвертый день отстали подметки, и их пришлось подвязать телеграфным проводом.

Всем казалось, что они скоро вернутся обратно, но кончился хлеб, не хватило мерзлой, сладковатой картошки, и ночью, засыпая на ходу, они продолжали отступать, и лишь ездовому со сна иногда казалось, что повез его конь назад. На восьмой день солдаты начали разбредаться по хуторам — христорадничать. Львенок, удерживая слезы, тоже просил у чужой двери, и хотелось ему плакать и спрятать лицо на материнской груди от стыда, голода, от того, что мороз нестерпимо щипал пальцы ног и рук.

Тело чесалось, по утрам умывались снегом. Из сырой лошадиной шкуры офицеры себе смастерили поршни. Три раза полк окружали враги, но он вынырнул, и ночью, когда орудийные вспышки тревожили декабрьское небо, словно зарницы в июльскую ночь, добровольцев посадили на эшелон и повезли в приморский город, не видевший еще ни орудийного огня, ни пожара.

II

Платформа была пуста. Железнодорожники бегали, постукивая длинными молоточками, подносся к колесам масленки.

В буфете молодой человек в штатском, положив на стол каракулевую шапку, трость и перчатки, серебряной ложкой ел дымящийся суп, а на прилавках под стеклянными колпаками лежал нарезанный белый и черный хлеб, покрытый тонкими розоватыми ломтиками ветчины с белыми каемками жира, сыром, желтым и ноздреватым, здесь лежали какие-то колбаски, надрезанные рубчиками, и золотистая копченая рыба.

Львенок хотел отвернуться, но не смог. Сильно подвело живот, а язык стал влажным от голодной слюны. А господин медленно ел, и его отложенная в сторону папироса слегка дымилась.

Вчера утром добровольцы делили хлеб, пилили его на морозе над шинелью, чтобы не пропали крошки, а потом, повернув Львенка лицом к вагону, спрашивали: «кому?» Львенок отвечал: «взводному», «Михайлову», а сам мечтал о горбушке. Как назло достались крошки, а горбушку с твердой вкусной коркой получил Михайлов. Хлеб овсяный, с желтыми скорлупками от зерен, что застревали меж зубов, выдали на два дня. Сидя в вагоне, Львенок часто запускал руку в вещевой мешок, и, забирая крошки, маленькими горстями насыпал их в рот, обслонивал и медленно глотал. Он хотел растянуть запас, но сегодня утром долго царапал ногтем по дну холстины с твердым холодным рубцом и набрал лишь полгорсти.

* * *

Эшелон отвели к большим сероватым цистернам, стоявшим у кирпичных заводских корпусов и депо. Вблизи стоял белый, как свеча, маяк, и к вечеру он загорелся желтым, постепенно белеющим светом.

В теплушке было тихо. Юнкер ушел к офицерам. Михайлов говорил, что совсем близко должно быть море, а Львенок пригреб свою солому к входу, и, грея в карманах зябнувшие руки, пошмыгивая носом, глядел на свет маяка и думал о море. Оно несомненно было вблизи. В этот морозный синеющий вечер его дыхание долетело до эшелона. О море, солнечном, огромном, лазурном море, о крабах, медузах и ракушках Львенок мечтал с детства. Он думал, что славно летом бродить, закатив штаны, по песчаному дну, и выкапывать раковины, или лежать на камнях, слушать прибой, а на глубине ходят стаи розовых рыб. Можно покопаться в песке и найти куски янтаря и высохших морских коней, и вообще можно жить у моря, сколотить себе плот, построить шалаш у прозрачного пресного ручья, питаясь рыбой, улитками и устрицами. Львенок вздохнул и тихо загрустил. В городе их никто не встретил, а это было больно. Бывало, мама тихо подойдет, погладит, прижмет свою теплую ладонь к его губам, и он поцелует эту ласковую руку.

— Выходи, вольноперы! Разрешили! — крикнул юнкер, остановившись перед вагоном.

III

Добровольцы долго путались кривыми уличками, запоминая свой путь, и, миновав какие-то высокие, словно обожженные амбары, неожиданно вышли к морю.

Бледно-серая, затканная туманом даль была угрюма и безмолвна. Она дохнула соленой промозглой сырью, от которой повлажнело и сжалось лицо. Низкие одряхлевшие пароходы, со следами краски, тонкотрубные буксиры и рыбачьи лайбы с черными голыми мачтами сгрудились у берегов. Легкий шум, словно шуршал двигающийся лед, и тонкий подвиг ржавых цепей и отодранного железа шел от груды плавающих плоских тел. Зеленоватая, казалось, тяжелая в радужных масляных пятнах вода, редко всхлипывая, лизала кромку серого льда, примерзшего к гладкому граниту.

«Вот оно какое»,— подумал Львенок, и ему неудержимо захотелось попробовать воду — соленая ли? Но ступенек вниз не было видно.

Неподалеку от громадной, лежавшей на камнях пушки, окрашенной в светло-зеленый цвет, рабочие били железом о железо. В море хрипло завывала сирена.

Юнкер, зябко подняв плечи, засунув руки в карманы шинели, Михайлов, грея рукавицей ухо, а маленький Львенок, сдвинув назад налезавшую на глаза черную лохматую папаху, стояли молча, зябли под крепким ветром, пронизавшим их шинели, и не могли отвести глаз от мигающих вдали огней английского флота, узкие тела которого маячили в затуманенном морском просторе.

Да, море оказалось серым. Но когда они от него уходили, Львенок поминутно оглядывался. Простор был сер, но огромен, чудесен. Он манил к себе.

* * *

Освещенные узкие улицы, цокот подков, эхо и людские голоса рождали новый шум. На извозчиках ехали пьяные матросы, заломив на затылки синие шапочки с красными помпонами, люди шли взад-вперед, весело торопились, входили в магазины и останавливались у витрин, залитых светом, чудесных витрин, где лоснящиеся от жира колбасы висели рядом с румяными окорочками, где розовела ветчина с пристегнутой коркой, где булки, витые с маком розанчики и плюшки окружали шоколадные пироги, увенчанные сахарными бледными розами. А в одном окне они увидели елку на деревянном кресте с брошенными на ветки кусками ваты, елку в бусах, звездах, серебряных нитях.

Каждый из проходивших мимо окна вспоминал о близком Рождестве, а у Львенка защекотало в носу, и он тихо сглотнул, словно поперхнувшись.

Какой-то мальчик в серой шубке остановился и поглядел на него, на его сапоги и улыбнулся. И сразу стало Львенку не по себе. Шинель изодранная, заплатки положены черными нитками, пояс облупился, а сапоги...

— Взводный, пойдем по дороге,— сказал он, взяв юнкера за рукав.

Они пошли быстрее, не глядя больше на витрины, потому что оставалось мало времени, потому что мороз начал прихватывать, а главное, им хотелось поскорее уйти от этих очень сильных фонарей и света, широкими потоками льющегося из окон.

У взводного осталось немного личных денег. Он думал, что после маленького ужина толика останется и на табак.

Они долго бродили, выбирая ресторан, стесняясь высоких стеклянных дверей, больших вывесок, окон с белыми занавесками и, наконец, остановились перед входом в скромную столовую.

— Взводный, иди первый, у тебя вид лучше,— сказал Михайлов.

Юнкер улыбнулся и смело шагнул вперед. Львенок старался держаться посредине, чтобы никто не заметил его рваную обувь.

Пахнуло теплом, табачным дымом, запахом близкой кухни: густой веселый шум, звон ножей, тарелок и глухие выкрики людей напоминали шум в бане. Добровольцам показалось, что все посмотрели в их сторону, и они смущенно выбрали близкий к дверям пустой столик и, положив папахи на подоконник, уселись и легко вздохнули. Юнкер постучал ножом по тарелке и заказал второе и кофе.

Под папахами у них оказались давно нестриженные, свалявшиеся волосы, голодные, остро блестевшие глаза. Шум слегка пьянил, разгорались щеки, было безумно стыдно этих грязных рук, черных ободков, окружавших длинные ногти, немытых шей, и боялся Львенок, что вдруг выползет из рукава или воротника гимнастерки серая солдатская вошь и поползет по белой скатерти или сползет с косицы волос на ворот серой шинели. Только за сапоги он был спокоен — они были спрятаны под столом.

Ножи и вилки дрожали в руках, непослушными казались черенки, чашечки с кофе хрупкими — вот вырвутся из рук. Как-то поспешно они поели, расплатились и пошли.

— Русские,— сказал им кто-то вслед на ломаном языке, и вновь показалось, что все смотрят им в затылок, смотрят, как они идут к дверям и о голенища сапог бьются их обтрепанные шинели, казалось, что все видят их немытые расчесанные тела и белье, от прикосновения которого гадко и стыдно.

При выходе Михайлов неловко повернулся и лопатой выбил стекло. Львенок вначале подумал, что нужно всем бежать, словно он нечаянно попал камнем из рогатки в окно соседнего дома, но взводный остался на месте, а Михайлов что-то залепетал. На звон выбежала черненькая девушка в белом переднике и крикливо начала требовать денег. Толстый лысый лакей и девушка, презрительно улыбаясь, смотрели, как юнкер неторопливо, чуть покраснев, отсчитывал на ладони смятые бумажки, выбирая хлебные крошки.

* * *

Тихий синий вечер раскинулся над городом. Небо начинало густеть. Улица вывела их на площадь, окруженную редкими голыми деревьями, над которыми стоял розоватый свет — легкое зарево от фонарей.

Снова стало чудно и легко. На площади, куда лишь слегка доносило шум улиц, было пустынно. В прозрачных сучьях роились огни противоположных строений, снег начинал сочно похрустывать на подмерзших островатых старых следах. И неожиданно издали после басового перебора мягко взмыли звуки медного оркестра. Играли очень старый, с детства знакомый вальс.

Львенок забыл, что он доброволец и стрелок второго полка, забыл тяжелый путь, и ему захотелось легко под такт ступать, кружиться и смеяться. Звуками меди был пронизан весь вечер с его холодеющим разбуженным звездами небом, звуки плыли по снежной, ровной пелене.

Сколоченная из свежих сосновых досок эстрада-раковина была видна издали, над нею повис удлиненный лиловатый фонарь.

Не торопясь, добровольцы подошли к промороженному, шершавому, пахнувшему зимним лесом забору.

В щель Львенок увидел веселый блеск светлой меди, ее заслоняли черные, быстро проносившиеся фигуры; лед, изрезанный коньками, покрытый тонкой белой пылью, молодой лед. Шум шел равномерный. Легкий звон стали, игравшей холодными острыми искрами, шорох движения и похрустывавший равномерный бег.

Потому что Львенок вспомнил про свои остроносые коньки, гимназический каток с елками на снежной гряде, гимназисток, у которых смешно подвертывались ноги и которых он учил бегать, держась рука об руку крест-накрест и катал в креслах, потому что он не мог теперь покататься, ему снова стало грустно, словно его юность, юность Львенка была давным-давно, а все, что было, было во сне.

— Взводный, а если бы на каток? — сказал полувопросительно Львенок и поднял голову.— Немножко?..

Юнкер не смотрел в щель. Он стоял слегка закинув голову и слушал вальс. Он обвел всех глазами и, поведя плечом, ответил:

— Без денег не пустят.

— Нет, пустят, ведь мы добровольцы,— начал торопливо Львенок, обращаясь то к юнкеру, то к Михайлову,— солдат должны так пустить,— и он потянул Михайлова за рукав.

— А что, если попытаться? — сказал Михайлов, улыбнувшись уголками губ, и одернул шинель.

Они стояли друг подле друга, забыв про свои прожженные шинели. Юнкеру тоже захотелось пойти. Вальс разбудил что-то больное, что-то напомнил, словно спрятанное в душе несмело постучалось и попросило. «Господи, как хочется счастья»,— подумал юнкер.

Михайлов пошел к кассе, он переговорил с розовощекой барышней, продававшей билеты, и скоро вернулся.

— Нельзя,— ответил он сухо и потупился.— Нужны деньги,— добавил он.

— Мы не будем кататься,— перебил его Львенок,— мы только посмотрим.

Юнкер подсчитал оставшиеся деньги. Нужно бы купить сигарет, табак уже все равно не купишь, подумал он, но передал Михайлову все, что у него было.

Львенок ожидал, перетаптываясь. Но вернувшийся Михайлов вместо ответа протянул юнкеру деньги.

— Ну, что?

— Не взяла, мало,— сказал Михайлов, махнув рукой, и голос его дрогнул. Он отвернулся.— Я все... я сказал,— продолжал он в сторону, а потом посмотрел юнкеру в лицо своими карими, заблестевшими от набежавших слез глазами,— сказал, что солдаты, что завтра на фронт...

Близко прошла парочка. Он, эстонский офицер, нес коньки, а она, молодая девушка, звонко смеялась, когда он что-то говорил ей на ухо, и перед входом прокатилась на каблучках по замерзшей луже, слегка повиснув у него на руках.

Еще не кончили вальс. Трубы пели все так же ровно и легко. Добровольцы молча стояли у стены, не глядя друг другу в глаза. Юнкер молча поднял воротник шинели и надвинул глубже свою защитную фуражку с надломлеиным козырьком.

Позади были снега, костры, заставы, на которых они мерзли, позади был одинокий, голодный путь.

* * *

В теплушке стоял теплый конский дух. Маяк светил расширяющейся полосой, и над городом стыло легкое зарево. Но город уже не маиил к себе, он казался чужим и холодным, свет его огней — призрачиым, лишь приманивающим лживым светом. Юнкер не спал. Он лежал, широко открыв глаза, и курил. Он вспомнил покойную матушку, детство, он подумал, что потерял все — и родину, и семью, что ои больше иикому в этом мире не нужен, что нельзя верить этой жизни, что люди холодны и жестоки. Юикеру показалось, что как будто бы кто-то в углу тихо всхипывал. Он приподнялся и зажег спичку. Львеиок и Михайлов лежали, прижавшись друг к другу, иакрывшись с головами шинелями. Показалось, подумал юнкер и, стиснув от душевной боли зубы, повернулся на бок и вновь закурил.

IV

За ночь потеплело. Утром моросило. Серые тучи висели над городом, повлажнели цистерны и кирпичные стеиы, пожелтел размятый снег, покрывавший деревянную платформу.

Полк был выстроен перед эшелоном. Полк снова отправлялся на фроит. Его командир, седоусый полковник в порыжевшей серой шинели, с георгиевской ленточкой в петлице, в смушковой папахе, надетой острием вперед, хрипло говорил полку о долге и о России. Этого старого человека знали и любили. Львенок стоял в строю. У всех теперь были бледные, вытянувшиеся, со сжатыми скулами лица, худощавые подбородки были слегка вскинуты. У всех горели глаза. У Львенка щемило сердце. Ему казалось, что по безмолвным солдатским рядам быстрым током бежит горячая дрожь. И от этой дрожи светлела даль, она вновь казалась призрачной и новой, а слезы — ночным сном.

Когда замер протяжный крик, вырвавшийся из солдатских грудей, а сырость, пришедшая с моря, стерла отголоски, полковник, сморгнув, отер рукой мокшие усы и скомандовал на молитву.

* * *

Потом дрогнули колеса. Черным клубом дыма закрыло эшелон, и он вскоре пропал за голым заворотом. А днем выпал снег и запорошил следы у деревянного забора катка, белый снег, который всегда покрывает человеческие следы...

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ...

Еще утром пасмурилось.

Серая пелена облаков заткала все небо и, снизившись, потушила поля. День глянул бледный, подернутый туманной пеленой. Из-за стального лезвия Финского залива ползли набухшие тучи, опустив в море фиолетовые гребенки дождя.

Облака плыли от Кронштадта.

Думалось, что серые форты Петропавловки и гранитную набережную сечет дождь, разбивая на Неве белые клочки свинцовых волн. Петроград — глыба холодных зданий, с мокрым блеском торцов, куполов и крыш. Из торцовки растет молодая трава, шумят редкие автомобили, матросские и курсантские части отбивают шаг.

От Воронина проселочная дорога сбегала по крутому скату, закруглясь в новостроенной деревушке, и терялась в болотнике.

Воронино взяли с тяжелым боем накануне. Белый помещичий дом уже второй раз наблюдал с вершины холма, как наши жидкие цепи, упорно карабкаясь и цепляясь, всползали под пулеметным огнем на овражистые кручи, как в липовых аллеях умирали стрелки, а другие перебегали звеньями, отстреливаясь и передавая лопаты.

Белый дом с разбитыми стеклами, попорченный пулевыми метками, видел, как бившая по иас курсантская батарея умышленно делала перелеты и недолеты, а когда мы приблизились и красные дрогнули, батарея повернулась и стала метко бить по отступающим цепям.

Наше усталое «ура» подхватили курсанты. Оно было заслужено многими телами, что распластались по скатам и темнели в овраге у серебристой речки Воронки.

У плитняковой ограды росла шатровая липа. В тот деиь под ней около неуклюжего пулемета было убито двое. Оба юные, сильные, любившие солнце, и липу, и жизнь.

Вольноопределяющийся Борис Немин упал навзничь, раскинув руки. Глаза смотрели сквозь развилину липовых сучьев в небо. Лишь на белом широком лбу темнело пятно. Ефрейтор Фетисов припал рядом, пораженный пулей в голову, уткнулся в высокую траву.

В тот вечер в парке выросло много холмов. Молодую березовую поросль порубили бебутами на кресты. Наспех связали белые стволы телефонной проволокой.

Роты нашего полка, вторая и третья, под командой батальонного, ротмистра барона Огерна, что ехал на коне, угловато рисуясь, вышли из имения. Меж лип, опоясанных плитняковой оградой, мелькнул белый угол и скрылся.

Матросов мы знали по старым боям. Знали их черные иеложащиеся цепи. Боевая задача была спуститься в низину, войти в лес и выбить их из деревни Кожаново.

Над суходольными полями пылила мокрая мгла.

Спускались в низину. Пестрая карта лесов и болот тянулась вплоть до Копорской губы. На холодиом стальном море, слившемся с небом, чернели точки английских кораблей. Они мирно стояли на рейде, пропуская красные суда, что, распустив дымные полосы, высаживали у Красной Горки десанты. По вечерам в море вспыхивали желтые искры сигнальных огней и потухали. Тогда среди солдат плели нити недоверчивые толки и слухи.

Батальонный ехал молча. Он много говорить не любил, приказания отдавал сквозь зубы, впивался глазами, указывал направление стэком. В бою располагался рядом с бьющимися цепями. Молча курил, молча глядел. На длинном остзейском лице дергались мускулы. Немного глумливо и зло слушал, как перекатывалась стрельба.

У барона Огерна выправка и тон гвардейского офицера и умение жить не спеша, глядя презрительно в лицо смерти.

Теперь он опять вел нас, играя конем, равнодушно и устало.

Цепь двинулась перерывистой лентой твердо и уверенно. Хлюпали выстрелы, перебегая кружилась стрельба.

Двое наших упало. Дождь шел серой шумливой полосой, глушил мокротой стрельбу. Заклокотали с пригорка матросские пулеметы. Захлестнули ровной строчкой.

От первой цели поплыли отдельные крики, смутные, но требовательные. Кричали наши.

— Э-и-й...

Крупные капли пузырили лужи. Черные матросские силуэты привстали на волнистой линии пригорка.

— Урра,— пронеслось по цепи.

Наша стрельба стихла, там задергалась сильнее.

— Уррра...— вспыхнуло крепче, разбивая сырой воздух. Вязки земельные комья. Наши пошли в штыки.

— Ура,— кричал раненый стрелок, прижимая к плечу кровавую тряпку.

— Взяли их, братцы! Взяли!

Мокрое овсяное поле размяли, спутали прошедшие цепи, в черную хлябь втоптали колосистые пряди.

Меж кочковатых берегов шумел мутный вспененный ручей. Под набухшими бревиами моста, упершись в тину руками, валялся убитый матрос. Желтая струя ручья мыла голову.

Один полз, подминая овес, царапая землю руками, раненая нога в кровавой портянке волочилась следом. В наших глазах он увидел бесстрастные отсветы серого неба — крикнул:

— Землячки...— и умолк, сжав зубы.

На пригорке сгорбились пятнистые сараи. Подкова размокшей дороги вела к воротам, где серые стрелки выстраивали черную шеренгу пленных.

У ротмистра барона Огерна в руках стэк. Поля фуражки обмокли. По собранному лицу бежали дождевые капли, срывались с козырька.

Небо прорвало местами. Бежали растрепанные седые тучи. Ротмистр, скривя рот, следил за бледными лицами пленных, что грузили на окованную железом телегу морские пулеметы с закопченными медными надульниками, слушал отрывистую солдатскую ругань.

Около пленных ходил молча стрелок, разглядывая в упор.

— Ишь, звезду налепил! — заревел он на левофлангового молодого матроса.— Сыми звезду!

Тот, матово побледнев, сдернул фуражку. Снял звезду и, не зная куда ее деть, напряженно смотрел карими глазами. Стрелок ударом выбил ее и затоптал в жидкую грязь.

Враг был разбит, принижен, остались незнакомые люди в синих намокших гимнастерках, со смертельной бледностью лиц. Расспроси — окажутся архангельские, тверские.

Рослая, упруго сбитая шеренга. Мешались молодые обветренные лица с изжитыми. Грязные тяжелые рубахи обливали мускулистые груди и плечи. Ветер трепал мокрые ленточки с золотыми якорями.

Огерн твердым шагом обошел строй захваченных. Стэком указал на завязшую в грязи телегу и крикнул, сверкнув зубами.

— Впрягай-сь!

Матросский строй распался поспешно и недоумевающе.

— В оглобли! — хлестко добавил батальонный.

Корявая корнистая дорога малоезженой лентой поднималась медленно в гору. Каменная кладка, подминаясь, уходила в моховую жижу. Из березняковой чащи веяло тяжелым сырьем. Сизые кусты кропили брызгами. После дождя ясно особенно. И как свежо. И где-то отозвалась птица.

Гора пошла круче.

Грудями налегая на оглобли, хватаясь за спицы колес, безмолвно, они волокли окованную железом телегу. Пружинились мускулы. Срывались упиравшиеся в плитняк ноги. Синяя груда, влипшая в колеса и оглобли, дымила распаренными телами. Лишь лица с открытыми жалобно ртами оставались бледными.

Те, что несли раненых, шли в ногу, ревниво оберегая носилки от толчков и колыханий.

В этом безмолвном желании угодить, сделать глаже, ровней, чувствовалась роковая обреченность и страстное желание избегнуть конца.

— Мы, братцы, когда подбегали, кричали, клади винтовки; а те из амбара пулею жалят,— говорит стрелок,— переходи, ничего, мол, не будет... Только один, что носилки несет, бросил винтовку и через ручей перешел. Так, черти, по своему стреляли!

С горы открылись дали. Бледное море лежало неподвижно, справа синеевел силуэт Красной Горки.

Командир второй роты, широкоплечий рослый капитан в смушковой, намокшей папахе смотрел в отобранную у матросов трубу на море. Усталые солдаты остановились и взглянули на пройденный путь и изрезанные пашнями курчавые дали. И незаметно оглянулись друг за другом матросы, как бы прощаясь навек с полоской родного, холодного моря.

Стряхнули березы дождь капель, когда мы вышли на шоссе.

В сером небе ветер рвал тучи. Гнал растрепанные седые клочья к Ямбургу. В полях полегли побитые дождем хлеба. Тяжелые колосья, спутанные вихрями, сникли к межам. Тяжело лежали поля.

Раненых и телегу сдали на хутор. Сбили пленных в кучу, окружили конвоем и погнали по длинным лужам.

Придорожные тополя пахли нежно и пьяно.

Тяжело громыхая колесами, зарядными ящиками и щитками, разбрызгивая грязь, обогнала нас шедшая на рысях трехдюймовая батарея.

— Наши курсанты! — закричали стрелки.

Ездовые и номера, молодые, в длиннополых потемневших шинелях, в черных намокших бескозырках, что-то радостно прокричали, помахав руками.

— Клешников захватили! — вырвался из шума радостный крик.— Клешников!

Меж мокрых лип мы увидели желтые и голубые дали. В поле, у снятых с передков орудий разгорались артиллерийские костры. Стрелки окружили двух курсантов.

— Ну как, в Питере ждут нас?

Длинный канонир с острым мальчишеским лицом волновался.

— Да как еще. Голод, кругом расстрелы. Нас ускоренным выпуском сняли. Парад устроили. Троцкий речь говорил. Что мы защитники красного Петрограда — надежда русской революции... А в батарее нашей студенты, кадеты и бывшие юнкера. Верите ли,— горячился он, всматриваясь в лица...— Мы еще в училище тайную клятву дали. Вместе держаться и при первой возможности перейти.

— Молодцы, ребята,— шумели кругом солдаты.

— Так в Питер, айда!

— Мы, братцы,— горячился канонир,— обязательно Петроград должны взять. Все страдают и ждут.

— Возьмем,— подхватили солдаты.

— Ну, а как у нас служить — лучше?

— Боже мой. Конечно. Все свои. Офицеры старые... Только вот...,— оборвался он на мгновение и покраснел.— Когда мы перешли, два стрелка с наших шинели сняли. Нехорошо. Они кадеты и здорово обиделись. Что белые ... а сняли.

— А какой роты,— посыпались вопросы.

— Отдадут. Это они не знали.

— Найдем, так пришлем шинельки-то. А вы красных снарядом покройте!

Пленных выстроили перед зданием гостиницы. Худощавый офицер с двумя конвоирами брезгливо обходил дождевые лужи, в которых ломались матросские отражения.

Офицер по одному отводил пленных в белую комнату, где заседал с военно-полевым судом ротмистр Огерн. Стрелки смотрели, как водили матросов, и возвращались в строй.

Чувствовалось, что шеренга не упадет на колени, не будет просить о пощаде.

Допрос кончился.

Офицер медленно вышел, посмотрел на небо. Остановился на правом фланге. Так же медленно пошел по фронту, пристально глядя в десятки темных от волнения, следом провожающих глаз.

Пленные, затаив дыхание, безумными глазами провожали офицера. Он остановился перед высоким матросом с интеллигентным лицом, что перешел, бросив винтовку.

— Следуйте за мной!

По шеренге прошло колыхание. Одним человеком стало меньше, и строй сомкнулся. У вышедшего переменилось лицо.

Еще несколько медленных шагов — фамилия другого. Молодой матрос с прилипшей к шее ленточкой четко вышел из строя.

— Смирна! — скомандовал офицер. Прошло волнение по ряду голов. На фуражках вырезаны золотые буквы судов и команд.

— На первый, второй рассчитай-сь!

Хриплыми, сырыми, срывающимися голосами рассыпались цифры.

— Первый, второй...

При повороте головы буквы сливались в золотую полоску.

Вздвоенные ряды повернули налево и, окружив их конвоирами второй роты, повели за здание гостиницы.

Лишь у переднего пожилого матроса голова была заброшена дерзко и упрямо.

В последний раз промелькнули лица, груди и чьи-то мертвые глаза.

— Жалко,— сказал номер Волненко больное и острое слово.

— Всех людей, братцы, жалко.

Дорога подсыхала. В наступившей темноте у костров звонко ржали артиллерийские кони.

ИНЖЕНЕР-ФОТОГРАФ

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

Д.П. Понсов на даче

В нашем семейном архиве бережно хранятся продолговатые картонные коробочки с негативами. На них запечатлены виды Москвы и дачная подмосковная жизнь, строительство Московской окружной дороги и заграничные вояжи. Автором съемки был мой дед — фотограф-любитель Дмитрий Петрович Понсов. Он родился в 1874 году в Соликамском уезде Пермской губернии. Будучи сыном бывшего крепостного крестьянина, ставшего мастеровым Чермозского чугуноплавильного завода господ Лазаревых, Дмитрий Петрович привык с детства рассчитывать только на свои силы. Окончил Пермское техническое железнодорожное училище, в 1895—1897 годах участвовал в строительстве Забайкальской железной дороги. В конце 90-х дед переезжает в Москву и женится на дочери московского 1-й гильдии купца Лидии Митрофановне Солодовниковой. С 1899 года служит в конторе по изысканиям и строительству Московской окружной железной дороги. Всеобщее увлечение фотографией не миновало и Дмитрия Петровича. Именно к началу XX века относятся первые его снимки.

Сооружение окружной дороги было явлением замечательным для своего времени. Построенная в рекордно короткие сроки (с 1903 по 1908 год), она соединила все дороги лучами, сходившимися к Москве, что упростило доставку грузов с одного направления на другое, а также связала многие дачные местности ближнего Подмосковья. Все постройки — мосты, станционные строения, водокачки, мастерские, паровозные депо, жилые дома, для служащих, были выдержаны в едином архитектурном сти-

Испытание прочности моста

Строительство моста у Новодевичьего Монастыря.

Дом для персонала

ле господствовавшего тогда модерна.

Целая серия фотографий посвящена центральной части Москвы. Еще жив храм Христа Спасителя, Кузнецкий мост привлекает разнообразием лавок и магазинов, цела Китайгородская стена, а ансамбль Красной площади украшают Иверские ворота и Казанский собор.

К 1910 году семья разрослась. До революции у Дмитрия Петровича родилось четверо детей. Летом вся семья выезжала на дачу. Больше всего фотографий сделано в Подмосковье. Это и семейные прогулки, и охота, и чаепития, и дачные развлечения. Все то, о чем мы знаем по Чехову. Снимки точно передают атмосферу доброжелательной, спокойной семейной жизни, которая, увы, утрачена, так же как и памятники архитектуры.

В Москве семья деда жила в пятикомнатной квартире за консерваторией. Несмотря на скромные доходы, содержали прислугу. Бабушка, Лидия Митрофановна, каждый год ездила лечить легкие на курорты Швейцарии или в Ниццу, где, кстати, тоже немало фотографировала. Такую жизнь позволяло обеспечить жалованье обычного техника путей сообщения, составлявшее сорок рублей в месяц.

Все снимки Дмитрия Петровича сделаны до 1914 года. Мы не знаем, то ли прошло увлечение фотографией, то ли скорее всего просто жизнь изменилась настолько, что стало не до фотографирования. После революции дед продолжал служить в железнодорожном ведомстве и умер в 1934 году во время служебной командировки от инфаркта.

ВЛАДИМИР ПОИСОВ

Театральная площадь. Москва 1904 г.

Кузнецкий Мост

Сдано в набор 1[illegible] 4 91 Подписано к печати 13 05 91 Формат 84×60[illegible] Бумага офсетная Печать офсетная Усл печ. л 11.16 Усл кр отт 31.62 Уч-изд л 16.85 Тираж 1[illegible]2 716 экз Заказ № 421 Цена 2 руб

Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им В И Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865 ГСП Москва А-137 ул «Правды» 24